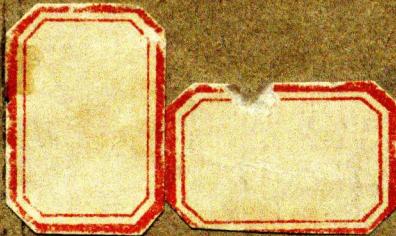

ТУВИНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

УЛУГ-ХЕМ

Литературно-художественный
альманах

2

ТУВИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЫзыл - 1951

ТУВИНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

УЛУГ-ХЕМ

*Литературно-художественный
альманах*

2

ТУВИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЫЗЫЛ — 1951

ПРЕДИСЛОВИЕ

11 октября 1950 года трудящиеся Советской Тувы отметили шестидесятие со дня вступления тувинского народа в многонациональную семью народов великого Советского Союза и двадцатилетие со дня введения тувинской письменности.

К этому дню трудящиеся Тувинской автономной области пришли с большими успехами в развитии народного хозяйства и культуры.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, при братской помощи великого русского народа в Туве в 1921 году победила национально-освободительная революция, тувинский народ был освобожден от феодально-колониального гнета.

Великая партия Ленина—Сталина, Советское правительство оказали Тувинской Народной Республике хозяйственную, политическую и культурную помощь в ее самостоятельном существовании и развитии. При содействии коммунистической партии и правительства Советского Союза была создана тувинская национальная письменность. Родная письменность способствовала успешному хозяйственному и политическому росту страны, она положила начало культурной революции в Туве. В целях дальнейшего сближения с народами Советского Союза Тувинская Народная Республика совершила переход с латинского на русский алфавит.

Все эти мероприятия являлись отдельными звенями в общей цепи событий, приведших к укреплению братских отношений тувинского и русского народов и завершившихся в октябре 1944 года вступлением тувинского народа в братскую многонациональную семью народов Союза Советских Социалистических Республик.

Беспримерны успехи нашей Родины в хозяйственном и культурном строительстве. Под гениальным водительством товарища Сталина советский народ выполнил и перевыполнил послевоенную пятилетку и приступил к сооружению величественных строек коммунизма.

Исторические работы товарища Сталина по языкознанию озарили ярким светом пути дальнейшего развития советской науки. В них дано мудрое решение важнейших теоретических вопросов, связанных с дальнейшим движением нашей страны к коммунизму.

Наша любимая Родина возглавляет лагерь борьбы за мир, демократию и социализм. Многонациональный советский народ демонстрирует перед всем человечеством великий пример созидательного труда и творческого соревнования трудящихся в построении светлого коммунистического общества.

Пафосом созидательного труда и творческого соревнования охвачены и трудящиеся нашей молодой области, борющиеся под руководством партии Ленина—Сталина за дальнейшее развитие социалистической экономики и культуры Советской Тувы.

Задачи трудящихся Советской Тувы состоят в том, чтобы усилить борьбу за ускорение социалистического преобразования народного хозяйства, самоотверженно трудиться в дружной семье народов СССР, неустанно бороться за дальнейшее процветание хозяйства и культуры области, за укрепление славы и могущества нашей Советской социалистической Родины. В этой борьбе большую роль призвана сыграть и наша художественная литература.

Выходящие в свет книги литературно-художественного альманаха „Улуг-Хем“ на тувинском и русском языках свидетельствуют о ряде достижений в литературном творчестве тувинских писателей—прозаиков и поэтов.

Но это начало их большой работы. Руководствуясь методом социалистического реализма, писатели Советской Тувы должны создавать больше новых произведений, раскрывающих происходящие в нашей области процессы социалистического преобразования народного хозяйства, сочетая правдивость и историческую конкретность художественного изображения с задачами воспитания трудящихся в духе коммунизма.

„Советские писатели и все наши идеологические работники,—говорил товарищ Жданов,—поставлены сейчас на передовую линию огня, ибо в условиях мирного развития не снимаются, а, наоборот, вырастают задачи идеологического фронта и, в первую голову, литературы. Народ, государство, партия хотят не удаления литературы от современности, а активного вторжения литературы во все стороны советского бытия“.

Салчак Тока

К Большому порогу

СЛОВО АРАТА

Главы из повести

НА БЕРЕГУ

Как только вернулась Албанчи, мать стала собираться в дорогу. Мы решили перекочевать к устью реки Терзиг. Кочевька наша была необычная: перед нами не шел скот, нагруженный оством юрты, кошмой, кожаными выюками и красными сундуками в золотых узорах, не мычали коровы и яки, не блеяли овцы и козы, не лаяли собаки, как в таборе Таш-Чалана или Тожу-Хелина. Мать отряхнула с чума берестяной покров, свернула его в длинную трубу и навьючила на меня, а сама с Албанчи увесила себя узлами и связками всего, что еще могло быть в жизни полезно из нашей утвари и одежды.

Мать идет впереди, за ней—Албанчи с дочкой, позади всех я. Мы поднимаемся по берегу Каа-Хема. Тихо-тихо. С тропы слышно, как журчит по гравию вода. Каа-Хем напитал влагой берега. По нем густо взошла светлая зелень. Не только лиственница и тополь, но и осина не шевельнет своими листьями. Не дрогнет лепесток на цветке черемухи, белоснежный, пахучий. Лишь изредка нарушают эту тишину птицы и рыба в Каа-Хеме: вспорхнет с берега селезень; увидев стрекозу, подскочет высоко над водой и звонко плеснет хвостом харизуз; зашумит пена на пороге.

Мать, обливаясь потом, шла бодрая, веселая. Встряхивая и подкидывая всем телом выюк, чтобы он легче лег на спине, она то и дело приговаривала:

— Вот как, дети! Идем-то мы в новые места искать счастья, идем к русским жителям.

Внезапно перед нами оказались два всадника. Они быстро едут навстречу.

Воскликнув — «Это тужуметы¹⁾» — мать быстро подбежа-

¹⁾ Тужумет — чиновник.

ла к бугру, опустила на него ношу, ослабила перекидной аркан и скинула выюк. Также поспешно она побежала навстречу всадникам, встала на колени у края дороги и наклонилась до земли. Мы спрятались за кустами шиповника. Лежим, смотрим, почти не дышим. К матери приближается облако пыли. Сквозь пыль вижу двух богатырских коней. На солнце блестят шелковые халаты всадников. Сверкают серебром стремена, блестки на уздечке. Скачут быстро, как на бегах.

Один из чиновников подскочил к матери так близко, что конь мог наступить на нее. Тugo натянув повод и вздернув коню голову, он визгливо закричал:

— Куда ползешь, подлая? Олять идешь народ успокоить?

Мать поклонилась до земли. Быстро заговорила:

— Я иду к устью Терзига. Там я поставлю свой худой чум. Я хочу найти у поселенцев работу и кормить своих детей...

— Хитрая гадина! Кому не известно, зачем ты идешь?

Чиновник взмахнул кнутом на длинном кнутовище с медной оправой. Ременный кнут зажужжал, как оса, обвиваясь вокруг тела матери. Всадники подняли коней с места на дыбы, повернули их на задних ногах к дороге и скрылись за деревьями.

Мать поднялась. Она стала другая. На потном лице налипла пыль. Мы выбежали к ней из своей засады. Я посмотрел ей в глаза — они были холодные, злые. Я спросил:

— Мама, за что они тебя били?

Желая меня успокоить, мать объяснила:

— Мы, сынок, помешали ехать господам, нарушили их порядок. Когда тужумет едет по своим делам, нельзя стоять близко к дороге, надо отойти в сторону. Если скажут «подойди» — надо приближаться на коленях и кланяться поклоны. А я растянулась у самой дороги. Прогневила благодетелей. Кони могли напугаться. Теперь пойдем, а то они услышат — могут убить.

Мать вдела руки в плечевые ремни и, качнувшись, пошла. Мы тоже навьючились и молча пошли.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Разбили чум на берегу Каа-Хема в устье Терзига среди больших лиственниц с наплывшей на стволах серой. В то время в устье Терзига поселились русские крестьяне — там стояло пять или шесть домов.

Вскоре я познакомился с русскими детьми.

С опаской поглядывал на строения, возведенные жителями Усть-Терзига, и не решался приблизиться к ним. Мне вспоминались сыновья Мекея. Чтобы перейти на другой край селения, я обходил строения задами, озираясь по сторонам.

Но мне страстно хотелось побывать в бревенчатых домах, узнать, как живут в них неведомые мне люди. Издали я следил за играми русских детей, старался понять и запомнить их движения. Незаметно для себя с каждым разом я подходил к ним ближе и начинал понимать все больше слов из их языка. Игравшие дети тоже стали ко мне приглядываться. Первый мой знакомый к которому я осмелился подойти, когда он сам с собой играл в городки, был мальчик Ванька Родин. С первой встречи он показался мне ровней и я, в мыслях, поклонился с ним. Летом он при всякой погоде ходил без рубахи в коротеньких штанах из некрашеного холста, заплатанных на коленях. Когда он замахивался палкой, длинные ноги приrostали к земле, ребристое тело круто изгибалось и на высокой голове, как осока на кочке, разметанная ветром, рассыпался в стороны целый куст золотистых волос. Он брал палку не спеша, но метал ее так стремительно, что она, мгновение прогудев в ушах, выщелкивала городки, нередко с одного раза, далеко за черту. Познакомившись с худым мальчиком и померившись с ним в меткости, я еще больше удивился: у него не было одного глаза. Свертники прозвали его Кривым Ванькой, а за то, что его лицо было изъедено оспой, сгоряча и из зависти называли его просто Рябой. Никто из мальчиков не посмел бы напасть на Ваньку и вступить с ним в драку, но многие надсмеялись над ним за его убогую одежду и уродливую внешность. В моем наряде, из которого я к тому времени не в меру вытянулся, я тем более не мог рассчитывать на снисхождение у насмешников. Это сблизило меня с Ванькой. На нашей стороне было еще несколько мальчиков. Мы стали совместно обороняться и навещать друг друга на дому.

Жилища моих новых друзей были маленькими избушками без крыш, но они казались мне сказочными теремами — в них, по сравнению с юртой и чумом, было необычайно просторно, светло и тепло. Здесь вместе с новыми людьми я встретил много чудесных вещей. У себя в чуме я знал древнюю чашу из чугуна с приросшей к ней копотью и расщелиной на одном боку, деревянную чашку пепельного цвета со стершимися краями, обсосанную сотнями таежных путников, принимавших из нее угощение от бабушки и матери, знал, что самое главное блюдо за очагом — жареное пшено, заваренное чаем и посыпанное драгоценной солью, которую привозили за тридевять земель, выдолбив ее киркой из соляной горы или соскоблив вместе с илом с берега соляного озера. А здесь были большие глиняные печи, в которых приготавливали из толченого зерна сразу на несколько дней большую круглую пищу с коричневой коркой. Я научился называть ее хлебом и без нее уже не мог жить. Раньше я умывался только водой из Мерген, когда переходил ее вброд. С Ванькой я попал в дом,

где люди моются горячей водой, и научился говорить ба на я.

Дело началось для меня очень плохо. Мы играли с Ванькой. Вдруг он подбежал ко мне сзади, схватил мою косичку и вздернул ее вверх.

— Хаа, парень! Ты же совсем пропал! У тебя под косой муравейник! Если сейчас не выпарить—всем беда. Идем!—Он схватил меня за руку и потащил к избе. Не дойдя до дверей, он уже выкрикивал:

— Мама, а мама! Смотри, что у парня завелось под косой. Он их выгребает рукой и кидает на землю. Одежда еще страшней. Скинет ее на булыжник и приглаживает камнем. Они шипят и лопаются, как в ступе спелая черемуха. Что делать, мама?

Мать Ваньки на минутку показалась в дверях. Я увидел, как по ее белому строгому лицу пробежала улыбка. Вскоре она подала Ваньке чистую одежду и коричневый кусок, похожий на подгорелый сыр. Мы хотели уже идти, но Ванька забежал в избу, под его быстрыми ногами загремели в избе толовицы, туда и сразу назад. Выбежав из дверей, он весело хлопнул меня по плечу:

— Айда в баню! — и побежал прямо к проточной канаве.

Я понял, что Ванька хочет немного согреться, чтобы легче было в вечерней прохладе раздеваться и поливать себя ключевой водой. Все же я решил сначала посмотреть, как это сделает мой друг, и поэтому бежал за ним не спеша. Ванька поджидал меня на берегу канавы у какого-то черного возвышения. Это был маленький домик, закопченный снизу доверху. Из него пахло прелой гарью и дымом.

Ванька ввел меня в домик. На подоконнике сквозь горячий туман мерцал огонек. В правом углу, как ова¹ на перевале, высилась груда черных камней, подпирающих огромную чашу. Рядом стояла бочка с водой. В глубине был высокий настил. Для чего он служит, я узнал немного спустя. Пока я рассматривал внутреннее устройство домика, Ванька раскладывал принесенные вещи на лавке. Вдруг у меня за спиной чихнули ножницы. Обернулся и вижу в руках у Ваньки черную косичку. Он поболтал ею в полосе красного света, струившейся из топки под камнями, держа за хвостик, как подбитую змею, и, сверкнув задорно здоровым глазом, швырнул в огонь. Привычным движением я вздернул руки к затылку — моей косы нет! Я вскочил и закричал не своим голосом, как, сывало, кричал Пежендей, проигравший схватку:

— Уйди! Уйди!

Ванька не уходил, уставив на меня широко раскрытый недоумевающий глаз.

1) Ова—жертвенная насыпь из камней на горных перевалах.

— Вот тебе! — Я набросился на Ваньку. Я должен был отомстить за обман, за кощунство, за поруганную дружбу. Но Ванька не отвечал на мои мыкылаши.¹⁾ Я слышал только его растерянный голос:

— Брось! Брось!

Опомнившись, я хотел убежать. Ванька настиг меня у дверей и крепко сжал руку.

— Чего расшипался? Змея! Ты пойми — мальчишки не носят кос. Это девочка ходит с косой. Посмотри на меня, на Родьку, на Епишку. Разве можно большому мальчишке ходить с косой? Раздевайся, скидывай в это корыто. Я залью кипятком.

Началось мое первое умывание. Сколько было смеха и слез! Ванька все время смеялся. Мы смеялись оба, в перегонки, как бывает после ссоры у хороших друзей.

Ванька прибавил огня в светильнике, и комната озарилась. Похлопывая себя по раздутым ребрам, Ванька первый раз закачался от смеха, когда я, обмыв руки и лицо горячей водой из корыта, где парилась моя одежда, и решив, что наше умывание чересчур затянулось, попросил моего друга выдать мне чистую одежду. Потом очередь смеяться перешла ко мне, когда Ванька, разведя в шайке воды из чаши и бочки, начал натирать голову коричневым куском и она вдруг оделась в высокую шапку из белой пены. Я сделал себе то же самое. Вот оно мыло: коричневое — а выпускает белую пену, маленькое — а уже покрыло две головы и само осталось в руках. Как смешно! Мое веселье сразу оборвалось, когда я почувствовал, что мои глаза отравлены ядом и мне их больше никогда не открыть. Какими злыми словами я отчитывал Ваньку за второй обман — за ужасный яд, который он подсунул мне вместо мыла! И как я негодовал на себя за то, что второй раз доверился Кривому Ваньке, который и меня захотел сделать кривым. Ослепнув, я не мог вырваться из его рук. Я топтал ногами и визжал, захлебываясь водой, которая хлынула на меня сверху.

— Открой глаза! — крикнул Ванька, окатив меня еще раз горячей водой и обшарив руками голову и лицо. Я раскрыл глаза и удивился, как все стало хорошо: глаза не болели, голове и всему телу было легко и тепло. Какие чудеса еще придумает Ванька в этом сказочном доме? Он берет большую связку лыка, такого же лохматого и золотистого, как волосы на его голове, и начинает изо всей силы стирать его в кипятке, пока шайка не наполнилась доверху пеной. Потом он стал выщепывать мне на спину горячую пену и растирать лыком затылок, шею и спину. Я убедился, что Ванька делает все, как надо, и владеет искусством мыться в бане не хуже, чем игрой в городки.

1) Мыкылаши — тумаки, побои.

В тот день я порядочно волновался, подходя к чуму. Как посмотрит мать на исчезнувшую косичку и мой необычайный наряд? Выслушав мой рассказ, мать одобрила все происшедшее.

Быстро летели неугомонные дни. Я проводил их на ногах под открытым небом — среди детей. Летом играли в бабки, в лапту, в городки, вместе купались в реке, собирали груды цветов в долинах Терзига и Кaa-Хема забирались в заросли красной и черной смородины, на лужайки, усыпанные клубникой. Зимой катались на санках и лыжах с обледенелых гор, бегали вверх и вниз по Кaa-Хему на деревянных коньках.

Я так сдружился с русскими мальчиками, что не только не боялся их, как недавно боялся сыновей кулака Мекея, но даже начал скучать, когда их долго не видел.

Пролетело второе лето. Мы перенесли наш чум в деревню и поставили на лугу против бани. Перед зимой мать ушла навестить Кангый и Пежендея. Оставшись один, я стал еще больше привыкать к жизни среди домов. День провожу среди деревенских детей. Ночью незаметно пробираюсь к одному из крестьян, ложусь у печи под стол и нежусь в тепле.

Бывал я во многих домах, но чаще всего ходил к Санниковым.

Максим Санников был самый высокий крестьянин из всех, встреченных мной на Кaa-Хеме, — сухой и длинный, как лиственница. Головой он доставал крышу своей избы.

Сыновей у него было двое: один — глухой, Ванька, другой Сергей, оба старше меня. Матери они лишились несколько лет назад. Из разговоров соседей я узнал, что Санников приехал из центральной России в Сибирь искать свободной земли и вольной жизни. Помещик отобрал у него пашоту. В то время были крестьянские бунты. Санникова преследовали. Во время сkitаний он потерял половину семьи: жена умерла от болезни, старший сын был на каторге, оттуда бежал и пропал без вести, дочь утонула на переправе в горной реке. Ванька оглох, ныряя между льдин в воду, чтобы спасти сестру.

Я никогда не забывал своего первого друга Ваньку Родина, по прозванию Кривого. Но за короткое время я еще ближе сошелся с глухим Ванькой — сыном Санникова и подружился с его братом и отцом.

Вечером я приходил к ним, забирался под стол и ложился спать, как в своем чуме.

Утром кто-то теребит меня за голову. Просыпаюсь. Это — Максим Санников.

— Ты опять забрался под стол? Вставай, вставай.

Услышав его голос, я выползаю и вскакиваю.

Бывает и так. Санников берет меня за ноги и вытаскивает из-под стола. Посмеивается, качая головой: «Крепко спиши, крепко спиши!» Показав на миску с картошкой, а то и с

oland'ями, он приговаривает: «Проспишь — пеняй на себя. Есть их нужно впору, когда от них пар идет, когда они сами в рот просятся» — и подсаживает меня к столу, за которым уже сидят Ванька и Серега. Один подмигивает мне, другой весело щурит глаза пододвигая миску ближе к моему краю. Я думал: «Как хорошо человеку с таким отцом, как Санников, и с такими братьями, как Иван и Сергей». И в самом деле Санников стал мне родным отцом, а его сыновья — старшими братьями.

Но счастье мое длилось недолго. Однажды я услышал такой разговор: «Как жить, — говорил Санников, — если в устье Терзига всю землю захватил Михайлов. Какая радость — убежать от помещика и снова попасть в кабалу. Придется перекочевать под Ташуольский хребет».

Сергей качнулся вперед и оперся локтем о колено: «Вчера пошел в степь накосить сено на корм коню. Михайлов сам прибежал, вбил кол в землю, сказал — моя земля, поставилю здесь изгородь — не смей косить. Выходит, все устье Терзига стало его пахотой и на Кыс-Кежиге сенокос — его, а дальше тоже везде натыкал кольев — хочет маралов разводить. Куда деваться?»

Что значит помещик и кто такой Михайлов — я не понял, ясно было одно: уедет мой отец под хребет и братьев моих заберет.

С плачем провожал я Санникова, а когда вернулся к их пустой избушке, еще горше заплакал и побрел в свой чум.

Много времени спустя Санниковых вернулись, но к тому времени в моей жизни произошли большие перемены.

КУДА ИТТИ?

Как-то выходим с матерью из чума. Она оглянулась на новые дома и говорит:

— Отдам тебя на работу к этим русским. Ведь ты уже большой.

Я слушаю мать и соглашаюсь. Мне уже минуло 9 лет — я, в самом деле, стал человеком. А простые русские люди уже внесли в мою жизнь много света и радости.

Несколько дней мать присматривалась, выбирала, к кому лучше пойти.

Однажды она взяла меня за руку, подвела к одному из домов поселка:

— Здесь живет человек, у которого ты можешь работать. Он ищет работников.

Мне было приятно думать, что я войду в семью, живущую в большом, теплом доме. Вспоминался ласковый прием в семье Максима Санникова. Я не возражал. С радостью согласился. Не знал я тогда, что такое батрак и какая у него жизнь.

Взявшись за руки, мы вошли в дом богача по имени Чолдак-Степан. Это и был Михайлов, о котором говорили Санниковы. Его звали «Чолдак» (Короткий) за низкий рост. Зато у него была густая широкая борода, а живот отвислый, раздутий, как будто он носил под рубахой кошму для целой юрты.

Мать показала на меня. Поклонилась. Заговорила на ломаном тувинском языке, думая, что так будет понятнее Чолдак-Степану:

— Таныш (знакомый), это моя маленькая балан (мальчик). Ты нужно его брать работа? Мне ты тара — хлеб давать, я тебе сына давать — так ли?

Чолдак-Степан раскричался.

— Я у самого балан, здоровые батраки есть. Тара нет. Понимаешь, твой собачий сын балан не может работать. Уур, гадина! Что ты, дурная старуха, здесь приходить? Ну, ну, уходить вон!

Мать продолжала просить:

— Пожалуйста, возьмите!

Чолдак-Степан вытолкнул мать, подбежал ко мне.

— Ты теперь маленький балан, потом я тебя брать, — теперь ну! Уходить вон!

Он сжал мне ухо и вывел за дверь.

Не говоря ничего друг другу, мы с матерью дошли до чума. Присевши на корточки у входа, стали советываться.

Мать говорит:

— К тувинцу итти, к русскому итти — все равно, если он бай или чиновник. Так и выходит. Что нам теперь, как лучше? Сходим еще в один дом?

У меня задрожал голос.

— Сама ты знаешь мама, сама подумай, куда итти, с кем говорить.

Мы пошли еще в один дом. Он стоял на самом верху поселка, в устье Терзига. Люди здесь только что поселились.

Вошли в него. Сидит старик с белой бородой — как у Мечея. Его жена — высокая, дородная, смотрит приветливо. Мать степенно наклонила голову, потом склонилась в пояснице. Подняв руку, вежливо спросила:

— Таныш, как ваше здоровье?

Сидевшие в доме ласково ответили:

— Здравствуй, таныш, садись.

Мы сели на длинное сиденье, которое называется скамейкой. Мать еще не пришла в себя от всего, что видела у Чолдак-Степана. Она села, но долго не начинала говорить.

Звякнула и без скрипа растворилась дверь. В избу вошли мужчина и женщина. Им было не больше, чем по 25 лет.

Я осмотрел пол и стены. Это была совсем новая, только что сложенная изба. Такие домики — немного больше чума — называют казанак.

Хотя изба была маленькая, в ней не было так жарко, как в других домах. Внутри избы было хорошо прибрано. На стены полки выстелены бумагой. На средней полке с одипаковыми промежутками лежат три темнокоричневых каравая. Пахнет свежим хлебом. Я подумал о нашем чуме. При входе у нас тоже стоит полка на берестяных колышках. Но на ней помещалась только одна деревянная чашка, одна миска и берестяной туесок, да лежала мочалка, которой моют чугунную чашу.

Люди улыбаются. Отсвечивает загар на караваях хлеба.

Я все осматриваюсь. В избе, кроме меня, нет детей.

Мать сидела в раздумье. Потом она подняла голову и, кивая на меня, сказала:

— У меня балан есть, у тебя балан нет. Ты его взять, мне хлеба дать. Понял ли, таныш?

Старик развел руками и приподнялся, полусогнув в локтях руки.

— Что ты нужно, кадай? Я не пойму.

Мать заговорила громче. Еще раз все объяснила. Показав на меня, сказала по-тувински: «Это тебе!» Потом подбежала к караваю: — «Это — мне!»

Старик оживился.

— О,шибко хорошо. У меня маленький балан нет, у тебя балан есть. А-а! У меня хлеб есть, тебе я давать, сильно хорошо, ажирбас¹).

Мать с радостным смехом зашептала мне на ухо: «Видишь? Ты будешь здесь жить, будешь работать. Видишь? Они согласны».

Она снова обратилась к старику.

— Очень хорошо, мой балан будет у тебя работать, таныш.

— Ладно, ладно, сильно хорошо, твой балан будет здесь; я буду смотреть.

Мать вывела меня из избы.

— Видел, мой сын? Ты теперь будешь работать у них. Хорошо, внимательно работай. А то они тебя прогонят, и нам будет плохо.

Мать прижала к груди мою голову, поцеловала. Повторила несколько раз «хорошо работай» и быстро ушла.

Я смотрел ей вслед. Когда мать скрылась, я осторожно подошел к дому и остановился у входа.

Молодой хозяин избы, увидев меня, поднялся со скамейки, подбежал и похлопал по плечу.

— Ты сильно якши. Ну, будем хлеб есть.

Он подвел меня к столу. Все тоже уселись, начали меня угождать. Я долго не мог понять, почему в этой избе меня приняли так хорошо — совсем не так, как у Чолдак-Степана.

¹⁾ Ажирбас — ладно.

Ведь я оставался таким же и ничего им полезного еще не сделал.

Впоследствии я узнал, что моих хозяев зовут Лубошникovy. Они, как и Санниковы, много страдали от белого царя. Спасались от преследования саратовских кулаков и помещиков и перекочевали в этот край. Они были очень бедны. Хотя старик Лубошников был совсем седой и в морщинах, но делал все сам. У него не было внуков, а у его сына Аггея — детей — помощников. Я был рад, что буду им помогать запрягать коня, молотить хлеб, перевозить копны и снопы, править конем на пахоте.

Мать Аггея меня тоже называла сыном, кормила, как члена своей семьи, обула в новые бродни.

Через год я стал работать, как все крестьянские дети.

Правда, я был еще не очень силен, но старался всюду поспеть за Аггеем, подражал каждому его движению. У Аггея научился я труду.

Сам Аггей и его отец всегда рады были мне что-нибудь объяснить, охотно показывали вещи крестьянского обихода. Запрягая коня, Аггей подзовет меня и все расскажет: «Это — хомут, надевать его надо — смотри — вот так; только раньше надо осмотреть; если грязь налипла — очисти, сбей, не то коню шею натрет и она загноится... Вот это — шлея, без нее хомут неловко сидеть будет...» Покажет мне дугу, седелку, супонь, расскажет о телеге, о санях, объяснит, как впряженять в них коня.

Так учил он меня на всякой работе, как отец учит сына...

Начинал я учиться сельской работе по весне, когда плугом поднимали пласти сочной, черной земли. Тут я, как у нас говорят, «правил головой лошади», сидя верхом, потом, на сенокосе, возил копны; как хлеб начали убирать — возил на ребристой телеге снопы.

Хозяин меня очень любил, и я не сердился, когда он, под горячую руку, не спускал мне моих грехов. В июле пахать пары выходили перед зарей. В это самое время, как «правишь головой коня», ужасно клонит ко сну, бывает — задремлешь. Лошадь выйдет из борозды, а зоркий пахарь тут как тут: подстегнет коня с того бока, куда завалили, да и меня в придачу...

Аггей учил меня не только работам по крестьянству: он, знакомил меня с играми, с забавами русского народа. Отработали мы свои положенные дни, — он и говорит: «Сегодня большой день, по-нашему — праздник, воскресенье».

День выдался ясный. Старики в тени домов сидят, лущат кедровые шишки, щелкают орехи. А деревенская молодежь высыпала на зеленый берег. Тот день мне запомнился таким счастливым, таким веселым; тогда я и научился играть в лапту. Атаманил соседский парень Епишка против Ваньки Кривого. У

обоих мячи взлетали, как жаворонки, и сразу утопали в небе. Епишка был глазастее Ваньки, но его партия проиграла, признаюсь, по моей вине: я был больше невпопад. И досталось мне за это от зубоскалов товарищей!

Труднее всего мне удавался уход за конем. До Аггея я никогда не ездил верхом. Я только завидовал другим детям, которые умели кататься без седла и уздечки, барабаня своих лошадок босыми ногами по надутым бокам.

Как-то я с трудом взобрался на рыжего коня и поехал, чтобы пригнать коров. Рыжка был старый и очень злой. Я этого не знал. Я думал не о Рыжке, а о коровах. Куда они ушли? Озираясь кругом, я ослабил поводья. Вдруг мой Рыжка рванул в сторону, скинул меня на землю и ускакал.

Я долго горевал. Вечером плакал, уткнувшись в подушку

Старик Лубошников утешал меня: «Все хорошо. Не горюй: и коровы твои пришли, и Рыжка твой давно вернулся...».

Во второй раз мой Рыжка поступил иначе. Я опять собрался ехать на нем за коровами. Медленно подходил к нему и готовился спокойно взять за гриву. Не сводил глаз с его головы. Он то косо взглянет на меня, то опять не замечает, щиплет густую траву.

Когда я к нему почти совсем подошел, он рывком вытянул ко мне на шею, укусил за плечо, несколько раз тряхнул и опрокинул на траву.

Я ощупал рукой плечо. Кусок одежды с кожей был вырван. Образовалась большая рана. Я прижал плечо другой рукой, хотел остановить кровь, но она продолжала струиться.

Куда теперь идти? В чум к матери или домой — к хозяйину?

Здесь росла высокая трава. Я лег в нее; отсюда меня никто не мог видеть. Я старался не подавать голоса и не знаю, как мать меня нашла.

В этот день она шла к Аггею навестить меня. Увидела ли она, как вздрагивают на лугу стебли ковыля, услышала ли их шелест, или просто случай навел ее на мой след? Из-за травы надо мной склонилась ее лоснящаяся голова, на меня смотрят ее испуганные глаза.

— Как ты, милый, упал? Не плачь, встань.

— Хотел пригнать коров. Рыжуха меня укусила.

Мать увидела разорванную рубаху и рану на плече.

— О-о! Несчастный мой! Пусть простит меня небо!

Больше она ничего не сказала, подняла меня с земли, сорвала каких-то листьев, приложила к ране, повязала поясом и повела к дому Аггея.

— Больше тебя не оставлю. Уведу в наш чум. Постой здесь.

Я остался за дверью. Мать запальчиво говорила Аггею:

— У себя в родном чуме так не будет. Беру к себе его.

Мои глаза и уши, кровь и сердце будут спокойны.

Ловя каждое слово, я прислушивался к их разговору.

— Как, — изумился Аггей, — ты хочешь забрать сына в такую страду! Я не обижал его. Что сделаешь с проклятой скотиной?

Все равно не оставлю, — возразила мать.

Я подступил к порогу:

— Аггей меня совсем не обижал, я хочу у него остаться, мама.

Мои слова лишь ускорили развязку: мать забрала меня от Лубошниковых. По дороге она с горечью выговаривала мне:

— Ты совсем покинул меня. Я сама привела тебя к людям, я сама сказала: «Хорошо, ходи в баню; хорошо, носи круглую шапку с козырьком спереди, а не сзади». И сказала: «Учись ремеслу, учись хозяйству, старайся работать». А ты научился своевольничать, размахивать руками — на кого? На свою мать!

В те годы бедный арат не смел шагать прямо, должен был ходить с полусогнутой спиной, с повисшими, как плети, руками, готовыми к земному поклону. Неужели моя мать хотела видеть меня всегда таким? Нет, она втайне радовалась тем изменениям, которые находила во мне при каждой встрече, и с гордой улыбкой провожала меня в путь по новым тропам жизни. Но в этот раз испуг за меня затемнил ее светлые глаза.

Ласково прижав к себе здоровым плечом, мать привела меня к чуму.

Начиналась новая зима.

Наш чум стоял по ту сторону Кaa-Хема на опушке леса, в местности Тонгеликтиг. Здесь, в прибрежных ущельях, было больше зимнего корма для коз. Местность была новая, но старый чум попрежнему, как островерхая кочка, торчал у подножия холма. Река обмерзла по краям. Я часто выходил из чума и, глядя на встревоженную пучину Кaa-Хема, покрытую снежной лавой, вслушиваясь в прощальный шелест и скрип пловучих ледяных островков, провожал их вниз — туда, где поднимались к небу белые дымки деревни. Там остались мои сверстники, мои новые знакомые и друзья, мой труд и мои забавы.

Я прожил в чуме с матерью несколько дней. Она сама заговорила о Лубошниковых и отпустила меня в деревню.

Семье Аггея это понравилось. Они хвалили меня за работу, пошли из пестрой шерсти брюки и рубаху.

В субботу Аггей пригласил меня в баню. До того я мылся на полу стоя и не взбирался на банные полати, где можно мыться только лежа или сидя. Аггей затащил наверх шайку со связкой березовых веток и позвал меня. Под потолком

парный воздух пылал жаром. Я вскрикнул и хотел спуститься вниз, но Аггей меня пристыдил:

— Погоди. Выдержишь — мужчиной будешь, не выдержишь — бабы засмеют.

Что говорить — я рад выдержать, но как быть с головой, особенно с ушами, которые начинают вариться в этом пару, как в чугунной чаше на гудящем очаге. Я пригнулся к коленям и прикрыл уши ладонями от жары.

Аггей не хочет облегчить моей уничижительной участии. Он сует березовые ветки в горячую воду и придвигает ко мне. Я не успел скатиться на землю и убежать. Аггей схватил меня за руку и замахнулся. Я умру в этом пекле, от руки Аггея, не повидавшись с матерью. Истошно кричу, умоляю не сечь. Обещаю исправиться и гораздо лучше работать. Мой крик озадачил Аггеля:

— Ступай-ка вниз. Смотри, как люди парятся.

С приступок лестницы к потолку вытянулось тело Аггея. Веник пошел хлестать по нему ошпаренными листьями на тонких прутиках. И вот кожа на человеке уже горит заревом, как старинный кувшин из красной меди начищенный золой. Я попросил Аггея так же начистить и меня.

У Лубошниковых я прожил бы много лет. Думаю — навсегда остался бы у них как родной. Но Аггею Лубошникову пришлось уйти из деревни в Кок-Хаак. Я не спрашивал Аггея, что заставляет его уходить с Терзига, где он совсем недавно построил новую избу. Все же догадываюсь, что это произошло по вине Чолдак-Степана, который прибирал к рукам все больше земель на Терзиге и за это возил подарки салчакскому ийону¹⁾.

Перед расставанием я раздумывал: поеду вместе с Аггелем — мать будет от меня слишком далеко, не поеду — придется возвращаться к матери и снова жить в чуме, а уже пришла настоящая зима.

Встречая меня, Чолдак-Степан стал со мной заговаривать. Пришла мать. Он и с ней повидался. Стал говорить по другому: «Приведи ко мне сына. Еда хорошая, работа легкая, Я тебе буду помогать».

Мать задумалась, но ответа не дала. Ей было жалко Аггеля.

Наступил день отъезда Лубошниковых. Они погрузились на двое саней. Готовы отправиться в дальний путь.

— Ну, прощай, друг, поехали в Кок-Хаак. Если захочешь повидаться, приезжай. Люди довезут, — сказал Аггей и крепко пожал мне руку.

— Счастливой дороги, до свиданья! — воскликнул я, широко улыбаясь, хотя мне было очень грустно.

1) Нойон — князь.

Проводив Лубошниковых, я посоветовался с матерью и решил пойти работать к Чолдак-Степану.

В ЗЕМЛЯНКЕ

Спускался вечер. Небо было далекое, совсем голубое. Только там, где оно сходится с землей, стлался морозный туман.

Как подумаю сейчас, Чолдак-Степан был очень богат. Его земля занимала куда больше места, чем весь поселок в устье Терзига в котором жило десять хозяев. Земля была обнесена крепким забором. Во дворе стояло два амбара. В доме, кроме сеней и кухни, было две больших комнаты. Внутри большой изгороди — несколько скотных дворов, тесовый навес и даже кузница.

Я уже стоял у дома Чолдак-Степана, но не мог сразу решиться в него войти. Не легко мне было забыть, как он в первый раз вытащил меня за ухо из сеней. Подумав еще, я вспомнил мать: она перенесла так много горя — гораздо больше меня, но всегда думала о лучшем. Наказывая меня: «Работай хорошо, не бойся». Я сказал себе: «Не буду бояться» — и открыл дверь.

Навстречу мне поднялся Чолдак-Степан. Он валит к дверям — грузный, как медведь.

«Опять беда! Он со мной теперь разделается не так, как в тот раз», — мелькнуло у меня в голове. Не входя в дом, я быстро захлопнул дверь, выбежал во двор и стою в отдалении.

Чолдак-Степан вышел на крыльцо:

— Ну, ну, чего убежал? Пришел работать или воровать?

Вскоре я оказался в кухне его дома. Чолдак-Степан меня научал:

— Если будешь работать — сильно хорошо работать надо. Если плохо работать — хлеб есть не нужно. Сильно много хлеба даю. Если плохо работать, много мыкалаш даю.

Он погрозил кулаком. Я решил, что уже пришло время хватать меня за уши. Невольно присел, — потом отбежал к стене.

Чолдак-Степан усмехнулся. Заговорил спокойно.

— Прокопьевна, дай-ка чего-нибудь парню. Пусть скорее идет да идет спать к работникам. Рано утром пошлем с Чолдак-оолом за сеном.

Наталья Прокопьевна — вторая жена Чолдак-Степана. Ему больше пятидесяти лет, а Наталье едва минуло двадцать. Она дочь лесоруба Тиунова. Землянка Тиуновых стояла за канавой позади дома. У Тиунова бородка росла клином, волосы над лбом торчали немного вперед, как иглы у ежика. Если бы они не были белыми, как иней, никто не дал бы этому

подвижному старику, пришедшему к нам из Вятки, девяноста лет. Ходил он в длинной до колен рубахе, в лаптях из ивовых прутьев, перепоясан широким гемнем, за который всегда была заткнута лопата, а с другого бока — топор.

Жена Тиунова, Ельдокия Ивановна, выглядела еще старше: лицо в глубоких морщинах, изо рта выпали все зубы.

Я часто перескакивал через канаву и забегал к ним. Старики радушно меня принимали, кормили мягким хлебом поили овсяным кумысом. Они сохранили бодрость и силы хотя прожили на земле столько зим; справлялись со своими посевами, огородом и старенькой негой кобылой.

Чолдак-Степан, приходя к Тиуновым, говорил: «Зачем вы хло почете? Хлебушком нас господь не обидел, хватит вас прокормить».

Старик Тиунов на это отвечал: «Хорош хлеб у другого человека, а свой — лучше. Мы вам не мешаем, и вы нам не мешайте жить»...

В один из вечеров я сказал Тиунову:

— Объясните пожалуйста. У тувинца всегда за поясом нож и огниво, а вы ходите с топором. У вас так положено?

— С малолетства я ходил в лесорубах, под Вяткой. Пиль там завелись недавно. Всю жизнь я простукал на лесосеке, рубал топором — на промышленников, как твой Степан. Мой топорик со мною состарился.

Сказав так, Тиунов достал из чехла топор и прижал его шершавую щеку к своим губам. Топор и вправду состарился: углы его истерлись, округлились, он стал похож на старинную сэкиру.

Я хорошо понял, что этот сухопарый, бойкий стариk одного корня с нами и потому не любит он своего зятя, а дочь Наталку проклинает за то, что она оторвалась от своего ствола и прилепилась к степанову гнезду.

В мой первый приход хозяйка молча выслушала Степана. Не глядя на меня она взяла лежавшую под умывальником деревянную миску, поставила на табуретку около порога, налила супа, разломила пополам кусок хлеба и положила на табуретку рядом с миской.

— Садись быстро ешь, рано на заре надо вставать. Чего развалился, нехристь?

Я стал перед скамейкой на колени. Картофельный суп и лакомая горбушка хлеба показались мне очень горькими. Я не мог понять, за что Наталья Прокопьевна меня ругает, когда я еще ничего не успел сделать.

Я быстро поел все, что мне дали. Смотрю — идет по двору Чолдак-Степан, на руках у него много разного тряпья, он говорит:

— Утром с Чолдак-оолом поедешь за сеном. Оденешь вот это.

Он опустил передо мной поношенный халат и бросил на пол старые бродни¹). В куче тряпья я нашел шапку-ушанку. Правда, у нее одного уха недоставало. Я спросил Чолдак-Степана:

— Где буду ночевать?

Он показал на землянку в углу двора:

— Там развесивается сбруя, хомуты, работники спят со своей сбруей.

Я взял в охапку свою «одежду» и пошел в сарай. Это была полуzemлянка. По стене в один ряд пробуравлены дырки, в них забиты колышки. Вдоль стены была настлана солома. Поверх соломы брошены покрывала. Я увидел среди них и старенькие потники, служившие одеялами и бывшие холщевые халаты, и даже дохи с облезшей шерстью.

— Вот это твое место. Здесь будешь спать — и есть будешь здесь. Зря не сиди. Раздевайся, ложись.

Дав мне такой наказ, Чолдак-Степан удалился. В землянке людей че оказалось. Но было уже поздно. Я улегся один и скоро заснул. Проснулся от стука и возни. Захлопывалась и раскрывалась дверь. Вместе с холодным воздухом в землянку ворвался дегтярный потный запах. Это вошли со сбруей, с хомутами, седелками батраки Чолдак-Степана. Они развесили хомуты по колышкам на стене. Их было около десяти человек. Среди них были и мои знакомые: стройный и, видимо, очень сильный, с живыми пристальными глазами, в таком же, как я, полуушубке и в броднях Тарбаган, маленький и толстый Чолдак-оол, высокий с горбатым носом Петр Сидоров, Родион Елисеев, Данилка Рошин и еще несколько человек.

Вошла Наталья Прокопьевна, она поспешно поставила на землю перед настилом еду в общей миске и в луковице — сухарей. Попрежнему не глядя на нас, она сердито сказала: «Нечего сидеть, скорее ешьте» и, прижав двумя пальцами нос, как будто она боялась вдохнуть спретого воздуха, выбежала из землянки.

Батраки приготовились к еде. Уселись в кружок перед миской.

Тарбаган взял первым ложку, с видом умелой хозяйки зачерпнул немного темной жижи и плеснул назад в миску.

— Плохо ли хорошо ли — надо есть. Если начнем разбираться, и такого могут не дать, — заметил Петр Сидоров и первый начал хлебать. Все последовали за ним.

Быстро поужинали и легли спать. Петр Сидоров, не раздеваясь, лег рядом со мной

— Прибавляется нашего брата. Так-то, ребята. На что ему

¹⁾ Бродни — саноги из сырой матней кожи.

столько батраков? Еще вот этого малыша нанял. Пусть будет так, когда-нибудь до него доберемся.

Сидоров помолчал, повернулся на постели и продолжал:

— Я на Усу и в Минусинске встречался со многими хорошими людьми. Слышал от них, что придет время, — народ прогонит теперешних господ, скажем, — Степана Михайлова да вицего князя Идам-Сюрюна, которые пытают и мучают таких людей, как мы.

Петра Сидорова слушали с большим вниманием, рассказывали о жителях Уса и Минусинска. Некоторые недоверчиво посматривали на Сидорова и хмуро возражали ему, ссыгаясь на судьбу.

Я долго не мог уснуть. У меня в ушах звенели красивые, уверенные слова Петра Сидорова.

Я думал о сильных, мужественных людях, про которых рассказывал Петр Сидоров. Как мне сравняться с ними? Я опирался на стены землянки, на хомуты и с тревогой думал:

— Вынесу ли новую тяжесть, как они?

Я задремал и опять слышу: загремела дверь, входит Чолдак-Степан — злее, чем раньше.

— О-о! Лентяи! Думаете только о своем брюхе, о своем сне, а кони уже давно стоят на привязи, небось обсохли, выстоялись. Почему до сих пор не накормили? Если вам не дать поесть хоть один вечер, что скажете, а? Вставайте, подлецы!

С этими словами Чолдак-Степан толкнул сапогом Тарбагана, потом схватил Данилку Роцина двумя руками за волосы и потащил с постели.

Данилка заревел; думаю, не от боли, — больше со зла. Обеими руками, как в лавке завертывают проданную вещь, намотал на ноги портянки и натянул бродни.

Петр Сидоров скинул одеяло, поднялся во весь рост перед Чолдак-Степаном и сдавил жилистой рукой его плечо.

— Что вздумал? Таскаешь малого парня... Кто дал **такое** право? Ты — хозяин на дворе, здесь я старший. Не дам обижать. Ты сам подлец.

Петр поднял над головой Чолдак-Степана сухой, как кость, кулак.

Чолдак-Степан растерялся, попятился к двери.

Петр вернулся к своей постели, крикнул:

— Еще будешь так, — убьем.

Чолдак-Степана уже не было в землянке. Он стоял снаружи, прикрыв дверь, и протяжно, с опаской выкрикивал в щель:

— Живы вставайте кормить коней, а то смотрите, больше не спущу. А ты, Петька, сильно не расходись. Я вам покажу.

— Хорошо напугал старика, пузырь в животе чуть не лопнул!

Батраки дружно рассмеялись. Наспех натянули обувь, накинули куртки и выбежали из землянки кормить коней.

Я СТАНОВЛЮСЬ ВОЗЧИКОМ

В этот вечер мы говорили не долго. Уставшие за день батраки быстро заснули. Каждому из обитателей нашей землянки, вероятно, приснилось, как и мне, чтонибудь хорошее. В середине моего сна, путешествуя по тайге вслед за героями сказки Тарбазана, я внезапно проснулся. Передо мной — Чолдак-Степан; касаясь моего подбородка, трясется его борода, взрагивают жилы на опухшем лице. Он ухватил меня за ухо совсем так, как жена Хелина в мое первое путешествие с матерью, и вздернул, словно большую куклу, на ноги, сипло, злобно выкрикивая:

— Что ты такой проклятый спиши? Работать надо! Ты что — работать пришел или спать, а-а?

Как мышь юркнувшая в норку, я спросонок заполз в свою непомерно большую одежду. «Беда, — мелькнуло у меня в голове, — поступил в работники и сразу проспал». Я в ужасе огляделся. Землянка пуста. На стенах почти нет хомутов и дуг. Только стоит попрежнему густой занавес конской сбруи. Нет и людей — от них остались только постели. Видно, пожалели рано будить, а потом забыли.

Я бросился вон за Чолдак-Степаном. Во дворе темно. Еще ночь. Он стоит у коновязи и запальчиво тычет в лошадей.

— Вот гнедой конь, вот рыжий конь, вот каурый конь. Это твои кони — запрягай в сани. Понимаешь?

Он потащил меня назад в землянку. Так же потыкал в хомуты и седелки, уставился на меня и молчит. Я понял, что надо более подробно разобраться в принадлежностях конской сбруи. Повторяя в уме их названия, я наклонился и начал разбирать хомуты, седелки, уздечки, вожжи.

— Чего копаешься, как червяк? — кричал Чолдак-Степан, выталкивая меня из землянки.

Запутавшись в ремнях уздечек и поводьях которые я в смятении сгреб в охапку, я упал руками на край порога и сорвал кожу с ладони. Проворно вскочив, я пошел к лошадям, волоча сбрую и обтирая кровь о подол рубахи.

На конном дворе я запряг выделенных мне лошадей в сани и привязал их к изгороди. Во дворе остался из батраков один Чолдак-оол.

Дакко закончив упряжку, он поджидал меня.

— Живо сбегай — поешь, за сеном далеко, надо сегодня обернуться два раза, — поторопил меня Чолдак-оол.

Я крикнул ему на ходу:

— Сейчас прибегу, ты подожди

В избе на лавке передо мной — опять давешняя кружка с чаем и корка хлеба.

— Быстрей шевелись, один остался! — крикнула хозяйка.

Пока я завтракал Чолдак-оол выстроил свой обоз вдоль
плетня и в хвост поставил мои упряжки. По первому знаку
он готов хлестнуть головного коня и гикунуть — встал на ко-
лени в дровнях, смотрит на дорогу, а в левой руке — вожжи,
в правой — ременный кнут.

Я уселился в последние сани и собрался уже сказать Чолдак-
оолу: «Готов, покатили», — как из-за пластины выбежал Чол-
дак-Степан.

— Серого жеребца кто позволил? Глаза слепые, проклят-
ый, а-а?

Что-то хрюстнуло по затылку, в ушах загудело, и земля
зокосилась. Я потерял сознание.

Очнувшись, увидел себя в санях — навзничь, весь окоче-
нел; ноги, свесившиеся к земле, постукивают о бугорки снега.
Кони трусят вверх от заимки. Подняться нет сил. Сначала
перевернулся ничком, потом подтянул ноги и сел болтая отя-
желевшей головой, как жеребенок в туче мошки.

Каурка, который бежал вслед за лошадью Чолдак-оола,
и мой конь отстали от обоза. Чолдак-оол, повернув назад то-
лову, только выкрикивал:

— Погоняй! Погоняй!

Я схватил кнут, оставил позади своего коня, потихоньку
пересел на сань Каурки и, чересчур сильно размахнувшись,
обжег витым ремнем круп коня. Осев под внезапным ударом
на задние ноги он рванулся вперед и поскакал. Теперь его не
остановишь. Он вихрем полетел мимо Чолдак-оола обочиной
дороги и, снова свернув на дорогу, помчал в открытую степь,
как на скачках. Скоро уже сворачивать вправо на луга в
Кыс-Кежиге, где стоят стога Чолдак-Степана. Но какое до
этого дела обезумевшему коню. Он проскочил поворот и по-
нес меня по другой дороге. Чолдак-оол гонится за мной и ры-
ками, каждым взмахом кнута набирает скорость. Это еще
больше распалаляет моего степняка. Слыши за собой надвигаю-
щуюся погоню, он еще туже вытягивает шею и еще дальше
выбрасывает копыта. А я сижу недвижно и не знаю, что
предпринять. Будь у меня вожжи, я мог бы как-нибудь управ-
лять моим зарвавшимся рысаком. Но он запряжен без вож-
жей, так как был в обозе хвостовым и лишь по моей оплошно-
сти вырвался в головные.

Как теперь быть? Я слышу оклик Чолдак-оола:

— Слезай! Ко мне!

Я спрыгнул в снег. Чолдак-оол машет мне и кричит:

— Вперед! Беги!

Я побежал изо всех сил, но Чолдак-оол на своем лихаче
меня догнал, и я, ухватившись за край саней, ввалился в ех-
саны.

Свернув немного влево и подхлестнув коня, Чолдак-оол передал мне вожжи. Пустые сани, которые мы тщетно старались догнать, оказались впереди направо от нас. Их было еле видно в предрассветной мгле.

Чолдак-оол верно рассчитал. Сказалась кочевая сноровка, когда из сорвавшегося с места табуна выхватываешь арканом необъезженного степняка. Пущенная им петля ловко уцепилась за передний конец левого полоза мчавшихся впереди саней. Чолдак-оол приказал дернуть еще влево и подогнать коня. Тогда наши сани, соединенные длинной веревкой, пошли под углом, как крылья невода, загребая боками целинный снег. Кони на краях нашей «сети» убавили ход и вскоре остановились.

Мы выстроили обоз и покатили своей дорогой. Вскоре на Заря еще не занялась, но небо, с вечера окутавшееся облаками, все обнажилось. Ярко вспыхнули звезды, как будто спешили наиграться в темной синеве, пока не настал рассвет. Кругом — тихотиҳо...

У меня стучит в ушах, ноет голова, жжет ссадина на руке.

— С чего давеча Степан так разозлился?

— С чего? Ты заложил в сани его верхового жеребца.

— А ты видел как я закладывал. Почему смолчал?

— Я думал, он позволил. Даже позавидовал, — новичку-любимчику все можно. Теперь вижу — не так. Скажем Петру, он покажет ему.

Мы выстроили обоз и покатили своей дорогой. Вскоре на берегу Каа-Хема зачернели стога в сугробах шапках.

Подъехав к воротам изгороди, за которыми стоял самый большой стог, Чолдак-оол весело крикнул:

— Вот мы и на месте!

Я побежал отворять заворки¹.

— Теперь что делать?

— Таски веревку.

Я отвязал наш аркан с передних саней и подал Чолдак-оолу. Он так же ловко, как в дороге, метнул его ввысь и перекнул через стог по самой середине.

— На крепко держи, этот конец, я полезу с того конца.

Чолдак-оол скрылся за стогом и оттуда кричит:

— Ну?

— Ну! Ну!

Веревка натянулась. Упираюсь, пыхчу. Чолдак-оол и потерял меня.

Вдруг веревка ослабла. Значит, уже наверху.

Я пустил свой конец и смотрю на снежную оторочку стога, распоротую веревкой. Где Чолдак-оол? Он выбегает из-за стога. На нем лица нет. Яростно размахивает ручицей. Я лечу

¹⁾ Заворки — ворота из жердей.

наземь. Никогда я не чувствовал себя таким обиженным. Ведь я не знал, не нарочно, и он мой друг. Я поднялся, но слезы, от которых я давно отвык, текут и текут.

Посмотрел на Чолдак-оола и сразу прошла обида: он весь в снегу с кровяными пятнами — плохнулся с такой высоты, а корка на снегу острее стекла. Я понял, что очень виноват перед ним.

Чолдак-оол снова перекинул веревку и, не надеясь на меня, воткнул вилы в подошву стога, накинул пстлю на вилы, сказал: «Прижимай книзу верхний конец» — и убежал за стог.

Как шишка на чиновничьей шапке, отгороченной горностаем, торчит над стогом его голова.

— На санках — лопата, подкины!

Я побежал и взбросил на стог лопату.

Чолдак-оол схватил ее и заработал с таким удовольствием, как будто не снег очищает, а снимает ложкой сливочную пенку с отстоявшегося молока.

Вот он опять внизу. Мы чистенько подгребаем скинутый снег и откидываем к изгороди, выглаживаем площадку перед стогом, чтобы не затоптать сено во время погрузки. Подтаскиваем сани.

Уложив поперек саней четыре жерди, Чолдак-оол снова перехлестнул веревку через стог и приказал:

— Ну, полезай!

Я был горд его поручением. Мне казалось, что я потерял всю тяжесть и ползу так быстро, как белка взбирается на вершину кедра. Когда я добрался до середины стога, веревка вдруг рванулась назад; опрокинувшись я полетел вниз.

Обтирая со щек и шеи налипший снег, я побежал к Чолдак-оолу и с возмущением закричал, невольно подражая его голосу:

— Что ты за человек? Когда лезут по веревке, почему не держишь?

Он добродушно смеется.

— А кто виноват? Забыл, как меня спустил под стог? Тот! Живо полезай. Теперь не пущу.

Чолдак-оол подтолкнул меня в спину. Я благополучно взобрался на стог, вздохнул полной грудью, огляделся. Без края тянется вдаль снежное ложе Кая-Хема. Далеко-далеко видны поднебесные горы с иссиня черной тайгой. Из-за них на край светлеющего неба выходит заря.

Одно мгновение стою зачарованный. Уже Чолдак-оол что-то кричит. Утреннее звонкоголосое эхс подхватывает его слова и с необычайной силой перебрасывает с таскыла на таскыл¹). Но я слышу только два слова в раскатистом хоре голосов:

— Ви-и-лы... ви-и-лы... и-и-лы... На-а-а-а...

¹⁾ Таскыл — хребет.

Я хватаю вилы и начинаю работать, забыв о ссадине на руке. Широкие пласти сена кажутся мне совсем легкими. Я с увлечением нанизываю их и сбрасываю туда откуда слышен скрип саней — там Чолдак-оол уминает воз, подирыгивая на сene и распевая песню.

Вскоре сани были нагружены. Чолдак-оол позвал меня вниз и стал показывать, как надо крепить воз при помощи бастырыга — продольной жерди с насечкой на толстом конце. С переднего края привязали к полозьям короткую веревку наподобие повода уздечки и надели ее на толстый конец бастырыга, а тонкий конец туго прижали книзу длинной веревкой на задке саней.

Так мы нагрузили и перепоясали все шесть возов и вывели их за изгородь. Затворивши заворки и взобразившись на крайние возы, мы двинулись в обратный путь.

В горах на гребне высокого хребта уже зарделись первые лучи зимнего солнца.

ЧТО ПРОИСХОДИТ НА СВЕТЕ

За годы жизни в батраках я много испытал, вырос, возуможал.

Но я еще мало знал о том, что происходит на свете. Мне было невдомек, что, кроме жителей Тувы, на земле существуют другие люди.

Наступила осень 1914 года. Кругом стали говорить о войне.

Дарья мать нашего Данилки, однажды спросила Тиунова:
— Откуда война пошла?

Тиунов, поглаживая чехол своего топорика, неторопливо заговорил:

— По всякому толкуют. А я рассуждаю: пришло время, и пошла. Ихний царь — германский — пригрозил, а наш не спустил. Один выходит не в уме, а другой — себе на уме — с того и пошло.

Заговорили о мужчинах. Дарья сказала:

— Раз война — мужиков не оставят, всех заберут.

Девушки сидевшие у Тиуновых, переглянулись.

— И меня, небось, заберут, — отчеканил я громкой скороговоркой, подражая Тиунову.

Девушки улыбнулись, а Дарья разразилась смехом.

— Сперва портки подтяни да нос оботри, солдатик!

Я заспорил с Дарьей доказывая, что мальчишки умеют сидеть в седле не хуже больших казаков — была бы острыя сабля и прирученный конь.

Прислушиваясь к разговорам о войне, я многого не понимал. Когда говорили о железной дороге, я ее представлял так: чтобы земля на дороге не растаптывалась, ее устилают листами железа; по железной дороге бегут лошади.

Когда началась отправка призываемых в армию, крестьяне Усть-Терзиа бросили всякую работу. Сыновья Чолдак-Степана садились на лучших коней, галопом скакали по улице, чуть не давя людей. Сыновья безлошадных крестьян, вроде Максима Санникова, ходили вдоль улицы. Если до войны любимой песней была: «Сколько счастья в море утопил», то теперь напевали «Последний нынешний денечек»... Вперемежку с песнями всюду слышались плач и причитания женщин. Почти в каждом доме пили ниво. Но среди этого пьяного шума и плача часто раздавались голоса:

— Немец идет на русскую землю!

— Не дадимся!

— Нашего брата вздумал разорить!

— Милые сыночки мои! Что же мне делать? Ведь **убыто** их там! — сквозь рыдания говорила Дарья Рошина.

— Если себя отстоим до конца, у тебя сыновья еще будут, успокаивал ее Максим Санников.

По улице, шатаясь из стороны в сторону и крепко ругаясь, шел пьяный Чолдак-Степан. Его новая шелковая рубаха была забрызгана брагой, подстриженные в кружок на староверский лад волосы колыхались, как прикрывшие кочку метелки **полыни**, перебираемые ветром.

— У меня два сына в армию идут, — кричал он **хриплым** голосом. — Пускай идут защищать царя-батюшку-у! Эй, вы, уйдите с дороги! А то я вам покажу-у, сукины де-ти!

Настал день проводов. Все жители Даниловки высыпали на улицу и, сбившись кучками по пять-шесть человек, окружили отъезжающих, давали последние советы.

Вдруг залаяли деревенские собаки. По улице ехали два казака. Все повернулись в их сторону.

Илья Дутликов — деревенский староста — побежал им навстречу.

— Новобранцы готовы к отправке, — с трудом, глottая **сlova** от волнения, доложил он казакам и поклонился.

Казаки, не оглянувшись на него, подъехали к **толпе**. Они не поздоровались с народом, стали кричать:

— Куда прете? Осади!

Один казак — низенький, очень толстый и рыжий — **выхад** вперед.

Слушай — закричал он истощным, тонким, как **у петуха**, голосом. Кашлянув, он погладил усы и продолжал:

— Слушай! Читаю список, кого забрали.

Народ сразу притих. Пьяные отрезвили. Люди **стояли**, **шевелились**, как каменные бабы в степи.

— Рошин Михей.

— Я! — вырвался из толпы бодрый звучный **голос**.

— Санников Сергей!

— Я!

— Рощин Данилка!

— Я!

Рыжий казак назвал около двадцати имен. Как только кончилась проверка, снова поднялся шум.

→ Всем, кого выкликал, идти за вещами и собраться здесь, в этом дворе, — пропищал рыжий казак.

Люди разошлись; через некоторое время вернулись с вещами. У многих лица вспухли от водки и араки, выпитой без счету в дни проводов. Петр Сидоров, Данилка Рощин и другие работники Чолдак-Степана тоже подготовились к отъезду. Тарбаган, Чолдак-оол и все батраки-тувинцы горячо провожали их, осыпая вопросами и напутствиями.

— По пять человек на каждую подводу! — закричал казак.

Подвели лошадей, выряженных в телеги. Лошади мотали головами, позывая колокольчиками.

Когда отъезжающие расселись, люди, до сих пор стоявшие поодаль, хлынули к телегам и, обступив их, стали прощаться. Некоторые из тех, кто был на телегах, слезали снова, целовали детей, жен, родных.

— Чего стали? Трогай! — завопил казак.

Новобранцы вскочили на телеги.

Лошади тронулись.

Звон бубенцов и колокольчиков смешался с рыданиями женщин и лаем собак.

Над Терзигом стоял невообразимый гомон. Как вечерним туманом, деревню затянуло густой красноватой пылью. Люди выпили все, что осталось от проводов, но драк в этот вечер не было.

Я не знал, зачем затянута война. Но из разговоров окружающих я понял, что германцы лютуют, как звери. Они убивают жителей захваченных мест, живыми закапывают людей в землю, жгут на кострах.

Я слышал, как многие рассказывали о героях русской армии. В избах часто видел портрет Кузьмы Крючкова. Говорили, что он один заколол тридцать вражьих солдат. Я смотрел с восторгом и завистью, как он лихо сидит на коне.

«На тот год мы тоже поедем воевать, как Кузьма, заседляем коней Чолдак-Степана и поскакаем за Саянские горы», — хвастались мы в кругу сверстников.

По вечерам, вместо того, чтобы пасти табун, мы переправлялись на ту сторону Терзига и до самой зари гоняли лошадей, устраивая сражения.

Ромка Левков — самый сильный из нас — всегда был Кузьмой, а мы на него нападали. В один из вечеров — Ромки с нами не было — я сделался Кузьмой. Разогнав черного жеребца и держа наперевес длинную палку, я с пронзительным криком врывался в табун моих «противников»...

Лето сменялось зимой, а люди с войны не приходили.

Первым вернулся Сергей Санников. Его не узнать: фуражка сдвинута на ухо, за другим ухом огромная прядь кудрявых волос; усы закручены вверх, как маральи рога; серая рубашка в блестящих пуговицах, голенища не сморщены гармошкой, как у охотников, а гладко вытянуты до колена, кушак — широкий, с нарезной пряжкой, руки в карманах. Мальчишки восторгались: «Вот это солдат!» Девушки перешептывались. Все подходили к нему и просили рассказать о войне. Сергей охотно рассказывал, и чудилось мне, что в широкой степи сверкают мечи, ломаются копья, и наши земляки теснят полчища Караты-хана.

Вновь подошедший парень спросил:

— Ты сам видел германов?

— А ты думал? И в плен брали. Из окопа прицелившись в другой раз как в твою косулю. А не видя, как будешь стрелять? — посмеивался Сергей.

— Ну какие они, германы? — наседали ребята. — Как мы или другие?

— Не похожи. Фуражка у нас простая, а у них, как монастырская крыша: на макушке — шишкa, а по бокам — рога.

— А сильны они? Ты их повалишь, если без всего, без ружья?

— Без всего они не идут. К пике и штыку не приучены. На одного нашего нужно десять германских солдат.

— Зато смерть хитрые они, германы-то. Оденутся в нашу форму, пролезут на склады и воруют припасы, оружие. Нам, бывает, и стрелять нечего... И так бывало: смотришь — ровное место, травой поросло. Вдруг из-под земли, как в твоей сказке, выходят ихние артиллеристы и выкатывают с собой пушку. Загодя приготовились воевать.

Под конец я спросил Сергея:

— Где Петр? Почему ты вернулся раньше всех?

Сергей куда-то заторопился и ушел, не ответив на мой вопрос.

Через несколько месяцев пришел домой и наш Петр. Много вечеров и ночей мы просидели с ним в нашей землянке, слушая его спокойную увесистую речь о том, как рабочие и солдаты скинули царя, и о том, как власть перешла в руки Советов.

ПАРТИЗАНЫ

В наши места приходило много вооруженных людей. Преодолевали говорили, что это белые, про других — красные, про третьих. — монголы,

Был осенний вечер. Солнце ушло куда-то за Саянские

хребты, и только его алые отблески, как говорят по-тувински «красное солнце», кое-где показываются на самых высоких шапках горы Кускуннуг. Такой алый закат напоминает мне примету охотника Томбаштая, говорившего: «Завтра будет хороший день, и он принесет нам удачу».

«Да, — подумал я, — хорошо было бы, если бы эти неизвестные для меня люди, именующие себя красными партизанами, дали нам завтра хорошую жизнь, хорошую удачу. Петр Сидоров зря не скажет».

Однажды я на кауром коне хозяина поехал в Терзиг за скотом.

Тамошние ребятишки видели стадо, уходившее вверх по ущелью Мерген.

«Кто попутал моих коров? Теперь до ночи с ними не управлюсь, — невесело думал я. — Ой как проучит меня хозяин!»

В предгорье, на перевале, навстречу мне выехало около тридцати вооруженных людей.

— Откуда едешь? Знаешь, где белье? — спросил один из них по-русски.

Я, мотая головой, сказал по-тувински, что ничего не знаю.

В это время к нам подскакал на красивом коне человек в кожаной тужурке с биноклем на шее, с револьвером и гранатами за поясом. Он стал ругать товарищей.

— Зачем вы привязались к мальчику? Бросьте, ребята! Я обрадовался, услышав эти слова.

— Товарищ командир, разрешите сменить лошадь, — обратился один из всадников к тому, который подъехал.

— Это другое дело. Безусловно, можно сменить, — сказал тот.

Тогда спрашивающий разрешения подошел ко мне.

— Ты возьмешь моего коня, конь хороший, но сейчас устал, мы обменяемся, — сказал он по-русски.

Когда я слез, он оседлал своего коня моим седлом и, взяв меня подмышки, посадил в седло.

— Ну вот, у тебя замечательный конь! — добродушно смеясь, сказал незнакомый воин. Он стал седлать моего коня.

Я увидел, что получил в обмен действительно хорошую, рослую лошадь. Ей надо было только немного отдохнуть.

Отряд уехал. Незнакомец остался один. Я спросил его по-русски:

— Кто вы такие, откуда приехали?

На его лице я увидел удивление.

— Ты только что говорил, что не умеешь говорить по-русски. Когда же ты научился?

— Я работник Чолдак-Степана, — объяснил я ему. — Я испугался вас и потому обманул.

— Нас не надо бояться. Мы красивые бойцы Щетинкина — партизаны. Слышал? Мы пришли защищать бедняков.

Он вынул из переметной сумы буханку хлеба и протянул мне со словами:

— Возьми на дорогу. До свиданья, товарищ!

— Да свиданья!..

Проводив своего нового знакомца, я поехал к матери, думая про себя: «Красные — это настоящие люди, наши настоящие друзья».

КАК ХОРОШО!

Скоро я буду у матери. К осени она укочевала к подножью Кускунуга. Я снова увижу родную Мерген.

Бедный Гнедко. Еле-еле переставляет ноги. Мне стоило много труда заставить его пойти хотя бы трусцой.

Конь — животное умное; недаром он сразу понял, что ему вверена жизнь нового седока, и теперь, в меру оставшихся сил, перебирает ногами.

Я гляжу конскую шею:

«Откуда ты из каких краев света и почему молчишь? — Должно быть тебе действительно досталось. Чу, чу! Повеселей, осталось немножко, скоро покажется наш берестяной чум. Приедем — подкормлю тебя, ты поправишься и станешь не хуже Каурки, которого я не жалею, он был ведь не то, что ты, а хозяйский, к тому же — с норовом»...

Думы мои и мечты состязались в пестроте с золотой осенью. Как она хороша! Хотя над Мерген настал тихий осенний вечер, разнообразная окраска осенних листьев сквозь золотую мглу казалась еще более яркой. Встерком сдувает листья, и они лениво, как первые снежинки, падают на землю. На дорогу насыпало столько листьев, что мой новый верховой конь, только что прихрамывавший на степной дороге, пошел спокойно и уверенно.

Вот и наш чум. Стоит он вдали от других чумов, затерявшись в чаще мергенской тайги у подножья горы Кускунуг. От чума узенькой полской вытянулся к небу голубой дым. Так тихо, что слышно, как в далеком костре трещат сучья.

Какая здесь густая трава!

Соскочив с гнедка, я расседлал его и пустил пастьись. Куда девалась его усталость? Отойдя в сторону и опустившись на бок. Гнедко принялся кататься, потом вскочил, встрихнулся и так фыркнул и заржал, что эхо разлетелось по всем хребтам, ему вторила дремучая тайга, словно фыркало и ржало сто лошадей. Гнедко с жадностью хватал траву, торопливо глотал ее и набирал новую. Знать, не до лошади было хозяину-партизану.

Я посмотрел на Гнедко и подумал: издалека, должно быть, ты пришел, прежде чем добраться до нашего убогого чума, приросшего к холму в долине красивой Мерген; наверно, пересек степные просторы, горные кряжи, неся на себе красного батыра.

Только что прошел осенний ливень. Земля, обогретая осенними лучами солнца, оделась легким туманом. Вершина горы в густых облаках напоминала мне островок посреди озера Тере-Холя (Озеро-стремя). В этот вечер моя родная Мерген, ее берега были мне не просто милы, а по-новому сказочно прекрасны. Долго стоял я и любовался прелестью осеннего вечера, полной грудью дышал запахами тайги, слушал разноголосую перекличку птиц. Я и раньше видел эту землю и слышал ее голоса, но сегодня я увидел ее совсем по-другому...

Мать сидела около костра у берестяного чума и подсовывала к середине наполовину сгоревшие сучки. Она крепко обняла меня, прислонившись к чуму. Сестра Албанчи вместе с Сюрюнмой ушла на заработки в соседние аалы.

— Ох, мама, как у тебя хорошо! — воскликнул я, прижимаясь к матери. — Сколько здесь новых цветов. Ведь я их раньше не замечал. Мама, дорогой мне встретились русские всадники, говорят: «Мы партизаны». Сначала я испугался, а потом вижу — они за нас. Чолдак-Степанова Каурку забрали, зато выдали мне тоже неплохого коня. Сами оседлали. И посадили на Гнедко. И подарили — вот этот хлеб.

— Ага, ты встретил их, когда они ехали от меня. Утром я услышала в ущелье топот. Они спустились берегом и остановились у чума. Попросили сварить обед в нашей чаше. Прощаясь, подарили желтого табаку и чая. Это, верно, и есть красные партизаны, сынок.

Мать пристально смотрела на меня и улыбалась. В тишине нашего чума слышится только шипение таловой трубки, которую мать курит с большими затяжками, а где-то сбоку хрустит трава и фыркает Гнедко.

Мать обняла меня еще ласковее и сказала:

— Теперь все будет хорошо. Новых людей, что пришли в Танну-Туву, с радостью встречают не только араты-бедняки, как мы, но и сама тайга, которую мы так любим, о которой ты только что говорил, мой сын.

— Мама, пойдем, посмотрим, какой Гнедко.

Мы вышли из чума. Я снова залюбовался красочными коврами цветов, которыми оделась Мерген под ярким голубым небом.

— Смотри, мама, наша Мерген нарядилась как красавица Алдын-кыс перед встречей со своим отцом, пришедшим освободить ее от хищного нойона.

Гнедко усердно щипал траву, поглядывая на нас одним глазом.

— Мама, мама, — заговорил я, — надо скорей выходить Гнедка, у него остались одни ребра.

— Ничего, мой сын, Гнедко быстро поправится, смотри — какая трава. Вот и мы такие же, как Гнедко. — избитые, покалеченные, но и мы теперь поправимся, потому что как все говорят, там далеко-далеко (она повернула голову на запад, проговорив «Омани-патни хом»¹) — в большом аале Москва, еще говорят — Петроград, — богачи пали; под небом возвысился красный богатырь, он слыхать, собрал людских сынов с четырех краев света и пошел бедный народ защищать.

— Знаешь, мама, — я схожу в Сарыг-Сеп²). Там красные раскинули лагерь. Они мне подробно расскажут о красном богатыре.

Мы посоветовались, как быть с конем; решили подождать, когда Гнедко поправится, и отвести его к партизанам.

КОСТРЫ ГОРЯТ

Много дней пасся Гнедко в долине Мерген, в густой траве. Он стал снова гладким. Теперь я могу заседлать его и скакать в Сарыг-Сеп.

Гнедко щиплет траву. Подхожу к нему с уздечкой. Он поднял голову и, нехотя посмотрев на меня, стал еще прорвонее щипать сочную зелень подрезая стебли под корень, жадно захватывая длинные пучки.

«Жалко тебе уходить от нас — нестись по неведомым тропам? Или ты хочешь набрать больше сил перед дорогой? Тебе не скучно у нас, Гнедко?»

Я оседлал коня. Вскочив на него, крикнул:

— Авай, авай! Я готов!

Мать выбежала из чума:

— Отдай коня, скорее возвращайся домой. Хорошей дороги — с богом, сынок!

Попрощавшись с матерью, я выехал на дорогу в Сарыг-Сеп.

— Куда спешишь, Тока? — раздавались знакомые голоса.

— К партизанам! К партизанам! — откликнулся я, протягивая руку к сарыгсепским хребтам, по гребню которых уже скользило вечернее солнце.

Одни одобряли, другие провожали насмешками:

— Только тебя, сопляка, там нехватало.

— Как ягненок, попадешь на зуб синеглазому волку.

1) Слова молитвы.

2) Сарыг-Сеп — районный центр Каа-Хема.

Тропа круто изгибалась между замшелыми курганами и песчаными холмами. Я ехал напрямик; Гнедко с разгону взлетал на пригорки и легко перепрыгивал низкорослые дикари-акации.

Выскочив на сарыгсепскую возвышенность, я увидел под собой костры лагеря.

Это самое красивое место Кaa-Хема. Высокие отроги Тоджинской Кызылтайги и Таннуульского хребта близко подошли к Кaa-Хему. Кажется, они гранитной стеной, могущей своей сплошной остановят его потоки. Но Кaa-Хему не страшны никакие скалистые преграды. Он разрезал их, много раз образуя на своем пути бурные пороги, и спешит скорей встретиться с родным братом — Бий-Хемом. Берега Кaa-Хема роскошно одеты, толпами сбежались к ним с таежных уступов стройные лиственницы, березы, ели и кедры. В прибрежной чащбе водятся во множестве козули, кабаны, маралы, соболи, выдры, за которыми так искусно охотится Томбаштай.

На берегу Кaa-Хема среди красивых зарослей разбили партизаны свой стан, разложили костры. Ярким заревом осветилась земля. Казалось, что горит один огромный костер, искры от него взлетают роем золотых пчел и гаснут в облачах. Мне вспомнилась сказка Тарбагана и костер под скалой, где Кодуроол с отцом собирались на охоту. Но то, что я видел, уже не было сказкой о далеком счастье. Это был лагерь красивых партизан. Они шли в бой за наше счастье.

Когда я спустился в долину, была уже ночь. Гнедко зажал, почувствовав лещадей. Прикаранив его, я робко стал подходить к стану. Партизаны чистили оружие, готовили снаряжение. Закончившие работу вели оживленный разговор. Мне хотелось все узнать, особенно поговорить с главным, спросить, что происходит на белом свете. Я потихоньку ходил, приглядываясь, знакомился, как и что.

Партизаны остановились здесь на ночлег, готовились к какому-то сражению — очевидно, против белых, засевших в верховье Кaa-Хема.

Сначала я встречал только незнакомых и глазам не поверили, когда увидел среди партизан Сергея Хлебникова, жившего в поселке Бельбей, Петра Сидорова, Тарбагана и Санжа. Они были одеты, как всегда, и все-таки вид у них был совсем другой. Они чистили ружья и о чем-то горячо спорили. Не помню, как я очутился у костра. Я еще ни одного слова не вымолвил, а моя рука уже невольно потянулась к ружьям.

— Я думал, вы по Степанову наказу, где-то далеко работаете, а вы оказались у партизан с ружьями, — сказал я своим товарищам-батракам.

— Да, мы ушли позже тебя, откуда ты ссыпался? — спро-

сил за всех Петр Сидоров, подсаживая меня к костру.

Я рассказал о коровах, о Кауром и Гнедке, о разговорах с матерью и заключил:

— Тенерь к хозяину пойти — плохо будет, не пойти — тоже плохо. Как я счастлив, что вас повстречал.

— У Чолдак-Степана чего тенерь искать? — смеясь, ответил Петр. — А бояться его нет нужды. Пойди лучше к нашему генералу партизанскому и с ним посоветуйся — вот будет хорошо.

— Правильно говорит Петр, — сказали другие партизаны.

Я еще больше осмелел. Смотрю: кругом много людей с ружьями. Сидят по пять-шесть человек у костров. Некоторые в котелке варят еду, другие сушат одежду, подшивают обувь, чистят ружья.

Тарбаган взял меня под руку и молча повел к соседнему костру. Не дойдя до него несколько шагов, шепнул:

— Смотри. Это кто?

Я увидел Веру. Она сидела около костра, одетая в полу-шубок, и чистила картошку. Мои ноги словно приросли к земле. Я только хотел шагнуть вперед, как звонкий голос Веры меня опередил. Я услышал знакомый напев, знакомые слова:

«Не полюбит ли меня
Молоденький мальчик!»

— Пейдем к ней, пойдем, — подбадривал меня Тарбаган, — ведь вы вместе росли и жили в работниках, она ведь знает тебя, а ты ее...

Я уперся, хотел убежать. Хотя Вера старше меня, но мне было стыдно, что я отстал от нее. Сильные руки Тарбагана подтолкнули меня к Вере. Мы остались вдвоем, поздоровались.

Дубленый полушибок и заправленный в его воротник мохнатый платок сделали Веру неуклюжей, но еще более милой. Она улыбалась:

— Откуда пришел и куда идешь? — спросила Вера.

— Пришел узнать, что за люди партизаны — красные — и кто белые. К Чолдак-Степану я не пойду. И коня его партизанам отдал. Как ушел в тот раз, так и не приходил.

— С той поры?.. А мы боялись — попался белым. Хорошо, что ты не вернулся к Степану.

Выслушав мой рассказ, Вера очень обрадовалась. У меня в мыслях было одно: больше никуда не уходить, оставаться здесь с моими друзьями, с Верой.

Она тоже направила меня к тарге в кожаной тужурке:

— Подойди к нему, все скажи.

Вглядевшись, я узнал того самого человека, что дал мне когда-то Гнедка.

Я осторожно подошел и сказал:

— Эки-и!

Тарга повернулся ко мне и весело рассмеялся:

— Здорово, здорово! Откуда ты, какими судьбами? Садись, садись!..

— Я пришел к вам, меня мать прислала...

— Рассказывай, рассказывай!

— Как обменялся тот раз с вами лошадьми, назад не пошел к хозяину: за коня Чолдак-Степан может убить. Думаю, что делать — сидеть в нашем чуме или пойти к хозяину, или... вы меня возьмете с собой?

— Хо, хо. Степана ты не бойся. Были хозяева, им помогал белый царь, а теперь нет царя и хозяев давно скинули... Кто теперь хозяин? Небось этот народ,—партизанский тарга провел рукой от ближних к дальним кострам, — и весь народ в нашей стране, и мы с тобой. Красное правительство всем помогает.

К тарге подходили партизаны, он деловито выслушивал их и отдавал распоряжения, а потом снова разговаривал со мной. Из его рассказов я хорошо понял, что ослабла власть баев и беднякам пришло время забирать свои права. Все же мне было неясно, как я должен поступить с Чолдак-Степаном. Я снова попросил:

— Возьмите меня с собой, я боюсь хозяина.

— А ты не бойся! — он что-то написал и протянул мне маленькую бумажку.—Если понадобится, скажи: «Из войска Щетинкина... взяли, мол, твоего коня» и покажи эту записку.

Я подержал бумажку, сжав ее по краям пальцами обеих рук, сложил пополам и сунул за пазуху.

— С нами итти не торопись. Сейчас мы идем далеко, в опасные места, а с тобой встретимся в Хем-Белдире¹), — сказал тарга.

Подтянув меня к себе, он так же ласково, как Турбаган, погладил меня по голове.

— Поучишься — будешь совсем молодец. Иди в Хем-Белдир. Мы с тобой скоро встретимся. Там посмотрим!

После сытного ужина, которым меня угостили партизаны, я свернулся в клубок и заснул у костра.

Проснулся, когда звяграла труба горниста. Партизаны поднялись в поход, заседлали лошадей, собрали обозы. Ружья разной марки уже были перекинуты за спину. Тарга сидел на своем вороном, который хрюпал и рвался с места, но крепкая рука партизанского тарги сдерживала его.

По команде тарги партизаны по очереди произносили: первый, второй третий... сто первый... двести седьмой..

Как было мне приятно, когда среди этой массы мужественных голосов я услышал моих друзей, которые теперь при

¹⁾ Хем-Белдир («слияние рек») — старое название города Кызыла.

помощи красных партизан стали не только сами свободными, но и помогают нам...

— По коням! — раздалась новая команда, и сотни людей уже были всадниками.

Оставался один Гнедко. Я подбежал к нему и, собрав аркан, повел к тарге. Увидев меня, тарга повернулся на месте своего вороного:

— Куда, парень, собрался? Я же тебе говорил — встретимся в Хем-Белдире.

— Я... я хочу... примите Гнедка.

— Это другое дело. Петров, возьми коня... Ну спасибо, до скорого свидания!

Простившись со мной, тарга снова повернулся к строю.

— Справа по три ма-арш! — скомандовал он нараспев, и партизанский отряд двинулся вверх по Кaa-Хему.

— Ну-ка, запевай!

Кто-то высоким голосом затянул засаянскую партизансскую:

За лесом солнце воссияло...

Сердце мое сжалось. Как мне расстаться с братьями-батраками Петром Сидоровым, Тарбаганом, как мне расстаться с Верой, которая тоже собралась и уже сидела на обозной телеге. Она тронула повозку и машет мне платочком. Я сорвал шапку и глухо крикнул:

— Прощай, Вера!

— До свиданья, увидимся!

Кони рванули. Обоз утонул в облаке пыли. Я побежал вперед — к переправе. Не успел: они были уже на середине Кaa-Хема. Повозки взгромоздились на паром. Всадники шли бродом и вплавь.

Долго я смотрел вслед уходящим в поход партизанам. Почему я мал, почему я не осмелился побежать сразу и должен за это один оставаться на берегу Кaa-Хема? «Нет, этому не бывать, скорее к маме, она мне даст хороший совет».

Вернувшись к матери, я все ей рассказал.

— Я уже стара, трудно мне угнаться за тобой, ты теперь большиной стал, вырос. Вот что я посоветую тебе, мой сын, — поезжай в Хем-Белдир, как сказал твой тарга. Я соберу тебя в Хем-Белдир. Там тебя добрые люди определят, выведут на прямую и широкую дорогу жизни.

Теперь у меня одна дума — уйти от кулака в Хем-Белдир, поучиться, стать таким же, каким я видел партизанского таргу.

Я ИДУ К ЦЕЛИ

На обратном пути я уздал от встречных, что белые пришли на Терзиг с верховья Каа-Хема для вербовки новых людей. В их отряде уже были — не рядовыми, а главарями — Евстигней Михайлсв, Пичугин и другие головорезы из кулачков Терзига — до сорока человек. Бандиты избивали нагайками местных бедняков, заставляли вступать в банду, угрожая расстрелом. Большинство батраков и бедняков попадалось в леса, многие ушли в Сарыг-Сеп, куда подтянулись партизанские отряды Сергея Кочетова и Хлебникова.

Поздним вечером подхожу к хутору Чолдак-Степана. Кто на хуторе — они или наши? Что сделает со мной хозяин — за мою самовольную отлучку, за ушедших от него работников, за надвигавшуюся на всех насилиников народную грозу? Ясно, что: отомстит, может быть — убьет. А кто будет мстить за нас, за нашего Санжа, которого белые закопали живым в Бозураа, за мою мать, с которой мы только что прошлись на берегу Мерген?

Я быстро зашагал вдоль плетня к землянке — в ней темно и пусто. Во дворе на привязи потные лошади.

В избе горит огонь. Там много людей, но лиц не видно из-за обмерзших окон с толстым наплывом льда.

Мимо двора проскаивают вооруженные всадники.

Захожу в сени на цыпочках Слышины голоса. Кто это — они или наши, они или наши?

Дверь в сени приоткрыта. В шуме голосов слышу голос Чолдак-Степана.

— Мы им покажем! Мы им покажем!

Ему возражает хозяйка, визгливо выкрикивая:

— Не горячись! Погоди! Надо подумать, кого взять первоначально.

— Прокофьевна права, горячиться не надо, делать все надо умеючи. — уговаривает хозяина купец Сафонов.

Выбираюсь назад во двор. Меня опознали: навстречу идут... Это Данилка Рощин, работник Чолдак-Степана. Он шепнул:

— Иди за мной.

Мы зашли под навес. Оглянувшись на двор, Данилка заговорил:

— На хуторе и в деревне третью ночь стоят беляки. Днем громили избы. С вечера пьют. Видишь, даже забыли выставить часовых.

— Что сейчас делать? — спросил я.

Немного подумав, Данилка ответил:

— Пойдем в Сарыг-Сеп, скажем командиру, где беляки и сколько их. А пока снимем уздечки с их коней, пускай гуляют!

Мы прошли задами в огород. Там лошадей еще больше, чем во дворе, но сразу не разглядишь — их окутал пар, похожий на туман от родника, обволакивающий землю в сильный мороз.

Сняв уздечки с заинцевелых коней и припрятав их до времени, мы поспешили в землянку. Данилка отдал в мое распоряжение седла, развешанные по стенам на знакомых нам кольышках, а сам начал подрезать подируги у седель сваленных в кучу около печки.

Мы покинули землянку и стали пробираться дворами, затаив дыхание как старый Томбантай, почуявший зверя в глухом буреломе. Кругом рыскали белые. Где же ты, Сарыг-Сеп? Где вы, смельчаки-партизаны?.. Пока избы Усть-Терзига не перестали черпеть среди задымленных морозным туманом холмов, отходивших от нас все дальше назад, мы ничего не говорили, только пожимали друг другу руки и взволнивенно заглядывали в глаза. Под ногами громко хрустел снег. Так прорывали тишину морозной ночи шаги нашей дорогой матери, когда она, оставив нас у пригорка перед чумом, уходила в снежную степь, чтобы нас не искалола ледяными иглами стужа и не задушил голод.

Первым заговорил Данилка:

— Вот и Сарыг-Сеп. Теперь говорить можно — о чем хочешь, с Усть-Терзига не услышат. Язык у тебя не отмерз?

— Я смотрел на вас, на взрослого; думал — вы молчите, чтобы не услышали белые. Нагонят — и все пропадет, что мы задумали. Ведь так?

— Так-то так. С вечера не ушли бы — и тебе, и мне не быть в живых. Мать сказала сегодня: «Иду Степановым двором, а он сам навстречу; пытал, где ты, где другие работники, грозился — убью!»

— Это он от водки. Напьется — всегда грозит.

— Сейчас другое: конец почуяли и зверуют. А водка — она еще больше распалияет зверя, ему одного, другого заколоть мало — чтобы кругом текла кровь! Стали всех убивать, кого сыпнут. Не попадайся им, скачи с партизанами в Хем-Белдир.

— Я так и сделаю. Достану коня и погоню в Хем-Белдир.

Стали входить в Сарыг-Сеп. Я с трудом успевал за Данилкой. Он шагал все быстрей и быстрей.

Из темноты раздался голос: «Кто идет?» От нас полегело в темноту: «Я! Данилка!».

— Пароль? — Из земли выросла огромная доха. Она приближалась к нам.

Данилка что-то ответил — важно, вполголоса.

— Проходи! А паренек в ушанке без одного уха кто тебе будет — ординарец твой? — усмехнулся часовой, опустив к земле карабин.

— Ага, он мой, мой! Пропусти, товарищ!

— Твой — так твой.. Проходи, ординарец...

По дороге Данилка спросил у другого человека с оружием:

— Товарищ, мы к Сергею Хлебникову, где его найти?

Оказалось недалеко — в бывшем доме купца Сафонова.

У калитки — опять часовой. Разглядев нас, он радостно воскликнул:

— О, о! Данилка пришел! Командиру тебя и нужно. Заходите, заходите.

Когда Данилка показался на пороге, человек среднего роста и средних лет в черной ягнячьей папахе с круглой бомбкой, похожей на кедровую шишку, и с револьвером за ремнем заспешил к нему навстречу.

— Ну сколько их, какое оружие, много ли берданок, винтовок?..

Тут он увидел меня.

— Отведи паренька в соседний дом, пусть подождет.

— Он со мной из Усть-Терзига, работник Чолдак-Степана. тот самый — сын Кушкунки.

— Тогда будем знакомы...

Данилка начал доклад:

— У Сафонова и Мелегина людей немного. В Усть Терзи ге до сорока, почти у всех — берданки, с десяток винтовок. Часть ихней банды осталась в Бельбее и Кок-Хааке.

— Верно говоришь?

— Верно, верно, — подтвердил я донесение Данилки, — их столько и будет, мы запрятали их узелочки и подрезали ремни у седел.

Командир похвалил нас, подошел к столу и развернул большой лист бумаги.

— Так, так... Сарыг-Сеп... Терзиг... переправа. Упустим — уйдут на Бельбей.. Сюда одним взводом, а Петрову идти в обход... Постой, я забыл спросить: среди белых есть чиновники нойона?

— В Усть-Терзиг наезжали гонцы от Таш-Чалана и управителя Сосар-Барынма.

— Понятно... Петров! — крикнул командир. На его зов, ловко изогнувшись под низкой притолокой, в комнату влетел статный партизан, похожий на Сергея Санникова.

— Слушаю, товарищ командир! — Он так прихлопнул валиками по половице, что в домике вздрогнули стекла.

— Товарищ Петров! Разбуди всех партизан, выстрой во дворе и доложи. Сколько минут просишь?

— Двадцать, товарищ командир.

— Исполняй!

Когда Петров, сделав «кругом» по строевому, исчез за дверью, командир достал из кармана расшитый узором кисет и протянул нам:

— А я и забыл угостить. Пожалуйста, товарищи.

Пока они завертывали табак и закуривали, мимо окон уже замелькали вереницы людей.

— И нам пора..

Мы вышли во двор. Петров ходил перед строем, то появляясь в свете окна, то снова теряясь в темноте. В полосе света перед командиром возник длиннобородый старик в стеганой куртке, с платком на шее, перевязанным сзади, как у детей.

— П-п-посреди ночи... к-к-кто п-п-приказал? — завопил старик, с трудом вытягивая звуки, прилипшие к его губам.

Не оборачиваясь к старику, командир громко сказал:

— Не торопитесь, товарищи. Объясню, когда все соберутся. Собрал вас по делу.

— Д-д-думал... П-п-петров д-д-дурит. Оно п-п-по д-д-делу, р-р-ребята.

— Все в сборе, товарищ командир! — доложил Петров.

— Товарищи! Я собрал вас по такому делу. В Усть-Терзите — все гнездо сафоновско-мелегинской банды. Похваляются, бесстыжие: «Заберем Сарыг-сеп! Заберем Хем-Белдир!» Что скажете, товарищи?

Старик, стоявший в первом ряду, ответил за всех партизан:

— П-п-последнее г-г-гнездо б-б-беляков р-р-разметаем... веди нас!..

НА ЗАРЕ

Осмотрев оружие, командир стал объяснять боевую задачу. Данилка уже прохаживался с коротким обрезом за плечами.

«Чудесные люди! — думал я, глядя на партизан, слушавших коменданта в строгом безмолвии, — пойдут освобождать деревенских бедняков в такой мороз, в такую ночь!» В предутренней мгле уже зачернела на белесом небе папаха нашего коменданта, вскочившего в седло.

Слева выстроились конные, справа — пешие. Командир подозревал нас и сказал Данилке: «Пойдешь с Макаром Малышевым в обход», потом мне: «А ты со вторым взводом покажешь прямую дорогу на Усть-Терзиг».

Спасибо коменданту! Он хорошо рассудил, кого куда назначить, — с этой мыслью я обнял на прощанье Данилку и пошел к моему взводному.

Командир отдал приказ выступать, предупредив, что атака начнется по его выстрелу. Мы пошли долиной Қаа-Хема. На этой дороге я знал каждое дерево, каждый валун. Близился рассвет. Нас молчаливо встречали и быстро уходили к Сарыг-Сепу длинноствольные лиственницы с копицами снега на вершинах и одетые до земли густой хвойей стройные ели.

«Зачем идете?» — с участием спрашивали одевшиеся в снежный пух придорожные березки, а заиндевевые тополя шелести одинокими листьями, заживо примерзшими к веткам, и загадочно мерцали посеребрившейся корой.

Тропа подводит нас к самому берегу, здесь деревья еще выше и гуще. Над излынями в разводьях реки, бровень с огненными кряжами на том берегу, колышутся облака морозного пара, как будто Каа-Хем задумал согреть окоченевшую землю; уже глухо бурлит его граничная чаша, побелевшая от накипи и солей, а прижавшиеся к нему скалы и деревья проговорно собрали капельки речного пара и увесились мохнатыми кисточками илея. Пушистые и нарядные, они готовы радужным блеском встретить зарю. А рассвет уже идет с ноголубевшего неба, оттуда где, взлетев над горной вершиной, развела огонь дозорная звезда.

Дивная ночь! Я не забуду ее торжественной тишины. Такой и должна быть ночь под первое боевое крещение, когда человек идет отстаивать свое право свободно жить на земле. Тем более понятна ликующая гордость, с которой я выполнял обязанности проводника. На каждом разветвлении троп я старался выбрать самую близкую и самую укрытую. Так мы пробрались на последнее возвышение, поросшее березняком. Под нами, в нескольких шагах, — околица Усть-Терзига.

С первыми лучами зари пробудилась жизнь в бересовой роще. Прошумела стая тетеревов. Они расселись на ветвях березы и стали клевать почки, а верхний тетерев озирался вокруг, покряхтывая и вытягивая шею. Потом налетели рябчики, застучали на лиственницах дятлы, засновали бурундукки, закаркали в вышине, выбирая дерево, где больше лакомств, жадные кедровки. Усть-Терзиг все еще спал. «Где Данилка? Успели они заехать в тыл и спрятаться в ложбине? Почему командир не стреляет?» — думал я, глядя на залитые светом улицы деревни. Лесные птицы снимались с деревьев и с шумом улетали назад.

Стала просыпаться деревня. Было слышно, как поют петухи, скрипят журавли колодцев. Среди этих звуков грянул выстрел и начался бой. Конные партизаны оцепили деревню, а наш взвод открыл огонь с пригорка и крыш соседних домов по заимке Чолдак-Степана. Мне хотелось быть поближе, и я, скатившись по снегу вниз и пробежав боковую улицу, взобрался на сарай. На нем уже было трое партизан.

Один из них — тот самый неугомонный старик в стеганой куртке и с платком на шее, с которым я познакомился еще в Сарыг-Сепе.

Смотрю — по большой улице скакет на вороном коне, подняв над головой наган, Степанов сын Евланка. Он уже с нами поровнялся.

— Эх, беда... уйдет Евлашка!.. Ну, скорей! — прошептал я, подползая к старику.

— Не тт-таких волков б-б-брали на п-п-прицел... не уйдет... — бормочет старый охотник, поводя карабином, как матенькой стрелкой часов, пока всадник не стал удаляться по прямой. Карабин грохнул.

Евлашка вскинул руки и упал с коня...

Партизаны все теснее сжимали кольцо вокруг замка Чолдак-Степана. Во дворе белые метались, как осенний косяк харнусов, попавший в запруду. Одновременно бой шел на льду Кааг-Хема, часть белых прорвалась на переправу вместе с Сафоновым. Их настигли конные партизаны во главе с Хлебниковым. Среди торосов и полыней прыгали и взинвались на дыбы лошади, сверкали шашки, схватывались врукопашную люди.

Бой кончен. Солнце уже высоко. Главная улица Усть-Терзига заполнена пестрой толпой. Жители деревни и араты из соседних аалов провожали партизанский отряд в обратный путь. Как минувшей ночью в Сарыг-Сепе, командир собрал и выстроил своих боевых товарищей. Вот он выехал на середину строя и поднял руку:

— Товарищи! Задачу выполнили хорошо. Объявляю краевым партизанам благодарность от Сибирского Реввоенкомата!

— Служим Советской власти! — дружно ответил отряд.

Веселый стариk расстался со своим платком. Им повязана рука одного из раненых партизан. У Данилки забинтована голова. Хлебников разрешил нам пойти с отрядом. Впереди развернулось красное полотнище. Боевое знамя закосыпалось в ослепительном блеске снежной равнины. Жители Усть-Терзига долго махали руками, шапками и платками. Араты, вскочив на коней, выехали в поле провожать партизан.

Охота на волков

Рассказ 1947 марта

В одну из поездок по Туве встретил я знатного скотовода Чамьян. Уже тогда слава о нем, как о знаменитом охотнике, получившем первую премию за уничтожение волков, распространилась далеко за пределы колхоза.

Чамьян сидел на пригорке перед грядой холмов, поднимавшихся широкими валами к подножью хребта, и внимательно следил за своей отарой. Солнце уже наполовину закатилось за снежную кромку гор и все гуще золотило степные травы и цветы.

Приветствуя меня, знатный скотовод протянул коричневую руку и, улыбаясь, пригласил сесть на траву рядом с собой.

Мы долго молчали, любуясь переменчивыми красками догоравшего дня.

— Посмотрите кругом, — сказал он, — как красивы горы, окружающие нас, как серебрился речка, как извивается она, нюбивая себе дорогу среди скал. Посмотрите на это стадо. Красива природа в Туве, тучны колхозные стада.

Разговаривая со мной, Чамьян продолжал смотреть на мерцающую вдали полоску реки, у которой, как стая птиц на взъерошившемся озере, смутно колыхалась пришедшая в движение отара. На ее дальнем краю показался всадник.

— Младший сын — объяснил Чамьян, — приставлен к овцеводческой ферме. Тоже на курсы ходит. А раньше как? Постарше его были — не могли уберечь десятка овец от падежа, не говоря о волках. Помните, как из-под снега траву высекали, в олиничку хоронились от джута¹), молились тайге: «Окажи милость, упаси в страшную ночь от кок-кара-

¹⁾ Джут — падеж скота от бешермицы в кочевых хозяйствах.

ков¹)». А какая тут может быть милость, когда на каждую овцу приходилось по волку!

Отведя скот на ферму, Чамьян пригласил меня к себе. Чисто и просторно в юрте у Чамьяна.

— Когда кочуешь со скотом по горным пастбищам, — в юрте небось, удобно: легко перевозить, и ставь, куда хочешь... А то у меня в колхозе и дом есть, прошу побывать... Я теперь оседлый человек, — с гордостью приговаривал Чамьян. Мы пьем зеленый чай и продолжаем беседу.

— Расскажи, Чамьян, как ты стал великим охотником, — спросил я.

— Я не великий охотник, — ответил он, — я только участник Улур-Хереля, лучшего в Туве охотника на волков. Если хочешь, я расскажу тебе о Хереле.

И Чамьян, не торопясь, подробно рассказал мне о памятной встрече.

— Это было два года назад, — начал он. — Ноябрь подходил к концу. И без того лютые морозы крепчали. Сохранить наш колхозный скот на зимних пастбищах становилось все трудней. Стужа, а главное, — волки стали для скота тяжким бедствием. Неисчислимый урон нашему скотоводческому колхозу причиняли они. Я не отличался ни храбростью, ни умением охотиться. Куда мне было браться за волка!

Поздним вечером в том ноябре управился я со скотом. Ночью его сторожил бдительный Аккал — злая и сильная овчарка.

Как и сейчас, жена приготовила ароматный и сытный чай. Но мне тогда было не до чая. Одна мысль не давала покоя: что делать, как уберечь доверенный мне колхозом скот от волков?..

Морозы не так страшны. Не то, что в единоличном хозяйстве, когда сам замерзаешь и скот погибает. Уже осенью мы хорошо отремонтировали скотные дворы, утеплили, обмазали глиной. На моем участке заготовили полтысячи копен одека²) и довольно кормов. В этом году мы косили машинами. Спасибо правительству, — снабдило наш колхоз и сенокосилками и тракторами. И еще помогло — теплые дома построили вместо холодных юрт, но это было позже, а в тот год жил я в юрте.

Очаг в темной юрте горел ярко. Озабоченный, я подбрасывал и подбрасывал в него кедровые чурки; негоропливо беседовал с женой:

— Скот на ночь в тепле, — говорил я. — Да и с кормами не худо. Хорош подножный корм, немало накосили и летом.

1) **Кок-карак** — «синеглазый», прозвище волка.

2) **Одек** — сухой навоз для подстилки скоту зимой.

От стужи, знаю, убережем. А вот как быть с волками, ума не приложу.

— Надо посоветоваться с добрыми людьми, охотниками,— ответила жена. — Хорошие охотники всегда помогут извести коккараков.

Заливистый лай Аккала прервал беседу.

— Ой, волки опять, — запричитала жена, выбегая из юрты.

Я скватил свое дробовое ружье и поспешил к кошаре. Не добежав, выстрелил, но зачем,—и сейчас сказать не могу. Помню только: огонь осветил кошару, а потом стало темнее, чем прежде.

В темную ночь звезды горят ярко, но вокруг ничего различить нельзя. Мороз, как острыми иглами, пскалывал щеки. Тишину нарушал лишь Аккал. Лай его, слышный издали, постепенно приближался. Аккал, видно, убежал навстречу к волкам, но один не вступал в сражение и отбегал к кошаре.

— Возьми, старуха, топор, — сказал я. — У меня один патрон остался. Заряжу последний, и мы встретим волков.

Не успели занять «позицию», как с удивлением увидели вблизи силуэты двух всадников. На всадников, значит, Аккал лаял. А я «по волкам» стрелял.

Быстро разрядил ружье, бросил за кашан¹), подумал: «Может, не слышали выстрела». Хлопая тороками, путники трущей подъехали к баглашу²).

Привязав лошадь, один из них, отбиваясь от Аккала и не замечая меня, скрылся в юрте. Я последовал за ним. Поздоровались, угостили друг друга трубками. Гости стали спрашиваться о здоровье, о состоянии скота.

Жена поставила перед гостями большой медный чайник, блюдо с мясом и в тарелочках поджаренное пшено.

Выпив чая и закусив, мой собеседник — Улур-Херель³) на- смешливо взглянул на меня:

— В такую позднюю ночь в кого же вы стреляли? Неужто волки подходили так близко!

— На горе стая волков завыла, — уклончиво ответил я, — чтобы не подошли к стойбищу, решил выстрелить. Надоели, проклятые! Не поможете ли вы чем-нибудь?

Улур-Херель понял, что я стрелял с испуга, и, усмехнувшись, спросил:

— А где, по-вашему, волки?

— Везде, по окрестностям аалов. Каждую ночь повадились. **А** днем — на Кара-Шате. Вчераиней ночью у Караоловых

¹) Кашан — изгородь.

²) Баглаш — привязь.

³) Прозвище охотника Хереля, буквально значит „охогник, умеющий подывать волкам“.

трем овцам перерезали горло, у двоих вырвали пахи. Одну овцу задрали, оттащили сажен на сто от юрты, съели и ушли.

— Куда, в каком направлении ушли?

— В сторону Кара-Шата. Там всегда их много бывает.

— Что же, попьем чайку, оденемся потешес и двинемся на Кара-Шат.

— Как, сейчас — ночью?

— Ну да, сейчас. Вы же «охотились» ночью! А мне тем более можно. Есть у вас пойманные лошади? — спросил Херель с прежней улыбкой.

— Лошади то, конечно, есть. Но как же мы будем охотиться в темноте?

— Ваше дело, дорогой, оседлать лошадей, показывать дорогу. Остальное — секрет охотника.

— Можно и оседлать, но не шутите со мной. Ночью, да еще на волков!

— Какие могут быть шутки! — с неудовольствием воскликнул Херель. — У вас лишь собака залаяла, а вы начали отстреливаться. Это, может, и шутка, — ну, а мне шутить не к чему.

Я отправился за лошадьми примерно около полуночи. Холод усилился. С трудом различал в темноте привязанных на арках лошадей. Приметив меня, вороные дружно заржали. «Куда, думаю, пойдем в такую ночь? Чего он, дурень, затеял!» Но тут же вспомнив, как насмешливо улыбался Херель, быстро оседлал лошадей.

Херель уже снарядился в дорогу. Спутник его спал мирным сном.

У Хереля одна из лучших марок охотничих карабинов, ружье «с черной ложкой».

Своего ружья я не взял. Зачем оно, если нет патронов, пусть валяется за кашаном.

Ехали молча, в тишине, нарушающей топотом и фырканьем лошадей да мерным постукиванием наших идиков¹⁾ о крылья седла.

— Здесь главная вершина? — чуть слышно спросил Херель, когда мы поднялись на верхушку Кара-Шата.

— Самая высокая гора тут, — ответил я.

— У подножья есть юрты?

— Три юрты есть.

— Значит, остановка наша здесь, — сказал Херель и спешился. — Ну слезай! — строго добавил он, видя мою растерянность. — Пора начинать охоту. Или думаешь на лошади ночевать?

— Ночевать — не ночевать, — обиделся я. — Но вашей

¹⁾ Идики —национальная обувь.

охоты никак понять не могу. Никогда не видел, чтобы люди охотились ночью.

— Не беспокойся, дело простое.

Выколовив трубку о носок идика, Херель закурил. Потом передал мне свой повод. Приложив ладони к вискам и, приседая, он долго взглядывался в горизонт. Показывая поочередно то на восточный, то на западный склон горы, он еще раз спросил, знаю ли я точно — есть там аалы и пасутся ли табуны.

Я ответил утвердительно. Херель вдруг по-волчьи завыл. Низко склонив голову, он прикрыл рот рукавом, чтобы смягчить звук и придать ему удаленность. Медленно приподнимаясь и, тут же снова припадая к земле, продолжал выть жутко и протяжно: «у-у-у... а-а-а... у-у-у...».

Его вой ничем, совершенно ничем не отличался от волчьего.

Сначала Херель выл в западном направлении. Через минуту он радостно прошептал:

— Слышишь мои друзья откликаются!

— Я прислушался. Где-то в нескольких километрах от нас в ответ завыла стая волков. Волки выли глухо и так же протяжно, тоскливо, как и Херель. Но они делали короткие промежутки: очевидно, прислушивались.

— Отвечают нам только пять волков, — уверенно сказал Херель. — Они недалеко, но гнаться нам за ними нет надобности..

Херель повернулся к востоку и снова, прикладывая руки к рту, принялся выть на разные голоса.

В том, что волков много, я убедился скоро. Рука тянулась к бижеку¹⁾, моему единственному оружию. Бижек — большой, острый, им от волка можно оборониться.

— Постой, — вывел меня из тревожного раздумья голос Хереля. — Слышишь, эти тоже не забывают нас — откликаются. Они неподалеку, километрах в двух. Там три волка. Всего, значит, восемь.

— Но как ты подсчитываешь их? Ничего ведь не видно! — с удивлением спросил я.

— А голоса! У каждого свой голос. Теперь можно поспать пару часов.

Мы отошли метров двести. В седловине, поросшей молодыми лиственницами, для ночлега самое подходящее место.

— Что будем делать? — спросил я, привязав коней.

— Как что? Отдыхать будем. Только не проспать бы. Если проснешься раньше меня, на рассвете — разбуди непременно. Поползут по горам первые дозоры лучей, поскакут к укрытию.

¹⁾ Бижек — национальный нож.

ям ночные звери, а мы с тобой выберем удобное местечко. Пусть звери сами прибегут к нам.

Я хотел отвлечь Хереля от его намерения немного заснуть в окружении хищников, которых он успел накликать из темноты, и начал рассуждать о разных способах охоты, о вылоде самострелов, капканов, отравы и волчьих ям. «Лучше всего—облава,—заключил я. — Ни один не уйдет».

— Всякий способ хороши, лишь бы от него прибавилось волчьих шкур. А мы с тобой будем их подсчитывать на заре.

Завернувшись в негей¹), Херель захрапел мгновенно, будто спал не вблизи от волков, а в своем доме.

Я попытался тоже уснуть, но сон отлетал от меня, как только смыкал глаза. Много раз вскакивал, видя перед собой, как наяву, стаи синеглазых. Представлялось, будто они сбежались со всех окрестных хребтов и подкрадывались, ползли на брюхе.

А спутник мой, словно дома, спокойно похрапывал.

Ночь казалась мне бесконечно длинной, но вот утренняя зорька! На этот раз она была особенно светлой и радужной, как бы улыбалась пробуждавшейся земле.

— Вставай, светает! — тихо торопил я Хереля. Он прорвально поднялся.

— Да, пора. Веди лошадей! — торопливо проговорил Херель, протирая глаза и пристально всматриваясь в даль.

Лошадей подготовил быстро. Занеся ногу в стремя, а другой еще опираясь о землю, Херель указал взмахом руки:

— На тот хребет отправимся. Садись. Торопиться надо.

Метрах в двадцати от намеченной позиции Херель остановил коня и ползком взобрался на пик. Я поспешил за ним.

— Ложись! — остановил он меня. — Наблюдай за той горкой.

Не медля ни минуты, Херель, как и ночью, наклонился к земле, прикрыл рот рукавом и завыл протяжно, жалобно. Не услышав ответа, Херель повысил голос, приподнимая голову, и вдруг оборвал вой.

Так и обмерло у меня сердце, когда совсем неподалеку послышался ответный вой кок-караков. Херель же, будто ничего особенного не происходило, спокойно взглянул в сторону, откуда доносился волчий вой.

— Видишь волков?

Я слышал звериный вой, но ничего не видел, начего не соображал.

— Вон там три волка: один большой, сидит в ложбине у камня. Другой на бугорке лежит. А этот, третий, наблюдает из-за бугорка, одни уши торчат.

¹⁾ Негей—щуба из овчины с длинной шерстью.

Я напрягал зрение, но как ни силился, не мог различить ничего.

— Приснились волки вам,—сказал я. —Они воют где-нибудь далеко.

— Какой вы непонятливый. Они рядом же, тут!

Херель взял карабин, прицелился:

— Вот, смотри в прицел — теперь видишь?

Я припал к карабину, взял мушку в прорезь прицела. Рядом с камнем сидел огромный волк. Остальных и разглядывать не стал. Протянул Херелю карабин, сам плотнее прижался к земле, полушипотом попросил:

— Херель, дорогой стреляй, а то убежит...

— Торопиться в таких случаях — нет ничего хуже. Всю охоту испортишь. Лучше подзовем их поближе. Они станут послушны, как овцы.

Припав к земле, Херель завыл еще более глухим тоном: «у-у-у... у-у-у...».

Потом, схватив карабин, отвел предохранитель и замер. Прошло несколько секунд. Не меняя положения и не шевелясь, Херель тихо ткнул меня в бок, показывая пальцем под гору.

Я с трудом удержался, чтобы не пуститься в бегство. Матерый серый волк, отделившись от остальных, быстро приближался к нам. Время от времени он оглядывался. Пройдя с полкилометра, волк остановился, снова стал прислушиваться.

Тогда Херель наклонил голову еще ниже, почти к земле, и завыл. На этот раз вой был совсем тихий, обрывистый, жалобно тоненький.

Волк стремглав рванулся к нам, уже не оборачиваясь. Расстояние сокращалось с каждой секундой, и вот волк перед нами. Сейчас прыжок... но в этот момент раздался выстрел.

Матерый несколько раз перевернулся через голову и закружил на передних лапах, издавая странный звук, похожий на собачий визг или рычание.

Я и о страхе позабыл, привскочил на корточки.

Раненый хищник продолжал кружить на месте. Почему он вертелся, надо узнать

Внезапный, сильный толчок вернул меня к действительности. Я едва не вскрикнул от боли и неожиданности, но сильная рука Хереля прижала меня к земле

— Охотничек! Вспугнешь! — едва слышно прошептал он, не выпуская меня.

К нам скорой рысью мчались еще два волка: один впереди, другой несколько поодаль. Не обращая внимания ни на что, в том числе и на нас, передний волк галопом скакал к раненому. Шел он на визг, может быть на запах крови, и только взбежав на пригорок, увидел раненого зверя. Волк

остановился, видимо обдумывая, как дальше быть, но тот час последовал второй выстрел. Зверь отпрянул в сторону, приподнял голову, как-то рявкнул и, подрыгав ногой в предсмертных судорогах, успокоился.

Херель, держа карабин на изготове, зорко следил за третьим и последним хищником.

Тот крупными прыжками приблизился к первому волку, продолжавшему с воем и рычанием колесить на одном и том же месте.

Вдруг он решительно свернулся от нас и кинулся на другой хребет. Вероятно, заметил убитого волка. В недоумении смотрел я то на волка, то на стрелка. Выстрела не было, хотя дуло карабина медленно, как часовая стрелка, поворачивалось вслед за волком. Прошло две-три, может быть, пять секунд. Волк выскоцил на хребет, повернул голову в сторону своих спутников. Раздался выстрел, и третий волк, опрокинувшись, покатился обратно в нашу сторону.

Херель встал, стряхнул с себя снег.

— Ну, теперь все... А ты не верил... Какой же ты колхозный скотовод, если не умеешь стрелять и охотиться, не истреляешь хищников? Много тысяч голов скота по Туве каждый год отдаем волкам! Мы с тобой отдаем. Подсчитай урон колхозным стадам!

— Ой, Херель! Вот это охота! Буду теперь истерблять волков! — в восторге кричал я. — Ты первый и лучший охотник во всей Туве.

Но Херель не понимал моего восхищения. Для него такая охота была обычным делом.

— И тебе надо было ружье взять,—сказал он.—Им лучше достреливать нарочно раненого волка. А то, видишь, карабином, пришлось достреливать: шкуру немножко попортили...

— Как нарочно?

Херель хитро улыбнулся.

— Я нарочно стрелял в зад тому матерому, чтобы он сразу не издох, но и не мог уйти. Он рычал, сзывал своих на помощь. Убей я его сразу, волки никогда не подошли бы. К тому же и внимание их не отвлекалось бы от нас. Вот в чем секрет ночной охоты на волков, дорогой мой!

И Херель весело, дружески рассмеялся, показывая свои белые, как снег, зубы.

Возвращаясь домой, довольный крупной удачей, а еще больше полученным уроком от умной и богатой по результатам охоты, я про себя думал: «Научусь охотиться так, как Херель, и буду охранять колхозное стадо от волков». Я понял, что Херель нарочно взял меня на охоту, чтобы научить охранять колхозное добро.

Спасибо Улур-Херель!

Олег Саган-оол

Дружба

Рассказ

Эмчи¹⁾ вышла из юрты и ахнула.

— До чего же здесь хорошо!

Перед ней поднимались со всех сторон остроребрые, выше самых высоких облаков, суровые хребты, море хребтов, одетых снизу до граней снегов и ледников густой щеткой тайги, высились оледенелые зубчатые пики, освещенные розовым светом восходящего солнца. «Это и есть высокоплечие танды, как говорят в своих песнях тувинские поэты!» — подумала она. Лохматые, вечно зеленые кедры неподвижно стояли у самых кромок снежных полей, спускавшихся с голъцов²⁾). Нежноголубое небо, без единой соринки, шатром раскинулось над гривами гор, над тайгой и крохотной полянкой, где стоит станционная юрта-ортель.

Недалеко от юрты стоит новый сруб — будущее здание станции. От него вверх по косогору тянется стройная линия телеграфных столбов. Пока на них проволоки еще нет, только фарфоровые стаканчики-изоляторы играют на солнце глазурью.

— К осени юрту уберем отсюда — нужды в ней не будет. В новом доме настелем ковры, дверь и окна покрасим белой краской. Пускай добрые люди заезжают, ночуют в тепле и чистоте, — говорил ортельщик девушке-эмчи.

— Может и автомобильная дорога пройдет тут, тогда веселье большое будет людям у нас.

Неподалеку на опушке леса эмчи увидела белые шапки снега на кряжистых лиственничных пнях. Она вернулась в юрту.

¹⁾ Эмчи — врач.

²⁾ Голец — безлесная вершина горы.

взяла полотенце и побежала по твердому насту к пенькам.

— У-ух, какой холодный! — воскликнула она, загребая пригоршнями пухлый обжигающе-морозный снег и с удовольствием растирая им лицо.

В чаще леса раздался треск ломаемых сучьев. Девушка испугалась и, на ходу вытирая раскрасневшееся лицо, оглядываясь, торопливо пошла к юрте. «Может медведь!» — подумала она.

Из леса вышел человек, ведя за поводья двух оседланных лошадей.

— Уже! — сказала громко эмчи, догадавшись, что лошади присланы для нее. Такая предупредительность ее растроила. Она остановилась и подождала.

Человек с лошадьми оказался черноглазым, загорелым парнем — крепкого сложения, высокого роста.

— Эки! — приветствовал он девушку и, улыбаясь, нерешительно протянул руку.

— Здравствуйте! — дружелюбно ответила она, непринужденно пожимая протянутую руку и с любопытством разглядывая парня.

Он был в тувинской овчинной шубе, подпоясанной далембовой красной опояской и в мягких маймаках. Мерлушковая шапка с подвязанными кверху ушами слегка сдвинулась на правое ухо, из-под шапки выбивались черные волнистые волосы, — это придавало ему молодцеватый и немного залихватский вид.

— Вы эмчи? — спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил: — Собирайтесь, надо торопиться. До районного центра порядочно ехать — сплошные горы, перевал высокий... Когдато доберемся туда — и темно будет.

Он говорил по-тувински. Девушка все поняла, кивнула головой и решила говорить тоже по-тувински:

— А слер база мен чорур¹)?

Парень не сразу понял ее, но, догадавшись, о чем идет речь, чуть улыбнулся и ответил:

— Да, я буду вас сопровождать.

— Хорошо, я сейчас, только оденусь. — Девушка скрылась в юрте.

Парень привязал лошадей к коновязи и направился туда же, с опаской обходя лежавшую у входа лохматую собаку величиной с двухгодовалого теленка. Но та только взглянула на него и, видимо, не найдя причины для ссоры, отвернулась и спрятала морду между лап.

Пока хозяйка — пожилая приятная женщина — угощала девушку ячменным талганом с маслом и зеленым чаем, за-

¹⁾ Буквально: а вы тоже я идти.

правленным молоком, молодой проводник рассказывал старичку — хозяину ортеля:

— Собрался было на охоту, вдруг вызывает меня секретарь райкома и говорит: вот что, Адар-оол, ты хороший комсомолец и лучше всех знаешь горные дороги, я тебе даю важное поручение, ты должен доставить через перевал женщины-врача, которая, наверно, никогда не видела таких гор. Она будет работать в нашей районной больнице, лечить людей. Сейчас март месяц — время ветров и бурь, неопытному проводнику нельзя доверить такого ценного человека... Пришлось охоту отложить.

— А на кого собирались охотиться? — спросила эмчи, окинув уже более пристальным взглядом хорошо сложенную фигуру проводника.

— На волков, эмчи. С тех пор, как я стал пастухом колхозного табуна, а на этом деле я уже три года, волки — мои первые враги.

— Мы его за лучшего охотника-волчатника считаем, — не без гордости нашел нужным сообщить Марусе хозяин юрты.

— И много вы их уничтожили? — заинтересовалась девушка.

— Немного, эмчи, всего за этот год пятнадцать волков.

— Ого! — удивилась она, — как же немного, это целая стая.

— Нет, это мало в сравнении с тем, сколько их есть. Житья нет, замучили. С половины этого месяца на волков будем охотиться целой бригадой, так наша колхозная комсомольская организация решила. Начнем отыскивать волчьи гнезда, разорять их и уничтожать. Натерпелись от них — довольно...

Адар-оол помолчал, потом спохватился и стал поторапливать:

— Однако, эмчи, надо ехать. Время не ждет, путь долгий.

— Я готова, — отозвалась девушка, встала и поспешно начала надевать козью доху.

Хозяйка тем временем завернула в газету кусок вареного мяса и подала его молодой путнице:

— Это в дорогу. Пригодится.

— Что вы, что вы, не надо! Накормили, да еще и с собой даете... — стала отмахиваться смущенная девушка. — Ни за что не возьму!

— Эй, не отказывайся, эмчи, — сказал хозяин, погрозив пальцем, — дорога дальняя, высокие горы на пути твоем стоят. Бери, пригодится, мало ли что может быть. — Он взял из рук хозяйки сверток и настойчиво сам положил его в чемодан девушки.

— Спасибо, спасибо вам! Какие вы добрые... — горячо благодарила она, очень растроганная, и крепко пожала им руки.

Когда вышли, эмчи взглянула на лошадей и спросила у проводника:

— На которого мне садиться?

— Вот на этом поедете. — Адар-оол отвязал повод гнедого крупного, бочкообразного коня и подвел его к ней.

Лошадь испуганно фыркнула и попятилась, кося глазом на сверкающий застежками чемодан.

Проводник взял у врача чемоданчик и хотел помочь сесть в седло, но эмчи тихонько отстранила его руку и, хотя не очень ловко, но все же сама вскочила на лошадь.

— Что вы так смотрите? — весело рассмеялась она, взглянув на удивленное лицо парня. — Я ведь полгода живу в Туве — пора научиться верховой езде. На седло я могу взобраться и без вашей помощи. А вот вещи мои, пожалуйста, покрепче привяжите, чтоб не потерять.

Проводник положил чемодан в переметные сумы, забросил их позади седла, искусно приторочил ремнями. Он был доволен, — его спутница умеет ездить верхом; значит, легче будет переносить дорожные трудности.

Сопровождаемые добрыми пожеланиями обитателей ортэля, они двинулись в путь.

Тропа шла вверх по руслу речки, безжалостно стиснутой горами. Путники ехали то по узкому карнизу над рекой, то спускались вниз и с трудом пробирались по скользкому дну на некованых лошадях.

Вскоре пришлось карабкаться вверх по обрывистому косогору. Иногда тропа шла над пропастью по тонким щатким бревнам, укрепленным на камнях и засыпанным землей и грязью. В таких местах привычные лошади сами замедляли шаг и так осторожно ступали, точно они хотели уменьшить вес своего тела...

Ехавший впереди проводник, оглянувшись, заметил, что спутница со страхом смотрит вниз — в зияющую пропасть.

В удобном месте, где тропа была пошире, он спешился и, подождав девушку, сказал:

— Советую вам, эмчи, слезть с лошади и идти пешком. Дайте мне повод. И не смотрите вниз.

— Пешком я пойду, но лошадь поведу сама, — упрямо ответила она и, боязливо озираясь на край обрыва, слезла с коня.

Подъем был труден, они часто останавливались, чтобы передохнуть. У большого плоского камня проводник, заботливо взглянув на уставшую девушку, посоветовал:

— Отдохнем здесь?

— Хорошо, отдохнем, — обрадовалась она и села на камень.

— Вас, эмчи, как зовут?

— Меня... Мария Михайловна Иванова. Но зовите меня просто — Маруся... А вас как? Я не запомнила:

— Меня Адароолом зовут.

— А что значит — Адар?

— По-русски это будет — меткий стрелок.

— А-а, вот что... — проговорила она и взглянула на него не только с любопытством, но и с уважением.

— Вы надолго к нам едете, Маруся? — простодушно воспользовался он правом, данным ею, называть ее так запросто. Она улыбнулась.

— Надолго, — буду жить, пока всех больных в районе не вылечу.

— Ого! Это хорошо... Однако, скучно вам будет у нас?

— Нет, я привыкну. Вот скорее бы научиться говорить по-тувински.

— Вы немножко говорите.

— Нет, еще очень и очень плохо. Я это знаю.

Солнце торопливо поднималось по небу, скользя теплыми лучами по тайге и скалам.

— Вы раньше бывали в горах? — опять спросил Адар-оол.

— На Кавказе была, там они такие же красивые — со снегами и ледниками. Я туда со студенческой экспедицией ездила, когда в институте училась.

— А где ваш аул? Далеко родные живут?

— Сейчас я вам отвечу; — Маруся наморщила брови и стала про себя подбирать тувинские слова: — Вот, слушайте. Мен Москва чурттаар, мен таныш улус ында чурттаар¹). Поняли?

Адар-оол только сокрушенno покачал головой:

— О, эмчи!! Однако, что вы хотели сказать?

Маруся громко, от души, расхохоталась:

— А вы сказали, что я немножко говорю, а сами не понимаете моего тувинского языка...

Адар-оол чуть смущился и тихо оправдывался:

— Вы словато хорошо выговариваете, эмчи, но фразы строить не научились еще.

— Но я буду учиться — и научусь! Иначе трудно помочь народу, когда не знаешь его языка. Ну, поедемте. Я отдохнула, — проговорила она, вставая с камня.

Они сели на лошадей и двинулись дальше.

Тропа расширилась, и Адар-оол, норовя своего коня, поехал рядом с Марусей. Он уже мысленно называл эмчи только этим именем и призывал к нему.

Некоторое время ехали молча, фыркали лошади, и мягко ступали некованые копыта о камни.

Маруся взглянула на Адар-оола и, улыбнувшись, спросила:

— Ну, что еще? Я же по глазам вижу, что у вас вопрос на языке.

¹⁾ Буквально: Я Москва жить, я знакомый народ там жить.

Адар-оол рассмеялся:

— Есть, есть. Много вопросов у меня к вам накопилось за дорогу. Скажите, эмчи, в Москве есть такие большие дома, как вот эти скалы?

— Есть.

— А во сколько слоев дома?

— Что это слои? Ах, этажей сколько, — догадалась она. — Есть в пятнадцать слоев. Скоро будут и еще выше — в тридцать и в тридцать пять...

— О-о! — с восторгом произнес он. — А в Кремль вы были на Красной площади? Хорошо там, красиво?

— Очень красиво и хорошо, Адар-оол.

— А я Кремль только в кино видел и товарища Сталина я видел тоже в кино. Один раз только.

Он помолчал и как бы про себя, задумчиво, добавил:

— Когда-нибудь и я поеду в Москву...

Дорога повернула влево и стала взбираться на уступистый неровный карниз.

Пришлось опять спешиться. Тропа уходила все выше и выше, казалось — подъему конца не будет. Солнцу надоело бродить по небу, и оно медленно поплыло к западу. Путники шли долго, часто останавливались передохнуть. Назад было страшно оглядываться — так высоко они поднялись, а вправо от дороги, где лежала неизмеримая бездна, смотреть было еще страшнее... Раньше Маруся не боялась высоты, а здесь она почувствовала робость: каменная дорога и сама гора ей уже казались недостаточно крепкой опорой, кружилась голова, замирало сердце, захватывало дух.

На небольшой площадке они остановились, чтобы поправить выбившиеся из-под седел потники.

Адар-оол сказал, что дальше можно будет ехать верхом, потому что подъем здесь положе и тропа шире.

— Кто это? — крикнула Маруся, схватив Адар-оола за рукав и показывая на пропасть между скалами.

Он повернулся и увидел громадного черного грифа, плывущего в воздушном пространстве. Чудовищные крылья почти касались скал, голова с горбатым моцным клювом медленно поворачивалась на голой шее... Гриф смотрел на людей, и злые его глаза как бы спрашивали: «Вы кто? Откуда вы взялись? Здесь мои владения!».

Паря между скалистыми пиками, ни разу не махнув крылом, он величаво скрылся из виду. Маруся восхищенно проводила его глазами. «Так вот она какая, эта Тува!» — задумалась она. Все для нее было здесь новым. Адар-оол вывел ее из оцепенения.

— Садитесь на коня, эмчи, поедемте. Солнце, глядите, уже уходит.

Продолжая путь, часа через два они увидели впереди встречный караван сарлыков с выюками овчин и пушинны.

Передний сарлык-вожак, еще далеко учуя и заприметив встречных всадников, испуганно вздрогнул и чуть не метнулся в сторону. Но тут же стал, как вкопанный, широко расставив косматые ноги. Раздувая ноздри, или как говорят в Сибири — норки, вожак протрубил тревогу.

Большие рога этого диковинного животного вывернуты концами наружу и вверх и такие толстые, что ими можно было бы поднимать тяжелые бревна. Прямая шерсть длинными космами свисала с боков и груди, почти касаясь земли, отчего сарлык выглядел коротконогим. Все животные каравана, заслышиав сигнал вожака, остановились и подготовились в любую минуту повернуть обратно.

Позади сарлыков показались два арата. Осторожными покуканиями они заставили караван двинуться вперед. Место было неудобное: слева — скала, справа — обрыв. Адар-оол и Марусе пришлось опять спешиться и поставить лошадей у самого края тропы над обрывом и ожидать прохода сарлыков.

Маруся полная любопытства, наблюдала за этими грозными с вибу, но очень пугливыми животными. Ей стало казаться очень увлекательным ее путешествие. Будет о чем рассказать подругам!.. Между тем, сарлыки, проходя мимо, робко жались к скале, бороздя широченными выюками по каменной стене. Когда они прошли, Маруся невзначай взглянула вправо за обрыв: далеко-далеко внизу голубел, как небо, вечный лед, обрамленный седой от снега тайгой... Она невольно зажмурила глаза.

«А что, если бы сарлыки задели нас выюками? — подумала она и отвела взгляд.

— Эки (здравствуйте)! — приветствовали ее подъехавшие тем временем погонщики каравана. — Почему пешком? Ехать надо.

— Дорога плохая, — ответил Адар-оол.

— Что ты говоришь, парень? Дорога совсем почти хорошая.

— Эмчи первый раз здесь едет. Ей непривычно.

— Это эмчи? — обрадованно переспросили араты.

— Да, эмчи. Она будет жить у нас, работать в районной больнице, лечить всех, — с гордостью сообщил Адар-оол.

Араты с уважением и ласковым любопытством рассматривали молодую русскую эмчи. Хорошая эмчи!.. Хорошая встреча!

— А мы уже в третий раз за эту неделю переваливаем горы, — очень много овчин и кож скопилось на складе райпо, вот и вывозим на базу.

— Обратно порожняком поедете? — поинтересовалась Маруся.

Один из погонщиков снисходительно взглянул на нее и улыбнулся:

— Если бы мы, эмчи, сто раз в неделю переваливали горы, то и тогда не ехали бы порожними... На базе для нашего района столько разного товара заготовлено, что на одних сарлыках его и за год не вывезешь. На них больше в плохую погоду везим, а в хорошую самолет летает и сразу по три тонны переносит через таскылы¹⁾.

Он посмотрел на обветренное лицо девушки и добавил:

— Да и вам лучше бы на самолете, чем мучиться по горам.

— Ну нет, на лошадях куда интересней,—вразила она.

Погонщик засмеялся и важно раскланялся:

— Ну, счастливого пути вам, эмчи! Желаем благополучно миновать перевал и достигнуть цели!.. Мы скоро назад поедем.

— До свиданья, до свиданья!—приветливо отозвалась она.

В это время неведомо откуда, как это часто бывает в горах, налетел легкий вихрь и, набрав с пригоршню сухой снежной пыли, бросил в лица Марусе и Адароолу.

Отряхивая снег рукавом, девушка весело засмеялась. Но Адароол почему-то внезапно стал озабоченным и хмурым.

— Что с вами? — спросила девушка.

— Нет, ничего, я так...

В пути Маруся стала замечать, что Адароол что-то усиленно поторапливает своего коня и все чаще стал оглядываться на нее. Невольно и она стала погонять лошадь. Смутное чувство неосознанной тревоги закралось и медленно росло в сердце девушки. Она стала оглядывать горы и небо. И тут только обратила внимание, что над ними бегут, торопятся на запад ключковатые разорванные облака. Казалось, они с разбегу ударяются о солнце, пытаясь столкнуть его с помутневших небес... А оно само летело им навстречу, прорывая острыми лучами их клубящийся, дымный строй. Но все гуще, все стремительнее неслись облака, раззвевая седые космы, все чаще скрывали они солнце в грозной тьме.

— Почему так торопитесь? — крикнула, наконец, Маруся проводнику.

Адароол придержал коня и показал кнутом на дальние, покрытые тайгой и тучами горы:

— Надо скорее ехать, эмчи. В тайге ветер начался, видите, как дымится лес. Это нехорошо. Надо шибко погонять.

И в самом деле, в разных местах над сплошными массивами леса вспыхивали снежные дымки, подхваченные вихрями, они носились над тайгой, ударялись о скалы и все росли и умножались, наполняя воздух густым туманом. Кругом все нахмурилось, стало неприветливым, суровым. Откуда-то донесился гул нарастающей непогоды. Маруся кое-что слышала

1) Таскылы—хребты.

высокогорных метелях в здешних местах — и тревога ее усилилась.

Вот налетел первый порыв ветра, потом второй, третий.. Псдтаявший на солнце снег от холодного ветра быстро смерзался в острогранные кристаллы и вместе с песком, принесенным с обнаженных скал, бил в лица, в глаза, забирался под одежду. «Ну, началась завиуха!» — беспокойно подумала она, и сердце ее невольно защемило.

Адар-оол спрыгнул с седла и, подбежав к Марусе, крикнул что есть мочи:

— Скорее с коня! Да держитесь подальше от обрыва!

Маруся беспрекословно повиновалась, доверившись опытаности Адар-оола. Он наклонился над ее ухом.

— А теперь завяжите крепче шапку и доху. Дайте я помогу вам. Будет холодно, замерзнете. Завязывайте крепче.

— У меня доха теплая, а вот у вас шуба не очень-то,— говорила Маруся, закутываясь с его помощью плотнее.

— Мне не привыкать, — отвечал он, стараясь быть веселым,—а вам вот буран в горах покажется трудным.

Убедившись, что девушку теперь не продует, Адар-оол повернулся спиной к ветру и стал перепоясываться. От неожиданно сильного порыва он не устоял, покачнулся ноги его скользнули по замерзшему снегу, и он, потеряв равновесие, покатился вниз. Маруся успела только ахнуть... К счастью, его сильные руки не выпустили длинного повода. Лошадь тоже уперлась ногами и отвалилась всем телом назад, пока Адар-оол подтянулся и выполз.

Маруся бросилась к нему, схватила за руку и хотела помочь встать, но он уже сам бодро вскочил. Смущаясь за невольную оплошность, Адар-оол виновато улыбнулся и посмотрел в лицо девушки. Но нет, она не осуждает его, не смеется над ним. Ему на всю жизнь запомнится теплая радость ее испуганных, широко открытых серых глаз.

А ветер все усиливался. Снежные вихри вздымались и кружились, словно прутья стегали по лицу. Сквозь эту дикую пляску пурги путники торопились выбраться на перевал.

Быстро упали сумерки, а они все шли, все шли... Наконец, подъем кончился, но вместе с ним исчезла из-под ног тропа. Адар-оол сразу это почувствовал, когда лошади стали проваливаться в глубокие сугробы.

Пришлось дальше ступать наугад. Передвигаться было тяжело. Снежный покров на вершине перевала то тверд, как лед, то мягок и рыхл, как песок. Наступившая темнота мешала разбираться в местности, и Адар-оол руководствовался только чутьем да направлением ветра и еще, пожалуй, доверялся коням.

Дышать на такой высоте стало трудно, — казалось, останавливается сердце. Кружилась голова, клонило ко сну. Но

Маруся не падала духом, бодрилась и старалась быть такой же спокойной, как Адар-оол. При взгляде на его невозмутимые, рассчитанные движения ей все казалось, что вот-вот сейчас обнаружится тропа и они благополучно спустятся вниз с перевала туда, где уже нет этой ужасной бури и насквозь пронизывающего холода.

Но Адар-оол в душе не был спокоен. Мысли его, вместе с вихрями злой непогоды, отчаянно кружились, искали выхода. Он-то понимал всю опасность—она еще не миновала!.. Остановиться и ждать рассвета — нельзя, в горах легко замерзнуть. Передвигаться в кромешной тьме по крутизnam вслепую и наугад — можно свалиться в пропасть. Тогда поминай, как звали!.. Не о себе беспокоился Адар-оол. Ему то что!.. Не в первый раз он бывал в таких переделках, охотясь за горными баранами и джимами. Но сейчас с ним женщина-врач, посланная — подумать только! — из далекой родной Москвы лечить аратов, их жен, сестер, детей. Ценнейший человек... За нее он отвечает перед секретарем райкома, перед всем народом... Да разве можно допустить, чтобы такая чудесная девушка погибла? Нет, скорее он сам погибнет...

Так думал Адар-оол, медленно шагая по твердому насту, прощупывая ногой каждый бугорок и ямку. В одной руке он держал длинные поводья лошадей, в другой Марусину руку. Так было надежнее. Вдруг лошади остановились и резко дернули поводья. Адар-оол не успел перехватить конец ремней другой рукой, и они вместе с рукавицей и лошадьми исчезли во мгле...

— Адар-оол! Что это? Двигаемся? Куда двигаемся? — крикнула сквозь шум метели Маруся и, покачнувшись, обеими руками ухватилась за него.

— Хортук¹). Беда! — крикнул он. — Ложитесь! — и бросился наземь, увлекая ее за собой. Он крепко прижал к себе девушку, стараясь защитить ее от возможных толчков о скалы.

Они неслись с бешеною скоростью. Внизу под ними гудело и грохотало, точно раскаты грома. Потом их подкинуло кверху и вместе с разбитыми комьями снежного наста обрушило в пропасть.

Маруся очнулась и долго не могла понять, что с ней произошло, почему она лежит в снегу, как в глубокой перине. Кругом стояла мутная тьма, ветра почти не было. Она не сразу почувствовала пощипывание снега, набившегося в волосы, уши. Все тело болело и ныло какой-то тупой болью.

Первое, что она смутно увидела — это шапка, лежавшая рядом и набитая оледенелым снегом.

— А где же Адар-оол? Адар-оол!!! — крикнула она изс

¹⁾ Хортук — снежный обвал.

всех сил. Но она едва расслышала свой голос — таким слабым показался он.

Замирая от страха, она пошевелила ногами и руками — целы ли?.. Кажется, целы... С трудом Маруся приподнялась и огляделась по сторонам. Кругом было пусто, только в трех-четырех шагах виднелся снежный бугор с большим темным пятном.

Преодолевая страх и ноющую боль в теле, она поползла к бугру. Пошевелила его. Это оказался Адар-оол. Он лежал ничком, засыпанный снегом, только голова была снаружи.

— Адар-оол! — вне себя от ужаса закричала она. «Жив ли он?».

Она припала к нему и стала отгребать снег. Она не чувствовала, как замерзли ее пальцы и неудержимо лились слезы из глаз... Откопав руки и плечи Адар-оола, она повернула его вверх лицом, быстро развязала опояску и распахнула шубу, прильнула щекой к его груди, прислушиваясь.

— Жив! — воскликнула она, радуясь и плача. Торопясь, она стала вызывать искусственное дыхание, пока Адар-оол не очнулся. Он приподнял голову и прежде всего спросил:

— Вы не ушиблись, эмчи?

— Нет, нет! Я-то здорова, а вот вы, наверно, очень ушиблись, — озабоченно говорила Маруся, помогая ему встать.

— У меня голова кружится, а больше ничего не болит, эмчи.

Он приподнялся. Они долго молча сидели, не в силах побороть волнения от всего пережитого.

— Наши лошади, наверно, еще дальше укатились, — сказала Маруся.

— Нет, эмчи, наши кони там остались, — я так думаю. Надо попробовать подняться к ним и свести их сюда, здесь нет такого ветра, как там. Вы посидите, я пойду, приведу коней.

— Ни за что не останусь! Пойдемте вместе, — решительно воспротивилась Маруся. — Однако, Адар-оол, как же могло случиться, что нас унесло, а кони остались?

— Это просто, эмчи. Мы в потемках попали на самое темные горы. На солнечных склонах снег мягкий, не сдущий ветрами, а там, где север — он твердый, как лед. там всегда бури, они плотно умяли его. Кони остались на рыхлом снегу, мы с вами, эмчи, угодили на твердую кромку хортука, он оторвался от вершины горы и сбросил нас. Плохо, плохо! Но ничего, эмчи, выберемся.

Он помолчал, прислушиваясь к завыванию бури в горах, и, осторожно взяв руку Маруси, добавил:

— Это наше счастье, эмчи, что мы оказались в конце хортука. А то бы не миновать беды; быть бы нам тогда под снежной кошмой навеки....

Маруся вздрогнула. Но он ее успокоил:

— Теперь ничего, эмчи. Не бойтесь. Я знаю, что делать... Ну, давайте попробуем разыскать коней.

Маруся согласно кивнула головой. Они стали подниматься вверх. Пройдя немного, попали почти на голую землю, дальше итти было уже легче.

— Эту дорогу нам хортук проделал; чисто подмел на своем пути весь снег, что накопился здесь за зиму, — пояснил Адар-оол.

Вскоре они увидели лошадей. Оба коня, полу занесенные снегом, стояли головами в подветренную сторону. Почувяв людей, они заржали и осторожно стали спускаться навстречу...

Найдя подходящее место, защищенное от ветра, Адар-оол поставил лошадей, а сам начал тотчас же вырезать ножом отверстие в большом снежном надуве.

— Что это вы хотите делать? — спросила Маруся.

— Ижэн, так у нас называют медвежью берлогу, — по-попуту ответил он, продолжая работать ножом. — Лес далеко, дров нет, костер не из чего сделать, вот я и думаю сделять берлогу. Мы ночевать в ней будем.

— Ну, тогда и я буду помогать.

Через полчаса у них уже получилась снежная землянка, где двоим можно было свободно поместиться. Для небольшого узкого отверстия, которое служило входом, они вырезали из твердого снега дверь.

За работой не заметили, как стихла буря и наступила необычайная тишина. Черное небо очистилось от туч и засверкало множеством звезд, точно усыпанное золотым просом.

Маруся принесла свой чемоданчик в ижэн, достала мясо, подаренное добрыми и предусмотрительными хозяевами ортэля, нарезала его, и никогда уже, ни раньше, ни после, не было у них такого вкусного ужина, как этот.

После ужина Маруся закуталась в доху и легла. Испытания дня и ночи утомили ее, и она уже не держалась на ногах. Адар-оол прилег сбоку, и им обоим стало тепло и уютно.

— Адар-оол, вы не спите? — спросила через некоторое время Маруся.

— Нет, эмчи, не сплю.

— Скажите, что случилось бы, если бы мы попали на передний край хортуга? Вы говорили, да я тогда не совсем поняла. Помню, что мне стало страшно и я перестала слушать.

— Нас, эмчи, нашли бы только летом, когда снег растает...

— О-о!

Они помолчали.

— Эмчи! Вы не спите?

— Нет, не сплю; я думаю, как нам повезло.

— Вы, эмчи, долго учились?

— Я? Долго. Десять лет в школе, да пять в институте.

— О-о! — удивился Адароол. — А сильно трудно учиться?

— Бывало и трудно, особенно, когда заленившись, запустишь учебу и после приходится наверстывать потерянное время.

Адароол долго молчал, вздохнул, потом опять спросил:

— А мне можно научиться быть доктором?

— Ну, почему же нельзя? Конечно, можно и даже обязательно нужно, раз у вас есть такое желание.

— А на учителя можно?

— И на учителя можно. Только надо выбрать одно из двух: или на учителя, или на доктора, иначе из вас может не выйти ни того, ни другого... Я советую вам, все же, на врача учиться. Вы подумайте, какое счастье избавлять людей от страданий и мук, спасать от смерти... Хотите я расскажу об одном случае из моей практики?

— Очень, хочу, эмчи.

— Это было прошлым летом, Адароол в соседнем районе, — начала Маруся. — Поселок, где я работала, совсем маленький — в двадцать домиков. И все они одинаковые, и все новые. Идешь по улице, а от домов такой смолистый запах, как в сосновом бору... Колхозники только что перешли из юрт в эти домики. Моя маленькая больничка занимала такой же домик, а сама я жила с подругой учительницей Аней и медсестрой Стешей — в другом.

Однажды на рассвете прибежала женщина и со слезами стала просить помочь ее дочке. На сенокосе она попала в машину и ей повредило ногу. Дома от потери крови девочка лишилась сознания.

Я кое-как оделать и вместе с женщиной побежала к больной.

Девочка лет восьми лежала на постели бледная и чуть дышала. Я пощупала пульс, он едва бился.

Медлить было нельзя. Я сказала женщине, чтобы подготовилась к отъезду в город, а сама побежала в сельсовет к телефону. Когда я вышла от больной, стало светать.

Не прошло и часа, как над нашими домиками появился санитарный самолет, сделал два круга и, выбрав ровную площадку за огородами, приземлился. Летчик еще не успел выпрыгнуть из кабины, как я была уже возле него.

— Помогите, — говорю, — пожалуйста, девочку перенести в самолет. Мужчин в поселке никого нет, все на покосе.

Схватила его за руку и повела за собой.

— Эмчи, — стала умолять женщина, когда мы вошли в домик, — прошу вас, поезжайте вы. Я на вас больше надеюсь, чем на себя, вы можете спасти мою Олю.

Что мне было делать? — На моих руках находилось еще двое больных, за ними требовался уход и наблюдение. Мед-

сестра лежала больная. Я пришла домой, разбудила Аню и рассказала ей о случившемся.

— Да ведь это моя ученица из первого класса,—ужаснулась она и хотела, было, бежать к больной, но я ее остановила и говорю:

— Ей ты ничем не можешь помочь, а вот мне можешь. И даже очень... — И рассказала, что и как надо делать при уходе за этими больными. Она согласилась:

— Лети, Марусенька, пожалуйста, лети, спаси девочку! Что хочешь, буду тут делать, все выполню!

Обрадовалась я, расцеловала свою подругу — и к самолету. Полчаса всего летели мы.

Приземлились. Летчик открыл козырек, и я вышла. А он вынес девочку из самолета и осторожно уложил в подъехавший автомобиль. Потом повернулся ко мне и говорит:

— Это что, ваша сестра?

— А что? — спрашиваю.

— Да вот у вас глаза распухли даже...

А я, признаться, и не замечала этого. Только пробормотала:

— Да ведь я же врач.

В областной больнице Оле сделали переливание крови, и она вскоре пришла в сознание.

На другой день, когда я убедилась, что девочка спасена и скоро поправится, я собиралась лететь обратно. Но мне пришла в голову мысль: а что, если мать не поверит мне, подумает, что ее любимая девочка уже умерла. А матери все может показаться. Как я ее успокою? И тут я вспомнила, что Оля грамотная и сможет написать дватри слова. Я говорю ей: Олечка, напиши маме письмо, вот тебе бумага и карандаш. Она взяла слабой ручонкой карандаш и нацарапала «Авай»¹) и «Оля».

Так я с этим письмом и возвратилась домой.

Трудно рассказать о радости матери, когда она узнала, о выздоровлении своей дочки. Я не сумею этого объяснить. Адар-оол, скажу только, что все мы — мать, учительница и я — плакали от радости.

После, когда я уезжала из этого поселка, Оля принесла мне букетик осенних полевых цветов... Хороший случай, Адар-осл?

— Очень хороший, эмчи... Я тоже хочу лечить людей.

— Ну и отлично... А теперь спать, спать...

От их дыхания в избене стало тепло. Маруся сняла шапку и положила в изголовье. Густые волнистые волосы рассыпались и коснулись щеки Адар-оола.

Оба притихли.

¹) Авай — мама.

Марусе вспомнилась одна из ее ближайших подруг, с которой она жила вместе в одной комнате. «Посмотрела бы, ой, посмотрела бы Галинка сейчас на меня и на наш ижэн!.. Чё бы подумала?..». Она улыбнулась этой мысли. Через минуту сон уже сморил ее крепко-крепко.

Адар-оол лежал, боясь пошевелиться, ему было невыразимо отрадно и приятно прикосновение душистых Марусиных волос. Он лежал и думал, в первый раз в своей жизни так думал.

«Нет в мире лучше этой девушки. Какая она хорошая! Такая юодая и такая ученая! Очень ученая!..» И ему стало вдруг грустно оттого, что сам-то он мало учился и так мало еще видел в жизни!..

* * *

Адар-оол проснулся первым, когда в ижэне стоял еще синий полумрак. Он повернулся и долго лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к ровному дыханию девушки. Потом осторожно, чтобы не потревожить ее, встал и вышел из убежища.

Мартовское морозное утро, купаясь в солнечных лучах, уже сияло над горами. Глядя на это тихое голубое небо, на безмятежно-чистые сугробы гольцов, трудно было поверить, что совсем еще недавно тут бушевала буря, обрушивались в прощель хортуки и неистовые смерчи переносила по воздуху тысячетонные массы снега.

На косогоре, разгребая копытами снежный покров, добывали себе корм нерасседланные кони.

Адар-оол направился к ним, чтобы поймать и переседлать. На пути он увидел несколько белых птиц, безбоязненно сидевших на снегу возле выступа скалы. Они почти сливались со снегом и только черные глаза их, точно черные пуговицы на белом платье, резко выделялись. Адар-оол присел, откопал из-под снега небольшой камень и, нацелившись, метким ударом убил одну из птиц. Остальные с криком поднялись и шумно упорхнули.

Поймав затем лошадей, он привел их к снежному убежищу, где, как сказочная царевна в хрустальном терему, продолжала сладко спать она — эмчи.

Он посмотрел на девушку в дверную щель и, це желая нарушить ее утренний покой, отошел и стал очищать шерсть лошадей от намерзшего льда. Прошло немало времени, пока снежная дверь ижэна с шумом упала, и в темном квадрате отверстия показалось улыбающееся лицо Маруси.

— Ой, ой! Как светло! — радостно говорила она, прикрывая рукой глаза.

— Доброе утро, эмчи! — приветствовал ее Адар-оол. — Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, Адар-оол. Я хорошо спала и даже нисколько не замерзла. А вы не больны?

— Нет, эмчи, у меня все в порядке, я здоров и счастлив оттого что вы невредимы... Вот вам моя добыча! Берите на здоровье... — И он положил перед ней белую птицу.

— Ка-акая красивая! — удивилась Маруся. — Зачем же вы убили ее? А как она называется?

— Это — агына, белая куропатка. Она водится только здесь, в горах.

— Спасибо за подарок. Но куда я ее дену?

Адар-оол поднял куропатку, привязал к седлу и, довольный своим подарком, весело сказал:

— Теперь поедемте, эмчи.

Через полчаса они были уже на вершине горы. Разыскав занесенную бурей тропу, они начали спускаться с перевала. Чем ниже, тем становилось теплее. Наступающая весна то тут, то там сбрасывала зимнюю одежду с земли, пятна пропалин дымились от испарений, а оседавший снег, подтаивая, капля за каплей всасывался в морщины земли. Двата-три зеленых листка уже выбились из-под, согретого солнцем камня, завтра они еще подрастут, и через день засинеет над ними цветок подснежника.

— Вот и город наш! — показал рукой Адар-оол на желтевшие вдали свежие бревенчатые постройки.

Маруся посмотрела на незнакомое селение и откровенно созналась:

— Я волнуюсь почему-то... Новые места... Совсем незнакомые люди... Как-то встретят меня. Работы я не боюсь, меня заботит — сумею ли я справиться с ней в таком большом районе?..

— Народ сам поможет вам, эмчи!

Время было еще совсем раннее, когда они въехали в селение. У дверей новой школы толпились дети, служащие шли в свои учреждения и хозяйки торопились в открывающиеся магазины.

В райздраве Марусю встретила пожилая, очень приветливая женщина — Анна Сергеевна. Она была так рада приезду молодого врача, что не скрывала этого, и поминутно говорила:

— Вот хорошо! Вот замечательно, что вы приехали! Мы заждались... — и тут же, глядя на нежный овал Марусиного лица и густой румянец щек, сокрушилась: — Но какая же вы еще юная!

— Ничего, — отшучивалась Маруся, — придет время, — состарюсь.

— Ох, нет, стариться не надо, лучше оставайтесь такой навсегда...

За разговором они совсем забыли о проводнике. А он стоял, прислонившись к стене и грустными глазами следил за

Марусей. Настало время расставаться. Ему уже сейчас казалось, что тает дружеская близость, возникшая было в пути между ним и девушкой. Неужели она уже больше не взглянет на него, не улыбнется ему?.. «Да и что я для нее, — простой малограмотный тувинский парень, который только ничего и знает, что за скотом ходить да за джимами охотиться...»

— До свиданья, эмчи! — тихо сказал он, направляясь к выходу.

— Постойте, Адар-оол. Куда же вы? — и тут Маруся заметила его расстроенный вид, но решив, что он затосковал по дому, спросила:

— Вы далеко отсюда живете?

— Недалеко, наш колхоз отсюда в пяти километрах.

— Ну, так чего же вы торопитесь, поживите здесь хоть сегодня...»

— Нет, эмчи, я поеду, — сказал он печально.

Маруся заглянула ему в глаза, темные, как ночи Тувы.

— Вы на меня не сердитесь, Адар-оол?

— Что вы, эмчи... Разве на вас может кто-нибудь сердиться?

Маруся крепко пожала его руки, сказала задушевно просто:

— Давайте, Адар-оол, дружить с вами. Мне кажется, вы хороший товарищ.

— Хорошо, эмчи, ай, хорошо! Вот будем дружить, — обрадовался и повеселел он. — Если вам нужен будет Адар-оол — скажите, я все могу сделать для вас... До свиданья! Байрлыг!

— До свиданья, Адар-оол! До скорой встречи...

Парень из сумона

Рассказ

— Снеси эту бумажку в отдел кадров, там тебя запишут, —
сказал директор.

Бады направился к двери, но на полпути остановился.

— Не знаешь, куда идти? — спросил директор.

— Не знаю.

— Тогда подожди, я позвоню, тебя проводят.

Он взял трубку телефона и, подув в нее, заговорил:

— Василий Иванович? Слушай, Василий Иванович, зайди сейчас ко мне на минутку, тут новый рабочий пришел, прямо из сумона пришел парень. Что? Да, да, совсем не был на производстве, как говорят — парень с тихой степи. Его надо принять на работу и дать комунибудь из твоих токарей в ученики.

Директор положил трубку и посмотрел на Бады:

— Садись на диван.

Вошла девушка и передала директору папку с бумагами. Директор написал новую записку и велел передать в отдел кадров. Бады показалось, что девушка не заметила его. Он пистрогал мягкую обшивку дивана, и, не особенно доверяя пружинному сидению присел на самый край, где было потверже и надежнее. Рассматривая стены кабинета, он удивлялся их ровности и белизне. «А эти, наверно, золотые, — подумал он, взглянув на багетные рамы с репродукциями, — ишь как блестят...»

В это время открылась дверь, и вошел пожилой человек в спецодежде и в больших очках.

— Василий Иванович! — сказал вошедшему директор. — Вот, пожалуйста, новый помощник вам, забирайте и учите, желаю успеха.

Бады встал и неловко протянул руку Василию Ивановичу

— Здравствуйте, здравствуйте! — добродушно приветствовал парня Василий Иванович. — Поработать у нас захотел? Хорошее дело. Нам такие молодцы нужны. Ну, давай, иди за мной, будем вместе работать... Тебя как зовут-то?

— Бады Очуроол.

Василий Иванович повел нового рабочего в отдел кадров, где его оформили на работу, и затем на завод.

Из высоких труб над живописным рукавом Енисея поднимались к небу ровные столбы дыма. У заводских ворот непрерывно двигались люди; одни входили во двор, другие выходили на берег.

Во дворе завода стояли автомашины. Некоторые вышли обновленными из цехов, другие ждали своей очереди на ремонт. Между кузнецким и литьевым цехами двое рабочих сваривали шасси: под их руками нестерпимо ярко сверкал синий огонь, от которого у Бады запрыгали пятна в глазах.

Из слесарного и жестяного цехов через раскрытые окна вырывался визг пил и грохот листового железа, похожий на гром. Двери паросилового отделения были открыты, и Бады увидел громадное колесо, стремительно вращавшееся на одном месте. Увлекшись рычагом локомобиля, двигавшимся точно железные руки, он обо что-то споткнулся и едва ударился о ногах, сделав быструю перебежку вперед и пригнувшись к земле.

— Пойдем, пойдем, — протянул ему руку Василий Иванович, — после насмотримся.

В цехах люди не сутились, работали сосредоточенно и размеренно. Одни при встрече здоровались с Василием Ивановичем, другие обменивались деловыми замечаниями и просили у него совета. На Бады никто не обращал внимания, и это его немного обидело: «У нас в сумоне нового человека сразу застятят, поговорят, расспросят», — думал он.

В токарно-механическом цехе, куда они вошли, самый воздух, казалось протяжно пел на разные голоса. В первый момент Бады не понял, откуда исходит это странное пение, но потом, когда прислушался, догадался, что поют станки и у каждого станка свой голос. Среди смешанного залаха бензина и масел Бады ясно различал терпкое дыхание степных трав, врывавшееся в раскрытые окна.

Людей здесь было немного, они терялись среди множества станков и были поглощены своим делом. Рабочие то включали, то выключали моторы, осматривали выточенные детали, примеряли их, вставляя новые резцы. Движения работающих были неторопливы и точны. Бады понравились эти молчаливые люди, и он проникся к ним уважением с первого взгляда, хотя еще не отдавал себе отчета, что именно в них ему нравилось и вдохновляло уважение.

Ловко обходя гудящие машины, Василий Иванович провел его к одному из станков, у которого работал сердитый с виду тувинец, лет тридцати.

— Вот, Доржу, привел тебе помощника, — громко произнес Василий Иванович, наклонившись через станок и показывая рукой на Бады. — Издалека приехал, хочет учиться токарному делу.

Токарь, подняв голову и взглянув на пришедших, нажал какую-то кнопку, отчего станок прервал свою песню и остановился. Вытерев руки тряпкой, токарь сказал:

- Что ж, хорошо. Как тебя зовут?
- Бады Очуроол, — ответил за парня Василий Иванович. — Сделай из него настоящего мастера.
- Будем знакомы, — приветствовал Доржу своего будущего ученика и крепко пожал ему руку.
- Станешь стараться — мастер из тебя выйдет, — наставительно говорил Василий Иванович, похлопывая по плечу Бады. — А там, глядишь, сменишь его у станка, а он меня сменит в цеху...
- Насчет смены, Василий Иванович, говорить не приходится. У вас десятки лет опыта, а я всего четыре года работаю на производстве, — возразил Доржу.
- Дело не в годах, Доржу. Твоя работа — лучшая в нашем цеху. А я, видишь, стар становлюсь, глаза совсем плохие стали, да и сам уж не тот... У нас, советских людей — такой обычай: я тебя обучил, ты его обучишь, а придет время — и он будет готовить себе смену. Ну, вы тут договаривайтесь как и что, а я пойду...

Где-то над самой головой раздался сильный рев гудка. Бады от неожиданности вздрогнул.

— Это на обед гудит, — сказал Доржу. Придется мне сегодня домой не ходить, пообедаем здесь. Займемся первоначально станком, расскажу тебе, что это за машина и как к ней надо подходить.

После работы, когда Бады вместе с Доржу выходил из заводских ворот, ему казалось, что он уже многое умеет делать своими руками, хотя он только смотрел, как Доржу вставляет обрабатываемую деталь и резец, как запускает станок, и целый час следил за кудрявой железной стружкой, вытекавшей из-под резца...

II.

Вечером, устраиваясь на ночлег в молодежном общежитии, Бады вспомнил инструктора местпрома, приезжавшего к ним в сумон с докладом о значении местной промышленности. И подумал: «Правильно говорил инструктор — промышленность важное дело, и люди, хорошо работающие на производстве, — почетные люди. Я тоже буду почетным человеком»...

Бады вспомнил, как он загорелся желанием поехать в город, поступить на завод и сделаться настоящим рабочим. С детства он привык к кочевой жизни, он и родился в пути, между двумя стойбищами — летним и осенним, когда посреди ясного дня внезапно набежавший шквал вздымает над землей песчаные смерчи и выводит из строя караваны кочевников.

Из разговоров на собрании после доклада Бады понял, что в городе, на производстве, человек все может, все зависит от человека, от его работы: если он, допустим, на работе стахановец, то не только накупит себе, каких захочет, ружей и седел, но и свободно заведет свою автомашину.

Когда Бады объявил дома о своем желании ехать в город, мать стала уговаривать:

— Куда ты поедешь, сынок, отцу трудно будет без тебя кочевать, сено, дрова запасать, хлеб убирать... Живи дома. К счастью, отец поддержал.

— Поезжай, научись делать части для сенокосилки, — пригодится, когда будешь хозяином, — сказал он, хитро улыбнувшись.

Сам Бады имел туманное представление о городской жизни и о заводе. «Поеду, — решил он, — посмотрю. Если не понравится — вернусь домой, если понравится — останусь. Плохо, что по началу коня у меня там не будет, все пешком придется ходить. Ну, а потом... Инструктор рассказывал, что без ремонтного завода ни одна молотилка, ни одна жатка не может долго работать. Я буду делать что-нибудь к жаткам и присыпать в колхоз. Колхозники скажут: это Бады сделал! Приеду к ним — все выйдут встречать...»

Впервые в своей жизни Бады лег спать на постель, покрытую простыней. Это была простая бязевая простыня, но ему показалась какой-то особенно белой и чистой. Ложась, он отложил в сторону суконное одеяло и, по привычке, укрылся привезенной с собой шубой, хотя в комнате было очень тепло.

На утро Бады первый пришел к заводу.

Постепенно, одиночками и группами, стали собираться к воротам рабочие и мастера. Некоторых Бады встречал накануне и запомнил их лица, другие сами узнавали его. Один молодой парень сказал другому:

— Это из сумона приехал. Новичок.

Пришел и Доржу. Он не удивился, что Бады уже здесь, и, поздоровавшись, молча прошел с ним в ворота. Доржу вообще был немногословен. На работе говорил только о деле и то скупыми, отрывочными словами. Первое время Бады не понимал его, сердился, но с течением времени привык к его неразговорчивости. Зато он всегда любовался работой своего учителя. Доржу не только перевыполнял норму выработки, но и давал постоянно изделия высокого качества. И Бады мечтал стать когда-нибудь таким же большим мастером.

Когда Доржу стоял у станка и следил за резцами, Бады казалось, что все это просто, и он сам может производить обточку отливок, но достаточно было ему стать за станок, как пропадала самоуверенность и он терялся перед машиной, требовавшей правильного и точного управления.

Как-то он сказал Доржу:

— Ты управляешь станком так, как я могу править диким жеребцом.

— Жеребец тебе тоже не сразу поддается. Но станок — не жеребец, управлять им намного сложнее. Смотри и учись, будь внимательным ко всем мелочам, и тогда овладеешь станком не хуже, чем лошадью.

Первое время Бады выполнял мелкие работы и по большей части ручные: шабровку, грубую опилку отливок, подносили материал, точил инструмент. Изредка Доржу разрешал ему небольшую работу на станке. Месяца через полтора после прихода в цех Бады стал просить самостоятельной работы.

— Хорошо, — сказал Доржу, — с той недели дам тебе обточку поршней.

— Верно? — воскликнул чрезвычайно обрадованный Бады.

— Говорю тебе, что дам, чего еще переспрашиваешь...

Весь остаток дня и вечер Бады только и думал о предстоящей первой самостоятельной работе. Ему казалось, что он сделает ее отлично, — так же, как делает Доржу.

И во сне ему снились большие блоки цилиндров, стоящие в очереди к его станку...

Среди заводских ребят самым веселым и общительным был Темир — организатор комсомольской молодежи. Этот кудрявый паренек всегда был в курсе всех заводских и городских общественных новостей: знал, когда, где и на какую тему состоится лекция, кто и где ставит новую пьесу или устраивает концерт. В обеденный перерыв Темир успевал прочитать товарищам местную молодежную газету и предложить прийти на вечер или на кружок самодеяльности.

Бады часто слушал его рассказы о Великой Отечественной войне, участником которой он был. Бады нравилась осведомленность Темира, он иногда говорил с завистью: «Вот бы столько знать, сколько Темир!»

Однажды Темир подошел к Бады, когда они выходили вечером из ворот завода.

— Зайдем в кабинет, она все попрекает, что ты не заходишь, потом вместе пойдем домой, — предложил Темир и, заметив удивление Бады, добавил: — Севильба, секретарь директора, она член нашего комитета, мне по делу надо с ней повидаться.

Севильбу встретили в коридоре. Она остановилась и подала руку Бады.

— Здравствуйте! Почему не заглядываете в кабинет? А ты, — обратилась она сердито к Темиру, — почему до сих пор не привлек его к общественной работе?..

— Ну, не гуди, — пошутил Темир, — гудок уже давно без тебя прогудел... В выходной день покажем нашу самостоятельность. Скажи своим коллегам, пускай к семи часам придут

в клуб у кого сносный голос. Только сама не вздумай прийти — разгониши людей. А насчет него не беспокойся — вовлечем.

— Вот и приду, — рассмеялась Севильба и, обращаясь к Бады, спросила: — Вы тоже пойдете?

— Пойдет, конечно, — ответил за него Темир. Пойдешь, ведь?

— Пойду, — с трудом произнес Бады, перебирая пальца ми застежки рубахи.

— Ну, мне некогда, — спохватилась Севильба, — сейчас совещание у директора, а я не подготовила материал.

Когда Бады с Темиром пришли в клуб, Севильба уже была там. Она отказалась от предложения Темира пойти с ним в «артистическую комнату» под тем предлогом, что хотела по настояющему послушать концерт, а не суетиться среди выступающих, рассеивая волнение неопытных артистов, — таких, как ты — подчеркнула она, вызывающе посмотрев на Темира в глаза.

Севильба усадила Бады с собой и стала знакомить его программой вечера.

Начался концерт. Бады и Севильба с нетерпением ждали выступления Темира. Против его фамилии в программе было написано: «Хомей — двухголосое пение».

И вот на сцену вышел Темир. В зале дружно захлопали. Наступила тишина. Бады показалось, что Темир смотрит на него и хочет что-то спросить. Севильба шепнула: «Он волнуется» — и звонко ударила в ладоши. В зале опять дружно захлопали. Но Темир продолжал стоять безмолвно. Волновался ли он, как подумала Севильба, или простудил горло, неосторожно выкупавшись в холодной реке? Ясно было одно: ему не хватало сил разорвать тишину зала трудными переборами в два голоса, которыми славятся тувинские певцы и которые даются очень немногим.

Бады привскочил и хотел бежать на сцену выручать друга. Он владел неплохо редким искусством хомея и много раз выходил победителем на состязаниях сумонных певцов. Но Севильба его удержала: «Так бывает. Стыдиться ему нечего. Потом споет. А то неудобно».

Бады послушался, но не мог успокоиться.

Концерт закончен. Слушатели потянулись к выходам третьями шеренгами. Севильбу окружили ее подруги и начали с ней перешучиваться. Бады остался один в проходе между кресел. Он поднял глаза к люстре, сверкавшей позолотой и огнями, и лишь тогда заметил, что из его груди выпорхнула звонкая песня, когда молодежь, столпившаяся у выходов, стала снова наполнять зал. Бады пел двумя голосами: один — раздельный и низкий, другой — призывный, высокий. Голоса то затихали вдалеке, то набегали с новой силой и кружились

в дивном порыве. Так степной ветер в морозный день подхватывает задремавшие снега и уносит их радужными вихрями вдаль и ввысь.

Севильба сперва застыдилась непрошенной выходки новичка, но потом чувство стыда сменилось у нее, как и всех, собравшихся в зале, заслуженным восхищением.

Когда вышли на улицу, Севильба спросила:

— Почему ты запел? Прямо в зале... Тебя никто не просил.

— Темира просили, да не вышло. А поет он еще лучше.

Севильба улыбнулась и потребовала от Бады непременно прийти на следующую репетицию и показать свои таланты..

У Бады с Темиром бывали размолвки.

Осенним вечером Темир зашел в общежитие и предложил:

— Кто, товарищи, пойдет на лекцию о международном положении: — Вызвалось несколько человек.

— А ты? — обратился он к Бады.

— Мне неохота. Устал я.

— Ты что — старик или больной?

— Ты сам больной: выйдешь на сцену и молчишь, как будто тебя разбил паралич.

— Ну, не сердись. Пойдем, послушаем, что на белом свете говорится.

Темир присел на его койку и нечаянно стукнул ногой о стоявший под ней сундук.

— Что у тебя там? — спросил он, заглядывая под койку. — Ай-ай! Да у тебя тут целый амбар!

Бады обидел насмешливый тон товарища, и он вспыхнул.

— Не амбар, а сундук с вещами.

— А ну, покажи — интересно, что там.

— Нечего показывать, — отрезал Бады.

— Да ты не сердись, я так, пошутил. — примирительно, сказал Темир и, встав с койки, громко позвал:

— Кто гостей, пошли!

Бады ревниво оберегал свой сундук от посторонних взглядов. В нем он хранил различные предметы, которые могли впоследствии пригодиться в аратском хозяйстве. Почти ежедневно он приносил и укладывал в него что-нибудь новое: то накладку к двери юрты, то железный крючок или десяток подковных гвоздей. Эти предметы он покупал по дешевке на рынке. Один раз, увидев забракованную отливку небольшой шестерни, он спросил у мастера цеха:

— Можно мне вот эту штучку взять?

— А зачем она тебе?

— Потом домой увезу, пригодится для сенокосилки, — простоудушно признался он.

— Ты, оказывается, не работать, а запасаться частями приехал, — засмеялся мастер. — Иди, иди, ничего я тебе не дам.

Свой заработка Бады расходовал осмотрительно, редко ходил в театр, в кино, в городской сад. Он крепко помнил наказ отца: коли деньги — в хозяйстве тебе пригодятся..

Шли дни и недели. Бады все больше втягивался в заводскую жизнь и все ближе сходился с новыми друзьями. Севильбу он видел редко, и каждая встреча с ней была для него приятной.

Накануне выходного дня он встретил ее в цеху в обеденный перерыв.

Девушка, как всегда, улыбнулась, спросила Бады об успехах в работе и предложила пойти вместе в сад — покуда деревья не осыпались и не замерзли цветы. Бады обрадовался и сам вызвался зайти за ней.

В тот день они много набегали по аллеям и дорожкам парка, наигрались в подвижные игры на спортивной площадке, делились своими мечтами и даже успели поссориться, обсуждая заводские дела, и снова помириться.

Вечером они долго не могли расстаться: два раза доходили до дома, где жила Севильба, два раза проходили мимо молодежного общежития, несколько раз прощались и опять шли вместе. А утром товарищи едва разбудили. Бады, так крепко и сладко он спал....

Когда Бады вошел в цех, Доржу стоял у станка. Возле него, на столе, выстроились в ряд несколько отливок тракторных поршней.

Забилось сердце Бады. «Неужели мне обещанную работу готовят?» — подумал он и, позабыв поздороваться, молча встал рядом.

— Вот тебе работа, обточиши один — покажешь, — сказал Доржу, уступая ученику свое место у станка.

Весь день, даже не обедая, трудился Бады. Доржу осмотрел и обмерил поршни и ничего не сказав о качестве, велел отнести их в моторный цех.

Бады не чувствовал ног, когда возвращался из моторного цеха. Там сказали, принимая поршни: «Ничего, чистая работа».

Весь вечер Бады был под впечатлением своей удачи. «Теперь, — мечтал он, — Доржу будет всегда давать мне самостоятельную работу, а я постараюсь делать как можно лучше, чтобы сам учитель сказал: чисто сделано!»

Праздничное настроение не покидало Бады и весь следующий день, принесший новую радость всему заводу.

Темир прибежал с последним выпуском областной газеты:

— На, смотри!

Бады взглянул и радостно вскрикнул:

— Доржу!?

На первой странице был помещен большой портрет его учителя, а под ним подпись: «Лучший мастер токарно-механического цеха товарищ Доржу... выполняет норму на двести пятьдесят процентов»...

Бады побежал по цеху, показывая всем газету и громко, с гордостью, читал слова текста под портретом.

— Чего ты шумишь, как будто про тебя самого написано? — сказал ученик, работающий на соседнем станке.

— Зачем про нас с тобой будут писать? — усмехнулся Бады — мы еще не умеем как следует стоять за станком, а Доржу — опытный мастер, он больше всех вырабатывает и никто так точно и чисто не умеет делать, как он.

III.

В один из выходных дней в молодежное общежитие пришел новый жилец. Это был парень лет восемнадцати с сильно загорелым лицом и черными быстрыми глазами.

— Как тебя зовут? — спросил Бады, когда тот стал устраиваться рядом с ним, на место ушедшего в отпуск соседа.

— Торлажик, — ответил парень и, недоверчиво оглядев спрашивавшего, начал запихивать под койку большой деревянный сундук с разрисованной передней стенкой.

— Ты, что, все имущество отцовское привез с собой? насмешливо спросил Бады.

— А тебе что? — огрызнулся парень — может привез, а может здесь заработка добро да домой повезу, — кому какое дело...

Несколько человек, заинтересовавшись их разговором, подошли и с любопытством стали рассматривать новичка.

А тот никак не мог справиться со своим сундуком: кривить была низка и сундук не хотел под нее лезть. Парень побурел от злости и, оглядев обступивших ребят, сердито проговорил:

— Ну, чего собрались, не видели ящика?

В это время вошел Темир. Увидев сундук, он рассмеялся и обращаясь к Бады, сказал:

— Ого, этот побольше твоего!

Бады покраснел, посмотрел на Темира, потом на парня и вдруг сорвался с места, выдернул из-под кровати свой «амбар» и, подойдя к новому жильцу, крикнул:

— Открывай, Торлажик, держи! — и высыпал перед ним накопленное добро.

Посыпались гвозди, накладки, бороньи зубья и еще какая-то железная мелочь.

— Даром? — спросил недоверчиво парень.

— Бери даром! Мне теперь это не нужно. Отдаю тебе.

— Нет... Мне тоже не нужно... Что я добыл сам, — только такое мне нужно. А чужого я не беру.

Темир молча пожал Бады руку...

Прошло полгода. Бады продолжал внимательно учиться токарному делу. Теперь ему поручались более сложные и точные работы, и он неизменно выполнял их. Однажды сам Василий Иванович похвалил его:

Старайся, старайся, из тебя толк выйдет.

Начальник цеха знал каждого рабочего, ученика и мастера, знал, как кто работает, кому можно, а кому нельзя давать обработку ответственных деталей. У Василия Ивановича была манера: подойдет к какому-нибудь станку, постоит, посмотрит, мимоходом сделает замечание и уйдет к следующему, да так и обойдет весь цех. А затем на производственном совещании прямо говорит о производственных неполадках, называет тех, у кого станки захламлены или работают не на полную мощность. Слушают его токари, и каждый мотает себе на ус: придется заняться станком, а то, правда, нехорошо получается.

На следующем совещании Василий Иванович обязательно отметит исправленный станок, чистоту рабочего места, на словах при этом фамилию, имя и отчество хозяина станка.

Похвалу Василия Ивановича ценили высоко. И Бады был очень горд, когда Василий Иванович одобрил его работу и сказал: «Из парня выйдет толк».

Однажды, поторопившись, Бады допустил неточность при обработке важной детали. Не проверив правильность обточки, Бады сдал ее в моторный цех.

На другой день Доржу был мрачен и старался не смотреть на Бады.

— «Что с ним?» — поглядывая на своего учителя, думал Бады.

Перед тем, как идти обедать, Доржу молча поставил на стол перед Бады испорченную деталь и глухо, незнакомым голосом, проговорил:

— С моего станка никогда не сходила такая дрянь...

Бады сразу узнал свою работу и, еще не понимая, в чем дело, спросил:

— А что случилось?

Ты опозорил мой станок и меня вместе с ним! — почти крикнул Доржу и, повернувшись, пошел к выходу.

Бады схватил со стола деталь и, волнуясь, стал вертеть ее в руках. В это время он услыхал голос Василия Ивановича:

— Что же это ты подкачал, а? Подвел своего мастера: думали, это он делал, не проверили, поставили и поломали из-за нее другие части... Как это получилось?

Бады стоял бледный с трясущимися руками, злополучная деталь выпала и со звоном покатилась по бетонированному

полу. Он сорвался с места и, не обернувшись на Василия Ивановича, убежал из цеха.

Не заходя в столовую, Бады пришел домой. Он бросил на стол кепку, лег на кровать и уткнулся лицом в подушку.

«Все пропало, — думал он, — не быть мне мастером, не быть мне стахановцем... Уеду к отцу, пойду пасти скот, косить сено и никому не буду помехой»... Он то вскакивал с койки, то вновь ложился, хватал себя за голову и в отчаянии по слез сжимал ее.

«Скажу директору, чтобы меня уволили сегодня же», — решил он и пошел к заводу.

В комнате, перед кабинетом директора, сидела за столом Севильба. Увидев Бады, она обрадовалась и, улыбаясь, спросила:

— Ты заблудился, Бады? Тебе надо в столовой сейчас быть...

Нет, не заблудился, — с горечью проговорил Бады, направляясь к директорской двери.

— Да там никого нет. Он уехал на совещание. Что с тобой, Бады? Ты какойто странный сегодня... Поскорился что ли с кем?

— Я уезжаю домой — в сумон.

— Что ты говоришь? Зачем тебе ехать?

— Совсем уеду, не буду на заводе работать.

— Совсем? А я?

— Тебе что, — будешь работать, как раньше.

— А если мне будет скучно без тебя?

— Я серьезно говорю с тобой, а ты шутишь, — обиделся Бады и, отойдя к окну, стал смотреть на улицу.

Севильба подошла и положила ему на плечо руку.

— В чем дело, Бады? Расскажи.

— Не выйдет из меня мастер, из-за меня мотор сломался...

— Из-за тебя?

— Ну — да, я сделал плохо деталь, она переломала другие части.

— И ты хочешь сбежать с производства? Я не ожидала, что ты трусом окажешься.

— Я трус?! — вскипал Бады. — Я никогда не был трусом, можешь спросить об этом у нас в сумоне. Все знают.

— Ты сейчас не в сумоне, а на заводе. Ты храбрый, когда идешь в тайгу на медведя или когда палкой разгоняешь волков, но ты испугался неудачи на производстве... Куда же ты? Постой!

Но Бады резко повернулся и, не ответив, выбежал из комнаты.

На улице он столкнулся с Темиром. Тот удивленно посмотрел на него и схватил за рукав:

- Ты куда, Бады? Сейчас гудок будет.
- Я не пойду больше в цех.
- Ну, не дури, пойдем, а то опоздаем.
- Домой поеду.
- Да ты в уме или нет?
- А ты слыхал, что я наделал?
- Ну, слышал, испортил деталь, не проверил. Самонадеянным стал. А зачем же уезжать? Надо исправить дело, а не убегать. Пойдем, пойдем! Вон слышишь гудок?

Бады постоял с минуту и неуверенно пошел в цех.

Доржу не разговаривал с ним и не поручал ответственной работы. Бады казалось, что все смотрят на него с презрением, отворачиваются, как Доржу. Он раскаивался, что дал себя уговорить Темиру и вместе с ним пришел в цех. «Пойду и больше не вернусь сюда», — решил Бады, когда над головой прогудел гудок, и направился к выходу.

— Погоди, поговорить надо с тобой, — остановил его появившийся в дверях Василий Иванович — ты, Доржу, тоже не уходи.

Он провел их в свою цеховую конторку и усадил на скамью.

— Мотор вышел из строя, виноваты в этом мы все. Ты, Доржу, не проверил работу своего ученика, мотористы не проверили, думая, что это твоя работа, а я, выходит, недостаточно слежу за работой всего цеха. Тебе, Бады, и тебе Доржу, да и мне, старому, — это урок...

Василий Иванович помолчал, глядя на потупившегося Бады и продолжал спокойно, но веско:

— Говорят, Бады собрался уезжать домой... По нашему, по рабочему, такой поступок называется дезертирством. Ты что думаешь, мы играючи тебя учили? Мы нянчились с тобой для чего? Для того, чтобы ты стал настоящим человеком, мастером, чтобы пользу приносил государству и вароду... А ты по невниманию наломал частей да скорее хвост поджать и бежать... Нет, Бады, если ты честный человек, то должен приложить старание к тому, чтобы исправить свою ошибку.

— Он меня запятали и работу мою оставил, — сердито проговорил Доржу. — Теперь и мне не будет веры и мою работу будут проверять...

— Вот и хорошо, пускай почаще проверяют, это полезно для дела, для себя самого и для мотористов, которые от тебя принимаю работу. Если бы в этот раз они не надеялись на твой авторитет, а проверили, то мотор был бы цел.

— Я исправлю испорченные части. Буду день и ночь работать... — сказал твердо Бады, — прошу только помочь мне

в этом. А дезертиром я не хочу быть и с завода никуда не уйду.

— Вот это дело! Поможем, конечно. А ты, Доржу, сильно не сердись на него, он по неопытности, переоделил свои силы и в результате сам подал впросак и тебя подвел. Его еще надо учить!..

Глаза Василия Ивановича серьезно смотрели на Бады. Он верил в этого парня из далекого сумона, верил в его способности.

— Ты еще совсем молодой, твоя жизнь впереди... Еще ~~вс~~ раз тебе придется испытывать трудности и неудачи, но не бегать от них надо, не прятаться, а преодолевать, побеждать. Не гордись тем, чему научился, не думай, что если можешь управлять станком, так все на свете знаешь. Учись каждый день, каждый час учись!

Василий Иванович встал со стула. Поднялись и Бады с Доржу...

Прошло еще полгода. Перед первомайским праздником собрались комсомольцы завода на собрание. В числе других стоял вопрос о приеме в комсомол молодых рабочих. Заявление Бады было зачитано пятым. Выступивший Темир сказал:

— Бады у нас все знают. За шесть месяцев он выполнил годовую норму, качество его изделий признано высоким. За год работы на заводе и совместной жизни с нашей молодежью Бады сильно вырос, даже, можно сказать, совершенно переродился парень. Были у него и промахи, но у кого их не было? Коллектив выправил его, и большую помощь оказала наша партийная организация, наши старшие товарищи и руководители, как например, Василий Иванович, Доржу и другие, в воспитании молодого мастера. Бады оправдает доверие нашего собрания. Рекомендую принять его в члены ВЛКСМ.

После собрания кто-то из ребят спросил Бады:

— Ну, а как твой сосед поживает — тот, что с большим сундуком возился, помнишь?

— В тот раз он ~~же~~ все таки забрал мои железки, а потом раздумал и говорит: „Слушай, возьми, пожалуйста, свое сокровище обратно“ — ни к чему оно мне!“ А я ему говорю: „Передай следующему новичку — пускай порадуется“...

Когда расходились по домам, Бады и Севильба встретились.

— Я хочу поздравить тебя с принятием в комсомол, рада от всего сердца...

Бады схватил протянутые к нему руки девушки и крепко пожал их без слов...

Предмайский вечер был удивительно хорош. Слетевшиеся на новоселье птицы шумно порхали по деревьям сада, неугомонно чирикали и щебетали. Ожили берега Енисея. По нему неслись, как плоты из розовой пихты, обагренные солнцем льдины. Нарядились к празднику улицы города.

Бады и Севильба пошли вместе, вдыхая запах тополевых почек, счастливыми глазами всматриваясь в весну, в будущее. Перед ними открывается новая жизнь. Они будут ее созидать и украшать своим трудом, радостным и всепобеждающим.

СТИХИ

Степан Сарыг-оол

Советская Тува

Таясь в долинах Улуг-Хема,
В снегах Саян, как в облаках,
Из мрака к свету неизменно
Рвалась Тува века, века...

Рвалась из царства тьмы проклятой, —
Жестоких мук ей не забыть.
Нуждой измученным аратам,
Казалось, горя не избыть.

Тува, страна моя родная!
Познала ты и гнев и стон.
И в реки кровь со всех сторон
Сбегала, волны обагряя,

Но из неволи вывел нас
Народ Руси в заветный час.
Свет Октября и свет Москвы
Развеял мрак былой Тувы.

Как в океан издалека
Спешит великая река,—
Тува рвалась сквозь мглу Саян
В страны Советской океан.

К труду и радости теперь
Нам распахнул навечно дверь
Великий Ленин, чей завет,
Как солнце, озарил весь свет.

И, как корабль средь бурных вод,
Нас твердо в коммунизм ведёт нас первое бесчёрное
Великий Сталин, — вместе с ним ведёт
Мы всюду счастье утвердим!

Счастье

Я рано в детстве потерял
Родителей своих...
Я из аала брел в аал
Среди степей пустых.

Там, где Овюр и где Ары,
Я, средь людей чужих,
С рассвета до ночной поры
Работал за двоих.

Лишь горстку проса получал
Иль кислой гущи я...
Сосала сердце мне печаль,
Как черная змея.

Я брата встретил как-то раз:
— «Ну, как живется, брат?»
— «С тобой одна судьба у нас,
Богатым — рай, нам — ад!»

Так было много лет подряд.
Но разогнав печаль,
Большое солнце Октября
Нам озарило даль.

С великой русской стороны,
На горе всем врагам,
С великой русской стороны
Сияет солнце нам.

И те, кому беду и страх
Сулила прежде жизнь,
Теперь идут в его лучах
Дорогой в коммунизм.

Дорога помощи

Корчая пни, взрывая скалы;
Ты долго ощупью брела,
Ты выхода себе искала,
Но лишь теперь его нашла.

Ты — гордость нашего народа! —
Давно ли путь в Саяны был
Непроходим для пешехода,
И даже зверь там не бродил?

И там, где, сумрачен и гневен,
Суровый лес века стоял,
Сегодня нам привет прислал
Путем широким русский Север.

Где прежде не пройти вовек, —
Саянский ветер обгоняя,
Спешит мянин веселых стая
Дорогой помочи Туве.

Летят мачинны, словно птицы,
По остроребрым кряжам гор...
Так Улуг-Хем весенний мчится
На Крайний Север, смел и гор!

Живи и освещай нам вечнс
Дорогу, как маяк, Москва!
За помонь Братскую серденис
Благодарит тебя Тува!

Награждённая

Взгляни на Ошку-Сар... Совсем, совсем стара! С младенчества она не видела добра, Блестящий лак волос сменился седичой И зоркие глаза подернулись слюдой.

Пришлось ей по ночам сучить верблюжью нить, Веревки из пеньки для сытых баев вить, И стряпала она, и кожи мяла им, И няньчила детей по стойбищам чужим.

Мозоли нажила, скитаясь век пешком, Ее от голода шатало ветерком. Щепотку табаку, заварку чая ей Случалось занимать у жадных богачей.

Но солнце Октября и над Тувой взошло, И от лучей его бежали мрак и зло. Для старой Ошку-Сар пришли иные дни. Мой друг, на Ошку-Сар сегодня ты взгляни.

Вот на груди у ней горящие, как жар, Сверкают ордена — страны бесценный дар. Батрачке прежней ныне слава и почет, Как героиню-матер народ ее поет!

Тракторист

Блестящий новый трактор
Свернул на поле с тракта.
Его водитель, Чавыдак,
Был вожаком в дыму атак.

Теперь — вожак он в поле! —
Стальной конем доволен...
Да можно ли свой трактор-друг
Сравнить с волом, впряженным в плуг?

Ему в труде упорном
Мала любая норма.
Ведет он мощный трактор свой
По полю, — словно танк на бой!

Рассказ летавшего

Я впервые по синему небу летал.
Замечательно, люди!
Непонятно и весело Кто испытал, —
Никогда не забудет.

Из летающей лодки арату видны —
Очень странно —
И тайга, и поля, и озера страны,
И родная поляна.

И могучий олений изогнутый стан
Улуг-Хема.
Он серебряной цепью ползет в океан, —
Восхищаемся все мы.

А нырнешь в облака — будто камнем ко дну
Пущен в воду.
Небеса и земля превратятся в одну
Удивительную природу!

Может, молния встретится нам на пути
Или горы.
Но не трудно Чимиту их обойти —
Есть моторы.

Он, как ласточка, помнит пути в облаках,
Пролетая,
Как в горах Каа-Хема на легких крылах
Птичья стая.

Он, как ястреб, уходит стремглав, каргыра
Запевая.
Перед ним изгонулась в поклоне гора,
Как живая.

И прославленный в песне могучий орел
С ветром в паре
Разве могут сравниться с тобой, Хунан-оол —
Смелый парень!

Вечная слава

Навсегда ли погасли глаза
Молодого лихого арата?
И родители ждут, и друзья —
И никак не дождутся солдата.

Навсегда ли замолкли слова,
И напевы ушли навсегда ли?
Их не слышит степная Тува,
Им не вторят туманные дали.

Нет, не так! Это гнев говорит,
Это горе и верность в ответе!
Негасимое пламя горит,
Освещая дорогу планете.

Голос бронзой легко зазвенел,
Каждый мускул в граните остался.
Ты в атаках себя не жалел,
Ты за Родину честно сражался.

На Украине дружеской, там,
Где окончился путь твой солдатский,
Головою к тувинским хребтам
Ты в могиле покоишься братской.

Город Ровно тебя приютил,
По тебе украинки рыдают.
И венки у солдатских могил
Полыхают и не увядают.

У ограды не вянут цветы,
Слово Сталина врезано в камень,
Под которым останешься ты
Навсегда с боевыми дружками.

Ты врага переспорил в бою
И народ свой навеки прославил.
Охраняем мы славу твою,
Ту, которую внукам оставил.

Я гражданин Советского Союза

Гордая песня тувинца, как птица, свободна!..
Сладостны звуки твои; ты звенишь всенародно,
Подвиги наши в труде прославляешь повсюду,
Радостно жить и работать свободному люду!

Дышит свободно широкая грудь молодая,
Байского гнета и плеток манчжурских не зная,
Вынес народ испытанья сурового века;
Он не подвластен ни ханам,
ни ламам,
ни бекам!

Был я кочевник, скитался весь век по долинам,
Прежде чем стать мне советской семьи гражданином...
Эй, богачи, на пути вашем высится ныне
СССР неприступной, могучей твердыней!

Нет справедливей, нет выше родной моей власти.
Быть гражданином Советской страны—это счастье!
Светлый Советский Союз—мне в лучах твоих греться,
Верю в народ мой—ему отдаю свое сердце!

Гнёт непосильного рабства ему стал неведом...
Сталин великий и мудрый ведет нас к победам.
Ты к лучезарной, заветной поре коммунизма
Смело шагаешь, Советская наша отчизна!

Слава СТАЛИНУ

И справедливости, и счастья торжество—
Свет яркий мудрого ученья твоего,
Приносит радость он, надежду всем народам
И согревает их, сперекор невзгодам.

Междуд Саянами и кряжами Танды
Века стонали мы от горя и нужды.
Но слава Сталину—Туву он вывел к свету!
Теперь мы ожили под крыльями Советов.

От старых байских дней не стало и следа.
Тувинцы счастливы отныне навсегда.
От берегов Саглы до берегов Эрзина
Колхозные стада пасутся на равнинах.

Там, где в горах бегут Балгазик и Барлык,
Колхозы выросли,—их славный труд велик.
Где мы о пакоте и не слыхали сроду,
Колышутся хлеба, как волны в непогоду.

Таят немало руд Бий-Хем и Кая-Хем
В подземных кладовых, не тронутых никем.
Мы руды выроем,—что им лежать под спудом?—
Сокровища земли достанем отовсюду.

Пусть здравствует Великий мудрый вождь страны!—
Ученьем Сталина сердца озарены...
Трудись, народ Тулы, с народом русским вместе:
Труд—дело доблести и всенародной чести!

Леонид Чадамба

Кызыл—Москва

Из окна вагона оглядел простор,—
Захватило дух, я этого не скрою.
Необъятны степи, как цветной ковёр.
Беспределны степи, как мечта героя.

А в степях бескрайних встали города,
Фабрики, колхозы, станции лесные.
Как друзьям—соседям, им рукой всегда
Я машу и крикну: „Здравствуйте, родные!“

А над нами реет гордый самолёт,—
С нами по дороге птице быстрокрылой.
Нас одна дорога из Тувы ведет—
Прямо из Кызыла до столицы милой!

На току

Под осень созрели хлеба—погляди!
Колосья к труду приглашают стゾвонно.
Укрыты тока—не страшны им дожди,—
И реют в полях, словно маки, знамёна.

Рядами уложены сноп за снопом,
И скирды растут, поднимаясь все выше...
Чтоб спорилось дело, давайте споём!
Пусть песня задором и радостью дышит.

Проворные парни на место встают—
И вот молотилка в работу вступает.
И девушки вихрем снопы подают,
И ветер цветные платки раздувает.

Уже обмолочено чисто зерно,
Его мы в арбы и машины сгружаем;
Как золото, жарко и звонко оно...
И песню заздравную мы запеваем.

Мы хлеб государству сверх плана сдаем,
С любовью взращенный колхозным аратом...
Так вот почему на току мы поем,
Гордясь, что колхозом живем мы богатым!

Табун на пастбище

Пастушки песни прозвучат—
Сыгыт или хомей.¹⁾)
Их новый смысл, их новый лад
Понять, мой друг, сумей!

Далёк от выгонов колхоз—
И избы не видны.
В степях, не знающих колёс,
Пасутся табуны.

Пора покинуть им чайлаг.²⁾)
Пора спуститься с гор.
Колхоз сулит им многое благ:
Корма и тёплый двор.

Но снегопад—в степях он лют!—
Им объявил войну,
Траву копытом достают,
Как было в старину.

А там—в колхозе—ждёт тепло
И сено, и овёс...
Пути-дороги замело—
Вокруг на много верст!

Ночные пиршества зимы
Затеяла пурга.
Голодный волк ползёт из тьмы—
Гони, трави врага.

Привыкли к темноте ночной
Табуница глаза.
И гулкий выстрел средь степей
Грохочет, как гроза.

¹ Сыгыт и хомей—варианты своеобразного пения.

² Чайлаг—летнее горное пастбище.

От пули меткой не свернуть!—
Завыл протяжно волк,
И, воровской закончив путь,
Он навсегда умолк.

Опять степные косяки
Бредут сквозь снегопад.
Огни колхозные близки—
Табунщик дому рад.

Он скачет, всем ветрам на зло,
И песнь идет о том,
Что ждёт давно его село
И новый светлый дом.

Пастушки песни прозвучат—
Сыгыт или х мей!
Их новый смысл, их новый лад
Понять, мой друг, сумей!

По родной земле

Земля советская щедра— и есть чему дивиться:
В шеренгу встали города, колхозные станицы.
Ты видишь в них друзей родных одной семьи любимой...
А скорый поезд тороплив— он мчится мимо, мимо...
Как плодородны, как тучны родные наши степи.
На них колышутся хлеба, по нивам—легкий трепет.
Поля колхозные вокруг— их не окинешь взглядом,
И жизнь— в довольстве и трудах— повсюду с нами рядом.
В степях красуются уже,— раскидисты и рослы,—
Посаженные в наши дни— березы, клёны, сосны.
Дороги новые легли, теряясь в шире дымной.
Их много,— все они ведут к Москве гостеприимной.
Из голубой Тувы в Москву мы ездим в зиму, в лето.

Золотой закон

В былые времена от муки, плетей и горя
Арат всю жизнь страдал, с аравой байской споря.
Не раз он восставал при ханах и хулганах,¹⁾
Но побороть не мог вольников незванных,
Пока нам с Севера великий русский брат
Не протянул руки: — „Иди со мной, арат!“

Век рабства позади и позади нойоны.²⁾
Арату—крепкий щит советские законы.
Он сырь однор семы в отечестве елином.
Он строит, учится, став вольным гражданином.

Покончив с ницетой, которой спутник тьма,
Меняет юрту он на светлые дома!
Ведь золотой закон теперь в руках арата.
То—Стилина закон; его храним мы свято.

Арат вниманием вседневно окружен,
Он волен избирать, как наш гласит закон,—
Советского Союза гражданин свободный!—
Ведь труд ему теперь стал честью всенародной!
От имени Тувы, живущей по-иному,—
Алдар³⁾ провозгласим мы Сталину родному!

¹⁾ Хулганы—„перевоплощены” в ламаистской религии.

2) Нойон—князь.

3) Алдар—слава.

Бай-Тайга

В Туве есть местность Бай-Тайга,
Где даль прозрачна и строга.
Зарю гостеприимно там
Тайга встречает по утрам.

На острьях и день, и ночь
От снежных бурь дышать невмочь.
Седые шапки видят взор
На недоступных главах гор.

В ущельях прыгает река,
Она слышна издалека
И камни катит вниз гурьбой,
Вся в пене, гордая собой.

Как памятники — высоки,
Стоят утесы вдоль реки.
Парят над кручами — взгляни! —
Орлы да ястребы одни.

По скалам скакет, быстр и яр,
Стучат копытами, архар
И табунками — веселы —
Пасутся дикие козлы.

В горах, где буйствует пурга,
Шумит богатая тайга —
Пристанище зверей и птиц,
Склонив густые ветви ниц.

В ией бродит, всю проходя насквозь,
Лобастый длинноногий лось,
Взревет медведь иль соболь вдруг
Глядит, где скрылся бурундук.

Как мир тайги несметно щедр! —
Подняв пласти таёжных недр,
Добытчики, мы взять смогли
Руду из кладовых земли.

Шуми и пой, моя тайга!
И ты отчизне дорога
Богатством и пушным добром, —
Тебя мы любим, бережем!

Ты, как себя ви стереги,
Хозяева мы Бай-Тайги,
Не просто гости — и любя,
Преобразим трудом тебя!

B Москве

Как часто думал я: „Мне б посмотреть Москву!
Мне б повидать тебя, далекая столица!“
И — вот она мечта, с недавних пор живу
Я в дорогой Москве — пусть сердце веселится.

Брошу, дивясь всему, незнаемый никем,
Но близок каждому — пришелец из аула.
Так вот она Москва! Вот краснозвездный Кремль!
Как полно грудь моя от радости вздохнула!

Ты — сердце моего отечества, Москва!
Нам седоглавый Кремль привет шлёт величаво.
Часы на башне бьют... Нет выше торжества,
Как быть участником твоей всемирной славы.

Ты — победившая в неслыханной борьбе —
Богатырём слывёшь, ты — солнце всех столетий.
Москва моя! Дивится целый мир тебе,
При мысли, что ты есть — жить радостней на свете!

Ты засаянскую далекую Туву
Ученьем Сталина, как солнцем, осветила...
Тувинский мой народ приветствует Москву.
Сроднившись с ней навек, поет он с новой силой!

Олег Саган-ов

Новь

Раскинулась свободным краем
Средь гор седых Тува.
В ней век кочевий умирает,—
И новь взяла права.

В поля спешит арат сегодня,
Тузы советской сын.
Он целину впервые поднял
Средь девственных равнин.

С сохой расстался деревянной,
Впрягает трактор в плуг.
А вместо юрты вехой, рваной—
Семья домов вокруг!

Построил школу по соседству,
При школе интернат.
Пусть дети радуются детству.
За них—он тоже рад!

Поет, что сын стал агрономом,
Невестка избачём.
Свет электрический в сумонах
Горит, как солнце днём.

Так новь аратская сегодня,
На зло преградам всем,
Вперед летиг, ветров свободней,
Быстрой, чем Улуг-Хем!

Бывалый человек

Ему за сорок. Не старик,
А человек бывалый.
Точнее, русский большевик,
Боец и запевала.

У нас он каждому знаком,
Его мы близко знаем,
С аратом в дружбе, а с врагом
Суров и несгибаем.

В тридцатых — создавал колхоз,
В сороковых — сражался.
Счастливый ветер к нам занес,
И он в степи остался.

Ему вся жизнь людей простых
Понятна и знакома,
Он в поле навещает их,
На пастбищах и дома.

Учитель он, советчик он —
Подскажет и поможет.
Он чистым сердцем наделен,
Он прошлым жить не может.

И жизнь его — народа жизнь.
Он только этим дышит,
Ведет аратов в коммунизм
И песню дружбы слышит.

Её поют поля Тувы
И прославляют брата.
Он к нам приехал из Москвы,
На нем шинель солдата.

Ему за сорок. Не старик,
А человек бывалый.
Точнее, русский большевик,
Боец и запевала.

Василий Эренчин

Говорит Москва...

В эфире вечный шум и суета,
Он доотказа звуками наполнен.
И плещутся, и плещут без конца
В приёмнике невидимые волны.

Они несут то чей-то злобный вой,
То музыку немыслимого танца.
Весь вечер ве смолкает разнобой
Горластых голосов радиостанций.

Бессвязны речи вражеского стана.
У них ни слова правды не спроси —
У продувных нью-йоркских шарлатанов,
У дикторов фальшивых Би-би-си.

И в этом взбудораженном эфире
Мы слышим вдруг спокойные слова —
Такие задушевные, простые —
Два гордых слова: „Говорит Москва“

К людским сердцам они доходят прямо,
Их, точно друга, всюду узнают —
На сумрачных заводах Бирмингама
И в филиппинском солнечном краю.

Мы гордо вспоминаем дни иные —
Дни жарких битв. Тогда в урочный час
Мы каждый вечер ждали позывные,
Чтобы услышать Сталинский приказ.

И радость наполняла миллионы
Простых людей со всех материков,
Когда взвивались красные знамёна
На площадях спасённых городов,

Ты не найдёшь теперь таких окраин,
Где б люди не слыхали о Москве.
Со всей планетой говорит наш Сталин
На близком, всем понятном языке.

Для всех должны и золотиться нивы,
И птицы петь, и зеленеть трава.
Народы верят — близок день счастливый —
Ведь им об этом говорит Москва!

Песня счастья

Везде, во всех краях моей большой страны
С любовью вижу жизнь кипучую, как лава.
Знамена алые Победы взнесены,
Под ними в бой мы шли, над ними реет слава.

В Советской Родине пути открыты всем.
Мы строим, учимся, и в этом — наше счастье.
Шуми и пой о том, родной мой Улуг-Хем! —
Навек прошла пора и гнёта, и несчастья.

Повсюду жизнь в стране, вольна и широка,
Течёт, как летом полноводная река.
О том, как радостен и счастлив наш народ,
В степи широкой Чадаган¹) родной поёт.

Ту песню звонкую пусть слышит вся страна!
Гроза любая нам отныне не страшна:
К прекрасной жизни мудрый Stalin нас ведёт!
Ему все песни посвящает наш народ!

Пионеры на полях Тувы

На месте широких и ровных степей,
Где изредка юрты встречались немые,
Где вольно веками гулял суховей,
Колышутся ныне хлеба золотые.

На тучных колхозных полях, там и тут,
Отряд пионеров разбился на звенья.
Их галстуки в поле, как маки, цветут.
И спорится труд под весёлое пенье!

¹⁾ Чадаган — тувинский музыкальный инструмент.

Они говорят: „Мы спасём урожай
От злых сорняков и от мыши-полевки!“
Подъехал я к ним. Как проворны, как ловки.
Такими гордится тувинский мой край!

Люблю этих славных и дельных ребят!
Сегодня они поработали знатно.
Глаза их от счастья, как звезды, горят...
Пора им домой... Отдохнут—и обратно.

И дружно размеренным шагом пойдут,
Пропев пионерскую песню про труд,
В просторах, где юрты всіречались немые,
Где ныне волнуются нивы густые.

Девушка-охотник

Торговый чум в березняке
У самого подножья.
Горят костры невдалеке,
И пахнет свежей кожей.

И скалам утренний туман
Спустился по колени.
Идет из Тоджи караван —
Под выюками олени.

Я вижу: девушка одна
С охотниками едет.
Куда она?
Зачем она?
Наверно, мы соседи.

Румянолица и смугла,
Коса угля чернее.
В торговый чум она вошла,
И я вошел за нею.

Заготовителю она
Сказала: — Принимайте
Все, что нашелкала одна.
И мне товаров дайте!

И белок прямо вороха
Свалила, не считая.
Потом на беличьи меха
Пошла соболья стая.

— Я с Одугенского хребта.
Серен меня назвали.
У нас гравольные места.
Вы к нам не заезжали?

Товары ей выносит дед
И грузит на оленей.
И долго я смотрю ей вслед
В задумчивом волнении.

И эхо песенку её
В ущельях повторяет.
И сердце бедное мое
Стучит и замирает.

Урожай

Не помнят даже старики такого урожая:
Стоит стеной, густой стеной пшеница золотая.
Плыт по желтой полосе комбайн — корабль степной.
— Подарок радостный от нас прими, страна родная, —
Так говорит наш бригадир, колхозник молодой.

Он до рассвета нынче встал. Ему теперь не спится —
Пришли ударные деньки, горячие деньки.
Смотри, какая на полях высокая пшеница,
Как небо ясно, воздух свеж и дали широки!

Колосья тихо шелестят, головками качая,
Пока машины острый нож не перережет их, —
Тогда срываются они, как птиц пугливых стая
К прозрачной блещущей воде в озёрах голубых.

И тут и там на полосе вязальщицы-девчата,
Мелькают желтые снопы в уверенных руках.
Упорный, жаркий труд кипит, и за него награда —
Литое крупное зерно в колхозных закромах.

— Быстрей, подруженьки, быстрей! — смеются молодицы.
Растут суслоны на полях, встаёт за рядом ряд.
Повозки мчатся за снопами — лишь мелькают спицы.
— В колхозе кони, как орлы, — недаром говорят.

А на току, где пыль стоит, где молотилки грохот,
Обоз артельный в путь готов, нагружен каждый воз,
И на переднем красный флаг полощется высоко —
Свой первый хлеб сдаёт на склад передовой колхоз.

Его работники в полях улыбкой провожают.

— Счастливый путь! Счастливый путь! — девчата вслед кричат.
Ещё проворней и быстрее руки их мелькают,
Ещё скорей встают суслоны в строй за рядом ряд.

Стоит стеной, густой стеной пшеница золотая.

Ушёл обоз в свой первый рейс дорогою степной.

— Подарок радостный от нас прими, страна родная, —
Вслед говорит наш бригадир, колхозник молодой.

Юрий Кюнзегеш

На берегу родной реки

Я поздоровался с рекою,
Принес привет местам родным:
Но знаю: сердце успокою, —
Лишь песней поклонившись им.

Моя родня здесь кочевала;
Когда-то здесь, по-старине,
И сам я кочевал, бывало...
Но как о том поведать мне?

Нам дороги края родные
Не тем лишь, что мы в них росли.
А тем, что времена иные
Меняют жизнь родной земли.

Мне не узнать родимый берег:
Где были юрты — там дома,
Посёлок, а в поселке скверик,
И в нём ребячья кутерьма.

По-новому волнует сердце
Мой дорогой отцовский край...
Его теплом я рад согреться,
Играй, река моя, играй!..

Степной мотив

Волам не пахать от утра до утра:
Устанут и встанут, дыша тяжело.
Гортанную песню поют трактора —
Их слушает степь и степное село.

Родного приволья широкий разлив.
Колхозного поля весенний мотив.

Как будто кумыс по канавам течёт:
Пшеница, напившись, как море шумит.
И красное солнце сильнее печёт,
И медленней белая птица летит.

Родного приволья широкий разлив.
Колхозного поля летний мотив.

Груженые хлебом обозы идут.
Прислушайся к ровному скрипу телег
О чём они каждое утро поют?
О чём напевает в степи человек?

Родного приволья широкий разлив.
Колхозного поля осенний мотив.

Могучим дыханьем и тёплой волной
Пахнуло от новых и светлых домов.
Свой горн раздувает кузнец молодой —
И, кажется, тают покровы снегов.

Родного приволья широкий разлив.
Колосного поля зимний мотив.

И зерна народных желаний взошли.
И новая жизнь на полях расцвела.
И мы не кочуем в грязи и пыли —
Аратам другая дорога легла.

Да здравствует счастье колхозных полей
И все землеробы отчизны моей!

Старый певец

Говорят, постарел, слабнет голос.
С оговоркой придётся принять.
Жизнь моя пополам раскололась,
В Октябре расцветая опять.

Потому Октябрю я ровесник.
И с начала всей жизни земной
Я пою его юные песни.
Запевайте, внуата, со мной!

Подпевают мне юные други.
В цвете радости наша страна
И свои благородные руки
Через горы вростерла она.

И, конечно, стариk я седой,
Но пою, как певец молодой!

Салим Сюрюн-оол

Песня тувинского народа

Нас урянхайцами когда-то
В насмешку ханский звал Китай.
Была печальной жизнью арата,
Был краем нищеты наш край.

Но цепи разорвал арат —
Помог нам старший русский брат.

Теперь мы на родных равнинах
Пасем колхозные стада.
И на урочищах пустынных
Выстраиваем города.

В руках свободного народа
Преображается природа.

На пашнях тракторы повсюду,
Поля в узорах, как ковры.
И радостно родному люду
Под солнцем сталинской поры!

Сметая прошлого следы,
Чудесной жизнью мы горды!

Нагоц тувинский, злакаленный
В жестокой вековой борьбе,
Под сенью сталинских законов
Путь к счастью отыскал себе!

Со всей великою страной
Цвети, Тува, мой край родной!

Песня радости

Когда по утрам розовеет
Под солнечным светом роса,
Звенят, как прозрачные струи,
Разбуженных птиц голоса.

И радостью свежей охвачен,
Я тоже встречаю зарю
И гордую, смелую песню
О солнце и счастье пою.

Окончены голы кочевья,
Тяжелого злого житья,
Со мною теперь трудовая,
Большая родная семья.

И сколько бы ни было дела
В широкой долине вокруг,—
У нас теперь хватит умелых,
С работой сроднившихся рук.

Не видел я синего моря,
Но вышел в родимую степь
И желтое море пшеницы
Здесь осенью будет шуметь.

Зачем мне далекие звезды.
Ведь мне их не счастье никогда,
Бесчисленней звезд полуночных
Колхозные наши стада.

Мы вышли в тайгу вековую,
Срубили деревья—и вот
Над старым унылым кочевьем
Колхозный поселок встает.

И краше еще и богаче
Пусть будет родная земля.
Тебе—мои лучшие думы
И лучшая песня моя.

Сын колхоза

Есть у нас в Туве колхоз богатый,
А в колхозе парень молодой,
И в районе про него, ребята,
Рассказать сумеет вам любой.

И когда осеним утром рано
Он комбайн выводит на поля,
Серебрятся снежные Саяны,
Тихо «здравствуй» шепчут тополя.

И колосья, наклонив головки,
Ветерку расскажут все о нем,

**Что в работе этот парень ловкий
Весь горит и светится огнем.**

За работой дни бегут, как кони,
Трудодни растут, растут горой,
Знают все в колхозе и в районе
Скоро будет парень наш герой.

И не только он хороши в работе,
Но и в песнях первый из ребят.
И девчата наши все в заботе,
Все с надеждой на него глядят

Имя парня не назвал совсем я,
Не назвал сумон, где он живет,
Но в больших, колхозных дружных семьях
Это имя каждый назовет.

И в родном твоем колхозе тоже
Есть такой ударник отневой.
Много на него ребят похожих...
Как зовут его, читатель мой?

Салчак Тамба

Пора!

Пришла весенняя пора,
Мороз прогнала со двора.
И в небе синем высоки
Птиц перелетных косяки;
Спеша к знакомой стороне,
Они курлычат в вышине.

Как ожило мое село!—
На улице светлым-светло.
Почти из каждого двора
Повысыпала детвора,
Смеясь, крича наперебой
Звонкого голоса гурьбой.

Проснулись реки от тепла,
Весна их к жизни призвала,
И, расколоввшись, синий лед,
Как стадо, медленно плывег
Вниз по разбуженной реке,
Теряясь где-то вдалеке.

С окрестных гор и там, и тут
Ручьи веселые бегут.
Они стекают на поля,
И жадно влагу пьят земля.
Разбух тяжелый чернозем...
Пора! Заутра сев начнем!

Обновленная земля

Где Копту, где Хаттыг Баалык,
Там ни плуг не ходил, ни соха.
Там бродил по степям дикий бык,
Кочевали стада пастуха.

Но сказали мы дружно: „Пора!“ —
И, как танки идут на войну,
Строем двинулись в степь трактора
В пустырях поднимать целину.

И теперь не узнать нам земли,
Где свободно гулял суховей:
Золотые хлеба зацвели
И колышутся морем над ней!

Любо-дорого нам посмотреть
На цветущие наши поля;
Пожелтели хлеба, словно медь,
Шелестят, что листвой тополя.

У подножья Коптинской горы —
Только август в окно постучит —
От утра до вечерней поры
Труд упорный на нивах кипит.

Праздник урожая

Сверкают зеркалом озера
Среди заоблачных Саян,
Пестреет праздничным узором
У склонов гор колхозный стан.

За пашнями ковры лужаек,
По ним рассыпались стада.
С веселым шумом вниз стекая,
Стремится в Улуг-Хем вода.

Березы на крутом пригорке
Стройнее девушек стоят.
И молодежь скороговоркой
Веселых шуток сыплет град.

И вот уже взвились знамена,
По кругу звон и гул идёт.
Народ — весь счастьем озаренный —
Во славу Родины поёт.

Он славит труд и радость вместе,
А в стороне, где пестрый луг,
Звенит всё громче медь в оркестре,
Всё шире пляски буйный круг.

Свободный труд, ключом вскипая,
Аратам многое благ принёс...
Не даром Праздник Урожая
Справляет радостно колхоз.

Олег Сувакпим

Слава России

Ее земля
рудой богата, хлебом.

Ее поля
под необъятным небом.

Орлы
парят над областью лесною.

Волы
ползут дорогою степною.

В морях
се большие пароходы.

В горах
простор для песни и охоты.

Равны
ь правах и старики, и внуки.

Сыны
сильны и сведущи в науке.

Моя
Россия -- мощная держава.

И я
от сердца говорю ей: „Слава!“

Арать мы,
но прикажи Отчизна, --

Солдаты мы
под стягом коммунизма!

Михаил Соболев

Конец каменной бабы

Солько лет она здесь стояла —
Может, сто, а может пятьсот?
Чья рука её изваяла.
Чей кропил её терпкий пот?

Ветер злился, выли метели,
Бушёвала в горах грязь
Но бесстрастно на всё глядела
Неживые её глаза.

Руки крепко к груди прижаты —
То ли молится, то ли свят.
И ни подписи, и ни даты
Камень пасмурный не хранит.

Молчалива и безымянна,
Чей покой она бережёт?
Может, воины Чингис-хана
Здесь закончили свой поход?

Или витязь, жадный до славы,
Беспощадный, злой феодал
Повелел, чтобы камень шершавый
После смерти его охранял?

И в степи, неоглядно-ровной,
Где простор величаво широк
Долго камень стоял безмолвный,
Покосившись на правый бок.

Годы, медленны и тягучи,
Шли по знайным сухим степям,
Под безжалостным солнцем жгучим,
По безрадостным злым путям.

И стоял тот памятник древний,
Азиатским солнцем палим.
Только серый ястреб надменно
Проплыval иногда над ним.

Да верблюжьего каравана
Раздавался усталый шаг,
И звучала музыкой странной
Речь людей в его мертвых ушах.

„Вечный сон здесь навечно будет!“ —
Пели ламы в монастырях...
Но рождались новые люди
В голубых тувинских горах.

И однажды ранней весною,
Только стаял последний снег,
Позабытой старой тропою
Прискакал сюда человек.

И до самого до заката, —
Как он только тогда не устал, —
Он ходил и своей лопатой
Землю в разных местах копал.

Но искал он не клад стариный,
Что зарыт много лет назад, —
Плодородную землю в долине,
Самый лучший, бесценный клад!

Лишь под вечер он возвратился
В те места, где коня привязал.
К бабе каменной наклонился,
Как живой, ей в ухо сказал:

— „Эй, старуха, хватит на нашей
На земле без толку стоять!
Мы её послезавтра вспашем,
А тебя придется убрать“...

И земля, что лежала веками,
Дожидая хозяев своих,
Засверкала под лемехами,
В первый раз почувствовав их.

И ожили степи глухие! —
Столько стало людей вокруг!
Неподатливые, тугие,
Травы срезал блестящий плуг.

Как-то пахари, камень жалея,
К серой бабе утром пришли:
— „Лучше стой уж себе в музее,
Чем валяться вот так, в пыли!“

Спеленали её, как ребенка,
Чтоб надежней поклажа легла,—
И грохочущая трехтонка
В город памятник повезла.

А по той, по старой могиле
Плуг прошёлся, легла борозда,
И в канаве, что рядом прорыли,
Зажурчала, струясь, вода...

Те же горы и реки те же,
Так же звёзды ярко горят,
Но о прошлом всё реже и реже
Хлеборобы теперь говорят.

Да сегодня им до того лы
Чтоб копаться в пыли времён?
На заре вышли тракторы в поле
И приехал в село агроном.

И по праву колхозник гордится
Обновлением земли своей —
Кропотливо взращённой пшеницей,
Светлым счастьем родных степей!

Александр Машин

Слава

Никто из нас не помышлял о славе,
Когда с зари трудился до зари,
Но все же я сегодня в полном праве
Хочу о ней с друзьями говорить.

Не через яркие журнальные страницы
Идет она, не в песнях и стихах, —
Зелёными побегами пшеницы
Восходит наша слава на полях.

Вся в стружках, извести и черепице
Она встаёт домами городов.
Она водой каналами струится
Среди степей, не видевших хлебов.

Она у трактора, что выше нормы пашет,
У вахты токаря, в лугах, где косари.
Ведь наша слава — это время наше,
Что обгоняет все календари.

Она с тобою на путях к науке,
В преградах тех, что ты преодолел,
Как будто Сталин нам с тобою руки
Своим пожатьем ласковым согрел...

Но этим всем не время нам кичиться,
Ведь впереди ещё так много дел.
И наша слава — это лишь частица
Того, что Сталин сделать нам велел.

Пройдут года (а это будет скоро,
Они так незаметно пролетят!),
Над Енисеем встанет новый город —
Заводы, фабрики, цветущий сад.

Поля хлебами зашумят густыми.
От южных гор до северных дубрав
В степи посёлки новые подымет,
В музей кошму последней юрты сдав.

И русла рек в пески степей направив,
Заставим лес подняться средь камней...
Вот почему мы говорим о славе —
И думаем о Родине своей!

Л. Чадамба

Маады Парынмаа

Вместе с Героем Социалистического Труда Маады Парынмаа мы приехали в его родной колхоз.

Пока Маады занимался хозяйственными делами своей бригады, я постарался подробно записать все, что он мне рассказал в пути.

Начиная с первых дней существования Советской Тувы трудящиеся с чувством огромной благодарности восприняли те меры неоценимой помощи, которые оказало тувинскому народу Советское правительство, большевистская партия. Благодаря этой помощи колхозы Тувы выросли и окрепли. Они приобрели различный сельскохозяйственный инвентарь и развернули строительство колхозных посёлков.

Молодой колхозник Маады Парынмаа в памятном всем трудящимся Тувы 1945 году вступил в ряды Ленинско-Сталинского комсомола. Прижав к сердцу комсомольский билет, он сказал на комсомольском собрании:

— Я заверяю вас, товарищи,—я приложу все силы, чтобы бороться с честью за те высокие цели, которые ставит перед Ленинско-Сталинским комсомолом наша славная коммунистическая партия.

Партийная организация колхоза воспитывала у комсомольцев и молодёжи чувство гордости за труд на благо Советской отчизны.

— Действительно, в дни войны мы зимою в трудных условиях заготовили и доставили лес с горы Чокпак-Таг, построили школу, ферму, хлев для телят и мельницу. Кроме того мы выкопали канал длиной в восемь километров. На этом канале работает наша мельница, воды канала орошают 200 га земли,—рассказывал Маады, взволнованный воспоминаниями.

С первых дней работы в колхозе Маады стал бережно

и любовно относиться к колхозному имуществу, осваивать новую технику. В 1947 году он стал работать машинистом на колхозной жнейке. При дневной норме в 3,5 га он постоянно скашивал не менее 4 га.

* * *

Высоко над полями Ораш-Хову замерзали звёзды. Тишина наступившей ночи разрывалась шумом молотилки и возгласами молодёжи. Подошёл Маады. Мы сели на коней и поехали вправление колхоза. Из темноты, в которой трудно было различить дорогу, мы въехали в залитый электрическим светом посёлок.

В правлении колхоза собралось несколько человек. Речь зашла о борьбе колхоза за получение высоких урожаев.

Маады рассказывал:

— В 1948 году наши колхозники повели борьбу за высокий урожай. Начали с небольшого. Нам дали пятнадцать лошадей, четыре плуга, шесть борон, две сеялки и поручили обрабатывать участок в 30 га на Сайлыг-Кара. Смною работали тогда товарищи Товуракпай, Беленков, Агафья Неволина, Салчак Парынмаа, Дуня Онержик и другие активисты из молодёжи. Нам сказали: «С каждого га соберите по двадцать пять центнеров». Мы решили собрать по 30 центнеров. Распределили между собой обязанности, завезли удобрения на поля, произвели снегозадержание, закончили к весне подготовку семян. Работали мы, основываясь на правилах агротехники, для чего учились под руководством агронома Александры Добрыниной, обсуждали напечатанные в газетах советы по агротехнике.

В летние дни мы тщательно ухаживали за посевами, поливали их, боролись с сорняками и другими вредителями полей. Каждый из нас понимал ту ответственность, которую он несет перед колхозом. „Нам поручили важное дело. Мы взялись перевыполнить задание. Как бы нам не пришлось краснеть?“ — волновались мы.

Вот наступили жаркие, волнующие августовские дни уборки урожая.

„Сколько-то будет центнеров?“ — беспокоила нас одна дума.

Потерь у нас не было, школьники взяли шефство над нашим участком и, можно сказать, на славу поработали. Колхозники, не зная ни дня ни ночи, перевозили и укладывали сжатый хлеб в скирды. Потом четверо суток молотили. Первый обмолот сдали государству, а остальное ссыпали на семена. Очень хороший хлеб вырос, —зерно крупное, чистое — ни одной соринки.

Я взглянул в глаза Маады. Они радостно искрились —

казалось, что в них переливаются золотистые зерна из его урожая.

— Когда мы услышали заключение комиссии по приёмке урожая,—сдерживая радость, продолжал Маады,—„по тридцать с половиной центнеров с га!“ — как будто из одной труди у всех нас вырвался вздох облегчения, даже дышать как-то легче стало—так мы тогда волновались. Подводя итог рассказу своего бригадира, председатель колхоза имени Кочетова сказал:

— Работу Маады Парынмаа, которая является в его жизни началом больших схваток за прекрасную жизнь, за светлое будущее нашей Родины, высоко оценило Советское правительство.

Президиум Верховного Совета СССР 10 июня 1949 года присвоил товарищу Маады самое высокое звание—Героя Социалистического Труда и наградил его высшей наградой—Золотой Звездой и орденом Ленина. В почётной грамоте золотыми буквами написано о его трудовой доблести на благо советской Родины.

— Такого великого счастья,—продолжал председатель,—такой высокой оценки своего труда простые люди достигают только в нашей стране, в стране сталинской дружбы народов, в стране, строящей коммунизм. Только у нас, при постоянной заботе большевистской партии, нашего отца и учителя товарища Сталина, вырастают и воспитываются новые люди—герои труда. Наш герой, отец которого был рабом в старые времена у феодалов и баев, стал мастером высоких урожаев на социалистических полях.

* * *

Труд Маады Парынмаа по достоинству оценён советским народом. На имя Маады Парынмаа ежедневно приходят поздравительные телеграммы и письма от его собратьев по труду, от советских воинов, которые находятся далеко, за многие тысячи километров от его полей высоких урожаев.

Вот о чём писал полковник Беленовский—редактор газеты „Сталинская гвардия“:

Воины гвардейского подразделения, прославившие свои боевые знамёна в многочисленных сражениях против врагов нашего отечества, ныне зорко стерегут границы великой Советской державы. Они следят с большим вниманием за мирным строительством в своём любимом отечестве и очень заинтересованы каждой вестью, приходящей с наших строек, заводов, колхозных полей, радуются всякому достижению героев труда.

Товарищ Беленовский просил Маады Парынмаа написать воинам о жизни колхоза, о лучших людях колхоза — героях борьбы за высокий урожай, о росте общественного благосостояния колхоза, о его культурных достижениях и новых стройках.

«Ну что же, если вы желаете посмотреть наше колхозное хозяйство, наши поля,—мы с удовольствием покажем вам. Добро пожаловать!» — и Маады мысленно перебирает достижения своего колхоза, словно показывает их гостям.

Межу долиной быстрой реки Хадын, перед горой Чокпак-Сын и полями, где выращиваются богатые хлеба, на красивой, покрытой роскошной травой, поляне, раскинулся новый поселок. Вот взошло солнце. Его лучи радостно играют на новых домах с красивыми наличниками. Не это было в те времена, когда здесь родился Маады. Даже еще в 1941 году здесь стояло только четыре домика. А теперь — мы спокойно строим свою мирную жизнь, оберегаемые вами, товарищи солдаты нашей Советской Армии. Теперь у нас в каждом доме имеется электричество, радио; в посёлке есть школа, больница. Колхоз получает доходы от продукции молочно-товарной фермы и недавно организованных птице- и свинофермы.

Все основные хозяйствственные работы в колхозе механизированы: на колхозных полях работают комбайны, мощные тракторы АТЗ—НАТИ с пятикорпусными плугами, сеялки, молотилки и другие машины; построена зерносушка. С каждым годом увеличивается посевная площадь: в 1949 году у нас было посевано около 900 га, а в 1950 году — почти 1000 га, из них под зерновыми — 880 га. Колхоз имеет свой кирпичный завод, установлена циркульная электропила; они полностью обеспечивают колхозное строительство тёсом и кирпичом. Построены дворы для общественного скота, его поголовье ежегодно возрастает.

Всего, чем богат наш колхоз, не перечтешь сразу и всем этим, товарищи воины, мы обязаны Советскому правительству, нашему родному отцу товарищу Сталину. Да, действительно, есть что показать, есть о чём рассказать Маады Парынмаа своим корреспондентам о колхозе имени Кочетова, с его достижениях...

* * *

Утром мы поехали на поле Сайлыг-Кара, где в 1948 году Маады Парынмаа с каждого гектара собрал 30,5 центнеров пшеницы.

—Стан на Ораш-Хову мы решили электрифицировать, поставили телефон, выкопали колодец, а чтобы не вывозить зерно — для посева в будущем году, построили там же боль-

шой склад для семян,—рассказывает Маады.—А вот те поля мы подготовили в прошлом году для посева. Тракторами всхахали ранее никогда не тронутые толщи земли. И вот на них уже созрел урожай.

На току Сайлыг-Кара колхозники обмолачивали последнюю скирду хлеба.

Золотые лучи осеннего солнца расплескались по земле и ярко сверкали на остроконечном, как штык, пике горы Чинге-Таг, на стальной броне машин в степи.

В тени от вершины горы расположен ток с большим навесом; вокруг него раскинулось выше трехсот га пахотных земель. Под навесом стоял богатырь социалистических полей—комбайн „Сталинец—6“. Сейчас он, как борец после схватки, отдыхал, ожидая нового задания.

Обмолоченное зерно с участка бригады, руководимой Маады,—чистое и крупное,—то поднималось золотистым холмом, то переходило в широкую седловину.

— Хороший хлеб вырос в этом году, а не так давно мы получали высокие урожаи на маленьких участках. Теперь хороших урожаев мы добиваемся на всей посевной площади. Раньше наши отцы обрабатывали землю для посевов деревянными мотыгами, выдергивали хлеб руками.. А теперь, сами видите, стараемся овладеть новой техникой учимся работать по-новому.

Так бригадир тувинского колхоза Герой Социалистического труда Маады Парынмаа вместе со всем советским народом по призыву большевистской партии, великого учителя товарища Сталина борется за получение богатых урожаев на социалистических полях, за дальнейшее укрепление могущества нашей Родины, за торжество коммунизма.

Весна в „Победе“

Люди свертывали старую, побуревшую от времени юрту. Привычное дело шло быстро. Скоро на лужайке осталася лишь отчётливо видный бурый круг утоптанной земли. На самой средине была видна кучка пепла—здесь недавно был очаг.

— На кочевку отправились,—подумал я.

Но я ошибся. В то время, как одна группа навьючила лошадей, другие спокойно стояли рядом, не спеша курили и о чем-то переговаривались с отезжающими.

Когда маленький караван уже скрылся за деревьями, между которыми пролегла дорога, один из провожающих, пожилой человек, подошел к нам.

— Вот чудаки!—смеясь и покачивая головой, сказал он. Заметив, очевидно, что я не понял, к кому относятся эти слова, он пояснил:

— Юрту у меня купили. Нарочно из Улуг-Хема приехали, потаскились в такую даль. Ну, скажите, на что им теперь юрта понадобилась? Ведь у них тоже новые поселки строятся, как и у нас. Мне вот, например, эта юрта уже не нужна—свой дом теперь есть. На эти деньги, что они мне дали, куплю мебель, еще кое-что по хозяйству... И не жалко им деньги отдавать за юрту? Бог чудаки!—повторил он снова, улыбнувшись.

Это—весна пятидесятого года, шестой год советской власти в Туве. Всего пять лет новой жизни зачеркивают в сознании людей то, что упорно держалось веками.

О том, что юрта уже становится остатком старины, доживающим свои последние дни, убедительно говорит та жизнь, которую видишь сейчас на зеленых привольных берегах Элегеста.

Поднимитесь на холмы, подступающие к берегам Элегеста, посмотрите в направлении реки, и первое, что вам

бросится в глаза,—невысокие деревья, стоящие зеленою стеной на ее берегах, не горы, поднимающиеся вдали, и конечно уж не юрты, скромно стоящие в стороне, а белые, блестящие на солнце ряды новых домов.

— Вот и «Победа»,—говорит шофер.

В сорок шестом году восемнадцать хозяйств тандинских аратов решили начать новую, коллективную жизнь. Они объединились в тожзем, которому дали знаменательное имя „Победа“. В этом имени был и отзвук нашего триумфа в недавно отгремевшей великой войне и смысл тех перемен, которые начались в Туве—победы нового над старым.

Долгим был путь, по которому эти люди пришли к новой жизни. Многие годы кочевали они по степным дорогам Танды, много невзгод видели на своём веку. Одного только они не знали — радости коллективного труда.

В 1948 году они перешли на Устав сельхозартели. Колхоз начал расти, как говорится, прямо на глазах. Со всех концов Танды и даже из Улуг-Хема приезжали араты — посмотреть на новую жизнь. „Осмотр“ обычно заканчивался тем, что человек писал заявление с просьбой принять его в колхоз, свёртывал свою старую юрту и отправлялся в своё последнее кочевье — поближе к хозяйственному центру молодой артели, на берега Элегеста.

Хозяйство крепло, набиралось сил. Одно только тормозило его развитие—люди попрежнему жили в юртах. Трудно было правлению и давать задания, и вести правильный и быстрый учёт. Да и, наконец, людям просто надоело уже жить в юртах.

Поэтому и началась здесь „строительная горячка“. Зимой и летом в тайге кипела работа. Один за другим доставлялись срубы на строительную площадку. Вскоре первые новосёлы вошли в свои дома и впервые в своей жизни разожгли не дымные очаги, а настоящие большие русские печи...

И вот — весна пятидесятиго года.

Не восемнадцать, а сто девять хозяйств теперь в молодом колхозе. Не три старых сруба, а целая улица длиной чуть не в километр. Не отдельные клочки, а около пятисот гектаров земли — вот какими стали колхозные поля.

Председатель колхоза Оюн Уйнуку, с которым мы идём по широкой улице посёлка, с гордостью говорит, показывая свое хозяйство:

— Сейчас пока только четырнадцать семей перешли у нас в новые дома. Но это только начало. К концу года таких семей станет двадцать две. А вот приедете к нам через два года,—все колхозники будут жить в домах. План

такой есть у нас. Тогда вы вон те юрты уже не увидите.

Он показывает в сторону рощи, на опушке которой стоят в ряд сероватые, низкие, почти незаметные издалека, юрты. Рядом высится стройное белое здание. Это — недавно построенное колхозное зернохранилище.

— Навещайте нас почаще,—говорит Уйнуку.

— Спасибо за приглашение. Обязательно. И через два года тоже приедем. А вы сейчас не можете нам рассказать, какие перемены тут произойдут, каким будет ваш посёлок?

— Отчего же! Конечно, можно. Ведь мы все делаем по плану. Тогда у нас будет, сами понимаете, не одна улица, а несколько. У каждого дома — палисадник. И обязательно — зелень, молодые деревья. Дома у нас не только одноквартирные, но и двухквартирные — большие. Контора наша колхозная и школа будут находиться в новых зданиях. Построим клуб, откроем баню. Будет у нас свой магазин, склад, пекарня. Скоро начнет работать Элегестинская межколхозная электростанция — во всех домах и на улицах будет гореть свет. К этому мы, между прочим, уже сейчас готовимся — заготовили столбы, выкопали ямы, внутреннюю проводку у нас в домах уже сделали.

От поселка до полевого стана пока нет ещё прямой дороги — мешают глубокие обрывистые овраги. Приходится их объезжать. Но колхозники уже всерьёз думают о том, чтобы проложить хорошую, удобную дорогу — это значительно сэкономит время...

На полевом стане тихо. Все люди на полях, широко раскинувшихся по направлению к Шингану. Мы застали здесь секретаря парторганизации Оюн-оола Оруйгу. Он приехал с поля, чтобы помочь учётчику.

— Как идет работа? — вот первый вопрос, который я задал секретарю.

Он минутку молчит, очевидно, собираясь с мыслями, и потом уже говорит уверенно, ни на один миг не прерывая своего рассказа:

— Откровенно говоря, нашим колхозникам пришлось немало поработать этой весной. Больше, чем в прежние годы. Почему? Сеять надо было больше да ещё оросительную сеть привести в порядок. Запущена она у нас была, не было времени взяться за нее, как следует, раньше. Правда — в прошлом году мы провели восемнадцатикилометровую оросительную канаву, но нужно было ещё расчистить новую — девятикилометровую. Тридцать восемь человек мы послали на эту работу, и они закончили её раньше, чем за месяц. Чувствуется, спешили люди, старались успеть к началу сева.

Оюн-оол Оруйгу достаёт тетрадь, перелистывает ее, в ее время торопливо повторяя: „Сейчас... Сейчас...“ — и, найдя нужное место, говорит:

— Вот смотрите. По норме надо было копать 150 метров в смену, а люди давали по 200, 250, 300 и даже ещё больше. Вот они у меня все тут записаны, стахановцы: Оюн Сюргара, Анайбан Тонгак, Калбак Чиртак-оол, Сырданай Чиртак-оол, Оюн Сенгеней.

— Успехи к нам не пришли сами собой, — продолжал секретарь, — их подготовила наша партийная организация. У нас коммунисты и комсомольцы — в первых рядах. Они ведут за собой и остальных колхозников.

— Колхозники у вас соревнуются между собой?

— Не только между собой. Мы ещё заключили договор с нашими соседями — колхозом имени Сталина. Создали комиссию по проверке обязательств. Постоянно работают пятнадцать агитаторов. Беседы, стенные газеты, агитлистки хорошо помогли нам во время сева, ещё лучше они помогают сейчас. На партийные собрания мы выносим самые важные вопросы колхозного производства. Партийная организация у нас, как бы это сказать, вроде командного пункта на поле боя: ей всё видно, и она может в нужный момент на любом участке сосредоточить необходимые силы.

— Интересно, как женщины участвуют в труде?

— С женщинами дело было не совсем благополучно. Сохранилась ещё в тувинских хозяйствах такая привычка, чтобы женщины оставались дома, когда мужчины работают. Наш колхоз — не исключение. Тоже так было. Конечно, хозяйству от этого большой убыток. Поговорили мы с членами женсовета — Оюн Минчеймаа у нас им руководит — дескать, давайте, работайте с женщинами, вы их лучше сагите. И дело пошло. Почти все на севе работали, разве только тех не было, у которых совсем маленькие деги.

Работа — работой, а об учёбе мы тоже не забывали. Политкружок у нас работал, кружок по ликвидации неграмотности. Учила неграмотных комсомолка Сюргара. За зиму пятьдесят человек выучила. Зайдите посмотреть, как живут наши колхозники, — у всех увидите номера „Шын“, разные книги.

Оюн-оол Оруйгу приглашает нас снова вернуться в посёлок, зайти вправление. Обещает рассказать и о животноводах.

Колхозная контора пока ещё помещается в маленьком, неприспособленном помещении.

„Пока что миримся, — говорит секретарь, — недолго осталось здесь жить. Вон, видите, большой сруб? Там будет ваша новая контора.

Пожутно мы зашли на пекарню. Топилась большая печь, а на длинном столе стояли в ряд большие круглые ковриги с золотистой, поджаренной корочкой.

— Вот еще забыл вам сказать, — спохватился секретарь, — сейчас у нас в каждом доме, в каждой юрте достаточно хлеба. Вы понимаете, что это значит — сейчас, в начале лета. Когда раньше мы могли этим похвальиться! Наши колхозники говорят: «В этом году еще больше соберем». Мы так и запланировали — по 16 — 18 центнеров с гектара. Я уж не говорю, что мы и овощи в этом году посадили, да еще и технические культуры — лен и коноплю.

— Что ж ты, Оруйгу, ничего о наших стадах не скажешь? — нетерпеливо произносит скромно сидящий в углу колхозник. Не выдержала, как видно, душа прирожденного скотовода.

— Не беспокойся, Павун-оол, и до тебя очередь дойдет — улыбаясь, говорит председатель. Потом обращается ко мне:

— Это у нас один из лучших чабанов, коммунист. Сто отного ягненка получил и семьдесят пять козлят и всех их сохранил. Другой у нас чабан есть — Оюн Танзынхо, так у того тоже потерь нет. У телятницы Секечит — тоже.

— Колхоз многим им обязан, животноводам нашим, — говорит один из членов правления, — только весной этого года они получили и сохранили 22 жеребенка, 24 теленка, 240 ягнят, 197 козлят. — И с гордостью добавляет: — Богатеем.

— Да, богатство артельное помаленьку растет, — скромно говорит председатель. — Купили автомашину, конную сеялку, двадцать комплектов сбруи, на десять тысяч рублей приобрели различных строительных материалов. Сепаратор на ферме поставили. Молочных продуктов в этом году будет достаточно. И самим хватит, и на продажу останется. А вот, смотрите, несколько цифр. Поголовье скота в этом году у нас резко увеличивается: лошадей — на восемнадцать процентов, крупного рогатого скота — на тридцать, а овец и коз — на целых сорок.

Да, эти цифры красноречивее слов.

Открывается дверь, и в комнату входит молодой человек в яркой зеленой рубашке.

— Вот и наш строитель явился, — говорит секретарь. — Ты куда сейчас собрался, Дазырбан?

— Да в тайгу надо съездить, к своей бригаде.

— Вот хорошо. Поедешь вместе с товарищами.

Через десять минут кони были оседланы. Мы отправились в путь — к шумящему буйному Элегесту.

Пока дорога идет по берегу, можно ехать спокойно. Молодой бригадир немногословен, но все же я узнаю, что он только недавно демобилизовался из армии. Здесь его оставили бригадиром потому, что он зарекомендовал себя

хорошим плотником. Бригада строителей — постоянная. Всё строители, в зависимости от квалификации, имеют разряды, и соответственно производится оплата. Он рассказывает о том, что в этом году в колхозе будет организовано кирпичное производство, выпуск финской стружки, построена столярная мастерская.

— А остальное сами увидите на месте, — заканчивает Дазыран.

Вскоре спокойной поездке пришёл конец. То и дело приходилось переезжать Элегест вброд. Вода доходит всадникам до колен. Кони борются с сильным течением.

Вот, наконец, Донгунарик, небольшой поселок колхозных лесорубов. Здесь работают двадцать два члена строительной бригады. Дазыран наладил тут общественное питание, комсомольцы регулярно выпускают агитлистки. Заметки хлесткие, язвительные. Плохо тому, о ком они написаны. Но таких мало. Несравненно больше примерных работников-стахановцев. Комсомолец Тектар-оол, Оюн Тартакы, Яков Чиртак-оол — отличные плотники. О них сообщается почти в каждом номере листка.

Сейчас строители готовились к трудному и непривычному делу — к сплаву леса по реке. В это время года Элегест становится капризным и бурным. С грохотом несется большая вода по камням, но колхозники решили заставить и эту бурную воду работать на себя. Здоровенные бревна, направляемые твёрдыми, уверенными руками, река будет выполнять к самому посёлку, экономя труд людей и лошадей, сохраняя дорогое время.

Мы вернулись в поселок под вечер. В просторной чистой комнате в одном из новых домов состоялось заседание управления колхоза. Обсуждались вопросы строительства.

И совсем неожиданно это чисто деловое совещание под конец превратилось в вечер воспоминаний. Как только все вопросы были обсуждены и решения вынесены, пожилой колхозник, до этого тихо сидевший в углу, вдруг заговорил, не прося слова у председателя.

То, что он сказал, как будто и не имело прямого отношения к сегодняшнему дню, его делам и заботам. Но мы послушали — и оказалось, что рассказ колхозника красочно дополняет деловую беседу.

— Вот все говорят, что раньше плохо было жить, — начал Чолдак-Кара. — Каждый вспоминает свое детство, рассказывает о молодых годах. Как бы там ни было, а молодой, — все-таки молодой: у него жизнь впереди, мало ли что может в ней перемениться.

А вот каково было старикам! Жизнь уже прожита, вадеяться не на что. А что они видели хорошего? От хоро-

шей жизни люди не чахнут. А посмотришь на наших стариков: высохли, сморщились, глаза потускнели, не поймешь—жив ли старик или почти умер. А чтобы кто позаботился о них — такого и в обычae не было.

Почему я завел этот разговор? Потому что другое вспомнилось мне. Когда в нашем колхозном поселке появились первые дома, стали обсуждать—кого первого поселить в них. И решили — меня. Говорили: «У нас еще волосы черные, а посмотрите на голову Чолдак-Кара—и ней на ней. Мы еще потерпим немногого, в юртах поживем, а ему пора в тепло. Нелегко было ему раньше, а дождался новой жизни—пусть первый почувствует ее».

Теперь я и сам обеспечен, и за детей спокоен. Дочь Соскенек и сын Подук-оол работают хорошо, уважают их все. Тодар-оол тоже хорошим полеводом был, секретарем комсомольской организации. Сейчас он в армии, охраняет нашу счастливую жизнь.

Разве раньше я мог думать, что так буду жить — в таком уюте, не зная нужды? А дети, уверен, будут жить еще лучше.

Старик помолчал, а потом тихо, но твердо сказал:

— Спасибо, тысячу раз спасибо за это — родной советской власти!

— Верно, все верно,—поддержал старика другой пожилой колхозник, Оюн Кенден. — Расскажу о себе хотя бы. Кочевали мы когда-то по Межегею. Кажется, давным-давно это было, а на самом деле не так уж много времени прошло с тех пор. А все потому, что наша теперешняя жизнь исконично не покожа на ту, прежнюю. Что знал тогда я, сын арата-бедняка? Задымленную юрту, свое небольшое стадо, серые холмы вокруг да те долины, где мы кочевали.

— А почему вы тоже не переходите в дома? — спрашивали нас русские друзья. — Не так уж трудно дом построить. Да и мы бы вам помогли.

Сознаюсь, странными казались мне тогда эти советы.

— Нет уж,—обычно отвечал кто-нибудь из нас. — Видать, надо так: русский живет в доме, тувинец — в юрте. Наши отцы и деды так жили, не нам менять обычай.

Посмотрели бы сейчас те, кто говорил это,—многих из них уже нет в живых,—как сменили мы обычай и не только этот обычай. Все у нас пошло по-другому с тех пор, как мы стали жить коллективно. Раньше мы беспомощно, как опавшие листья, носились по родным степям. Богачи с нами делали, что хотели, природа тоже делала, что хотела. А теперь мы прочно обосновались на родной земле, твердо встали на ней как её настоящие хозяева. Мы победили богачей, а сейчас побеждаем и природу. То, что

было невозможно сделать одному, мы дружно сделаем сообща.

С тех пор, как я вступил в колхоз, многое изменилось в моей жизни. Первое дело — живу теперь в прочном уютном доме. Уж мне не приходится дрожать при одной мысли о том, что надо выходить на мороз, итти спать в старую юрту, где так быстро остывает очаг. Не страшны теперь ни жгучие морозы, ни холодный ветер. В моем доме всегда тепло. Этим я обязан колхозу.

Осенью у меня будет вдоволь хлеба, не то что раньше, когда приходилось чашку тары занимать. Кто мне это дал? Колхоз.

У меня шесть детей. Семья не маленькая. Раньше я был ночами не спал, все думал, как бы прокормить, одеть, обуть всех. Да в юрте дети и не особенно поправляются: или умрут, или болеть всю жизнь будут. Сейчас я спокоен: четверо ребят у меня учатся — кто из нас раньше слыхал об ученьи? Подрастут двое — тоже пойдут в школу. Мало того — мои дети питаются в школьной столовой, двум школа выдала одежду и обувь. Это мне принесла колхозная жизнь.

Моя жена Чорба сама теперь печет хлеб в русской печи, чистоту в доме поддерживает, полы моет. Куплю материалу — сама сошьёт, что надо. Ведь мы за это время швейную машину приобрели; живем, как русские. Этим я тоже обязан колхозу.

Так и выходит: куда ни посмотри, за что ни возьмись — все дала нам колхозная жизнь.

Яркое молодое солнце сияет над долиной старого Элестха. По-новому улыбаются люди, по-новому звучат их песни. Араты, знавшие о счастье только по сказкам и легендам, впервые обрели свое подлинное счастье. И нашли они его в коллективной жизни, в дружном радостном труде в артели, носящей знаменательное имя — „Победа“.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

САЛЧАК ТОКА

К большому порогу. Слово арата (Повесть. Перевод <i>А. Тэмира</i>)	5
Охота на волков (Рассказ)	44

ОЛЕГ САГАН-ООЛ

Дружба (Рассказ)	52
Парень из сумона (Рассказ)	69

СТИХИ

СТЕПАН САРЫГ-ООЛ

Советская Тува (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	83
Счастье (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	84
Дорога помоши (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	—
Награжденная (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	85
Тракторист (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	86
Рассказ летавшего (Перевод <i>C. Гудзенко</i>)	—
Вечная слава (Перевод <i>C. Гудзенко</i>)	87
Я—гражданин Советского Союза (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	88
Слава Сталину (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	—

ЛЕОНИД ЧАДАМБА

Кызыл—Москва (Перевод <i>C. Гудзенко</i>)	90
На току (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	—
Табун на пастбище (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	91
По родной земле (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	92
Золотой закон араторов (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	93
Бай-тайга (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	94
В Москве (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	95

ОЛЕГ САГАН-ООЛ

Новь (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	96
Бывалый человек (Перевод <i>C. Гудзенко</i>)	—

ВАСИЛИЙ ЭРЕНЧИН

Говорит Москва (Перевод <i>M. Соболева</i>)	98
Песня счастья (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	99
Пионеры на полях Тувы (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	—
Девушка-охотник (Перевод <i>C. Гудзенко</i>)	100
Урожай (Перевод <i>M. Соболева</i>)	101

ЮРИЙ КЮНЗЕГЕШ

На берегу родной реки (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	103
Степной мотив (Перевод <i>C. Гудзенко</i>)	—
Старый певец (Перевод <i>C. Гудзенко</i>)	104

САЛИМ СЮРЮН-ООЛ

Песня тувинского народа (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	105
Песня радости (Перевод <i>M. Соболева</i>)	—
Сын колхоза (Перевод <i>I. Плоткиной</i>)	106

САЛЧАК ТАМВА

Пора! (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	108
Обновленная земля (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	—
Праздник урожая (Перевод <i>M. Скуратова</i>)	109

ОЛЕГ СУВАКПИТ

Слава России (Перевод <i>C. Гудзенко</i>)	111
--	-----

МИХАИЛ СОБОЛЕВ

Конец каменной бабы	112
-------------------------------	-----

АЛЕКСАНДР МАШИН

Слава	115
-----------------	-----

О ЧЕРКИ

<i>Л. Чадамба. Маады Парынмаа</i>	118
<i>M. Соболев. Весна в „Победе“</i>	131

П. Горелов
Редакционная коллегия: *О. Саган-оол*
А. Пальмбах
Технический редактор *С. Венгерская*

Б00468. Подписано к печати 25/XII—1950 г.
Тираж 3000 экз. Печ. л. 8,25
Учтено-изд. л. 10,5. Зак. № 1249

Типография облисполкома, Кызыл, Щетинкина, 5

Цена 2 руб. 50 коп.